

ISSN 2782-2966

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SEMIOTIC STUDIES

Научный журнал

Том 3 • № 1 • 2023

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Журнал «Семиотические исследования. Semiotic studies» является периодическим научным изданием, освещающим вопросы общей семиотики и смежных дисциплин. Знак, знаковый процесс и его векторы, семантика, синтактика и прагматика как измерения семиозиса, материальное воплощение знака – это тематическое пространство публикуемых работ. Журнал ориентирован на междисциплинарный синтез теоретического и практического знания, осуществляемый в рамках философии, литературоведения и социологии.

Цель журнала – изучение, осуществление и популяризация семиотического подхода к исследованию реальности.

Задачи журнала – создание международного, междисциплинарного исследовательского пространства в терминах и моделях общей семиотики, актуализация классического наследия и апробация новых идей семиотической мысли, создание и применение семиотических схем анализа и интерпретации в философском, литературоведческом и социологическом знании.

Тематика журнала

5.7. Философия (Социальные и гуманитарные науки)

- 5.7.1. Онтология и теория познания
- 5.7.6. Философия науки и техники
- 5.7.7. Социальная и политическая философия

5.9. Филология (Социальные и гуманитарные науки)

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.3. Теория литературы

5.4. Социология (Социальные и гуманитарные науки)

- 5.4.2. Экономическая социология
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7. Социология управления

Все статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и двойное слепое рецензирование ведущими учеными в соответствии с тематикой и специализацией журнала.

Главный редактор

А.Ю. Нестеров, д-р филос. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Заместитель главного редактора

Л.Г. Тютелова, д-р филол. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Ответственный секретарь

Т.Ю. Децова, канд. пед. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, Самарская область, г. Самара, ул. Академика Павлова, 1.
Тел. +7 (846) 3345406, **e-mail:** semiotic@ssau.ru
www: <https://journals.ssau.ru/semiotic>

Издатель и учредитель: Самарский университет

Адрес издателя: Центр периодических изданий Самарского университета, 443086, Российская Федерация, Самарская область, г. Самара, Московское шоссе, 34, корп. 22 а, 312 б.

Регистрационный номер средства массовой информации **ПИ № ФС77-79678** от 27.11.2020 г. СМИ зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Издается с 2021 г. Выходит 4 раза в год.

ISSN 2782-2966

Подписной индекс в Объединенном каталоге
«Пресса России» 85744

ISSN 2782-2966

Корректурa – *И.В. Ахматова*

Компьютерная верстка, дизайн – *И.В. Ахматова*

Информация на английском языке – *В.Д. Шевченко,*
Л. Ахтамьянова

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+, Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

В оформлении обложки использованы художественные работы Карла Аймермахера.

Подписано в печать 07.04.2023 Выход в свет 14.04.2023. Формат 60x84/8. Бумага офсетная. Печать оперативная. Печ. л. 17,75. Тираж 200 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «Прайм».

Адрес типографии: 443079, Российская Федерация, Самарская область, г. Самара, Байкальский переулок, 12. Тел. (846) 922-62-90, e-mail: prime.163@mail.ru

© Самарский университет, 2023

Редакционная коллегия

К. Аймермахер, д-р филол. наук, почётный проф. (Рурский университет, Бохум, Германия)

В.И. Аршинов, д-р филос. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

П.Н. Барышников, д-р филос. наук, доц. (Пятигорский государственный университет, Пятигорск, РФ)

Т.В. Бернюкевич, д-р филос. наук, проф. (Московский государственный строительный университет, Москва, РФ)

В.Ю. Бочаров, канд. социол. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Н. Вербер, д-р филол. наук, проф. (Зигенский университет, Зиген, Германия)

М.Н. Вольф, д-р филос. наук, доц. (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, РФ)

Н.В. Головкин, д-р филос. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, РФ)

И.В. Дёмин, д-р филос. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Д.И. Дубровский, д-р филос. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

Т.Н. Иванова, д-р социол. наук, доц. (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, РФ)

В.Е. Лепский, д-р психол. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

М.Н. Липовецкий, д-р филол. наук, проф. (Колумбийский университет, Нью-Йорк, США)

В. Лопичич, д-р филол. наук, проф. (Нишский университет, Ниш, Сербия)

Н.П. Малютина, д-р филол. наук, проф. (Университет Белостока, Белосток, Польша)

А.И. Мантарова, д-р социол. наук, проф. (Институт философии и социологии Болгарской Академии наук, София, Болгария)

И. Пёрцген, д-р филол. наук, проф. (Бременский университет, Бремен, Германия)

П. Ристхаус, д-р филол. наук, проф. (Хагенский заочный университет, Хаген, Германия)

Н.Т. Рымарь, д-р филол. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

С.А. Судьин, д-р социол. наук, доц. (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, РФ)

С. Томашчикова, д-р филос. наук, доц. (Университет им. Павла Йозефа Шафарика, Кошице, Словакия)

И.А. Христов, д-р по социологии, проф. (Университет Паисия Хилендарского, Пловдив, Болгария)

Г. Шольц, д-р филос. наук, почётный проф. (Рурский университет, Бохум, Германия)

Н.П. Щукина, д-р социол. наук, проф. (Самарский государственный медицинский университет, Самара, РФ)

Н.А. Ястреб, д-р филос. наук, доц. (Вологодский государственный университет, Вологда, РФ)

Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

ISSN 2782-2966

SAMARA
UNIVERSITY

Samara National
Research University

SEMIOTICHESKIE ISSLEDOVANIIJA

SEMIOTIC STUDIES

Scientific journal

Vol. 3 • no. 1 • 2023

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. SEMIOTIC STUDIES
SEMIOTICHESKIE ISSLEDOVANIJA. SEMIOTIC STUDIES

Vol. 3, no. 1, 2023

JOURNAL FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

The journal “Semiotic Studies” is a scientific periodical highlighting the issues of general semiotics and adjacent disciplines. The sign, sign process and its agenda, signification (semantics), syntactics and pragmatics as the measurements of semiosis, material realization of a sign – the research areas of the published papers. The journal is focused on the interdisciplinary synthesis of theoretical and practical knowledge implemented within the framework of philosophy, literature studies and sociology.

The aim of the journal is studying, implementing and promoting the semiotic approach to researching into the reality.

The objectives of the journal – developing the international, interdisciplinary research space in terms and models of general semiotics, maintaining the current state of the classical heritage and new ideas’ testing of semiotic thought, developing and application of semiotic analysis and interpretation patterns in philosophical, literature and sociological knowledge.

Remit of the journal

5.7. Philosophy (Social sciences and humanities)

5.7.1. Ontology and theory of knowledge

5.7.6. Philosophy of science

5.7.7. Social and political philosophy

5.9. Philology (Social sciences and humanities)

5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation

5.9.3. Literary theory

5.4. Sociology (Social sciences and humanities)

5.4.2. Economic sociology

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.7. Management sociology

All the articles undergo reviewing by the Antiplagiat program and double-blind peer-reviewing by the leading scientists in line with the remit and specialties of the journal.

Chief Editor

A.Yu. Nesterov, Dr. phil. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Deputy Chief Editor

L.G. Tyutelova, Dr. philol. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Executive Editor

T.Yu. Deptsova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Editorial office address:

1, Academician Pavlov Street, Samara, 443011, Samara region, Russian Federation.

Tel. +7 (846) 3345406, e-mail: semiotic@ssau.ru

www: <https://journals.ssau.ru/semiotic>

Publisher and Founder: Samara National Research University

Address of Publisher: Center of Periodical Publications of Samara National Research University, room 312B(Б), building 22A, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Samara region, Russian Federation.

The mass media registration certificate **III No. ФС77-79678** of **27.11.2020**. The mass media organization was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

ISSN 2782-2966

Journal is published since 2021. It is published quarterly.

Subscription index in the United catalog «Press of Russia» 85744. ISSN 2782-2966

Proofreading – *I.V. Akhmatova*
Computer layout, design – *I.V. Akhmatova*
Information in English – *V.D. Shevchenko*,
L. Akhtamyanova

Business model: financing of the journal is carried out by the founder, all articles are published free of charge. 0+, free price.

The Authors' articles do not necessarily reflect the views of the publisher.

The art works by Karl Eimermacher have been used while creating the cover design.

Passed for printing on 07.04.2023 The publication 14.04.2023. Format 60x84/8. Litho paper. Instant print. Print. sheet. 17,75. Circulation 200 copies. Order No.

Printed using the ready layout original at OOO (LLC) Pryme Printing house.

Printing house address: 12, Baikalskij pereulok, Samara, 443079, Samara region, Russian Federation. Tel. +7 (846) 922-62-90, e-mail: prime.163@mail.ru

© Samara National Research University, 2023

Editorial board

- K. Eimermacher**, Dr. philol. habil., Professor Emeritus (Ruhr University, Bochum, Germany)
V.I. Arshinov, Dr. phil. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
P.N. Baryshnikov, Dr. phil. habil., Associate Professor (Pyati-gorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation)
T.V. Bernyukevich, Dr. phil. habil., Professor (Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russian Federation)
V.Yu. Bocharov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)
N. Werber, Dr. philol. habil., Professor (University of Siegen, Siegen, Germany)
M.N. Volf, Dr. phil. habil., Associate Professor (Institute for Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
N.V. Golovko, Dr. phil. habil., Associate Professor (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation)
I.V. Demin, Dr. phil. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)
D.I. Dubrovsky, Dr. phil. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T.N. Ivanova, Dr. soc. habil., Associate Professor (Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation)
V.E. Lepskiy, Dr. psych. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
M.N. Lipovetsky, Dr. philol. habil., Professor (Columbia University, New York, USA)
V. Lopichich, Dr. philol. habil., Professor (University of Nis, Nis, Serbia)
N.P. Maliutina, Dr. philol. habil., Professor (University of Białystok, Białystok, Poland)
A.I. Mantarova, Dr. soc. habil., Professor (Institute of Philosophy and Sociology at Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria)
Y. Pörzgen, Dr. philol. habil., Professor (University of Bremen, Bremen, Germany)
P. Risthaus, Dr. philol. habil., Professor (Open University of Hagen, Hagen, Germany)
N.T. Rymar, Dr. philol. habil., Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)
S.A. Sudin, Dr. soc. habil., Associate Professor (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation)
S. Tomashchikova, Dr. phil. habil., Associate Professor (University named after Pavel Yosef Shafaric, Košice, Slovakia)
I.A. Hristov, Dr. soc. habil., Professor (Plovdiv University “Paisii Hilendarski”, Plovdiv, Bulgaria)
G. Scholtz, Dr. phil. habil., Professor Emeritus (Ruhr University, Bochum, Germany)
N.P. Shukina, Dr. soc. habil., Professor (Samara State Medical University, Samara, Russian Federation)
N.A. Yastreb, Dr. phil. habil., Associate Professor (Vologda State University, Vologda, Russian Federation)

This is an open access content distributed in accordance with the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction via any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

СОДЕРЖАНИЕ

Философия

Разинов Ю.А. Заветное желание	8
Родионов Д.А. Теоретические лимиты технического оптимизма	16
Зайкова А.С., Лбова Е.М. Концепция переноса сознания: поиск творческий и научный.	21
Бернюкевич Т.В. Роль социальной активности в управлении пространством города	27

Литературоведение

Голубков С.А. Провинциальный городок как пространственная модель в сатирико-юмористической литературе	32
Кабилова Е.С. Интернет-пространство в современной драматургии о подростках.	41
Перепелкин М.А. Семиотика города в очерках Н.Г. Гарина-Михайловского «В сутолоке провинциальной жизни»	48
Сундукова К.А. Мнемонический повествовательный метод в трилогии Аготы Кристоф («Толстая тетрадь», «Доказательство», «Третья ложь»)	55

Социология

Лелюхин С.В. Учитель и власть: эволюция профессиональных требований в 1920–1930 годы.	64
Трибунская Н.А., Пустарнакова А.А. Особенности проявления дискурсивных доминант в процессе политической коммуникации	72
Баева Е.С., Бочаров В.Ю., Малаканова О.А. Информационная открытость некоммерческого сектора: общероссийские и региональные тенденции	79
Авдошина Н.В., Бочаров В.Ю., Васькина Ю.В., Хардин М.В. Приоритеты деятельности и перспективы роста авторитета российских профсоюзов среди вузовских работников	90

Рецензии

Акимова А.С. «Простой рядовой» от литературы. Рецензия на издание «Избранное» А.К. Гольдебаева (Семёнова)	103

Научный архив

Шольц Г. Корни спора о герменевтике	106
Шмитц-Эманс М. К вопросу о семантике границы и формах разграничений	113
Семенова Н.В. Афоризмы доктора Розенталя (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Н. В. Семеновой)	124
<i>Требования к оформлению статей.</i>	136

CONTENTS

Philosophy

Razinov Yu. A. Sacramental desire	8
Rodionov D.A. Technical optimism theoretical limits.	16
Zaykova A.S., Lbova E.M. Concept of consciousness transfer: creative and scientific research.	21
Bernyukevich T.V. The role of social activity in the urban space management	27

Literature studies

Golubkov S.A. Provincial town as a spatial model in the satirical and humorous literature.	32
Kabilova E.S. Internet space in the contemporary drama about teenagers	41
Perepelkin M.A. Semiotics of the city in the sketches by N. Garin-Mikhailovsky «In the hustle and bustle of the provincial life»	48
Sundukova K.A. Mnemonic narrative method in the trilogy by Agota Kristof (“The Notebook”, “The Proof”, “The Third Lie”).	55

Sociology

Lelyuhin S.V. Teacher and power: the evolution of professional requirements in the 1920-1930s	64
Tribunskaya N.A., Pustarnakova A.A. Features of the discursive dominants in the political communication	72
Baeva E.S., Bocharov V.Yu., Malakanova O.A. Publicity of the non-profit sector: federal and regional trends	79
Avdoshina N.V., Bocharov V.Yu., Vas’kina Yu.V., Khardin M.V. Russian trade unions’ activity priorities and prospects for the authority rise among university workers.	90

Reviews

Akimova A.S. "Common soldier" of literature. Review of the publication "Selected" by A.K. Goldebaev (Semenov)	103

Science Archives

Scholtz G. Roots of disputes over hermeneutics	106
Schmitz-Emans M. On the boundary semantics and differentiation forms	113
Semenova N.V. Aphorisms of Dr. Rosenthal (introductory article, preparation of the text and comments by N.V. Semenova)	124
<i>Requirements to the design and layout of articles</i>	136

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 304.2

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-1-8-15

Дата поступления: 20.01.2023
рецензирования: 02.03.2023
принятия: 20.03.2023

Ю.А. Разинов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: razinov.u.a@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-9238-5535>

Заветное желание

Аннотация: в статье рассматривается теоретический спор между различными концепциями желания: так называемой «классической», структуралистской и постструктуралистской. Данный спор разворачивается в двух аспектах: социального производства желания и связи желания с нехваткой. Автор показывает, что этот спор является аксиоматическим и отражает процесс перехода от индустриального общества как общества, основанного на нехватке и отстающем потреблении, к постиндустриальному обществу, основанному на избытке и опережающем потреблении. Опираясь на концепции желания А. Кожева и Ж. Лакана, автор предпринимает критику постструктуралистских идей Ж. Делеза, Ф. Гваттари и Ж.-Ф. Лиотара, в частности, концепции безусловного и ничем не ограниченного желания. В целях определения границ «желающего производства» автор проводит различие в понятиях сокровенного и заветного желания. Данное различие применяется при анализе произведений Ст. Лема «Солярис» и А. Тарковского «Сталкер».

Ключевые слова: желание; нехватка; психоанализ; шизоанализ; либидинальная экономика; желающее производство.

Цитирование: Разинов Ю.А. Заветное желание // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2023. Т. 3, № 1. С. 8–15. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-8-15>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Разинов Ю.А., 2023** – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Yu. A. Razinov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: razinov.u.a@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-9238-5535>

Sacramental desire

Abstract: the work considers the theoretical dispute between different concepts of desire: "classical", structuralist, and post-structuralist. This dispute unfolds in two aspects: the social desire production and desire-scarcity connection. The author shows this dispute to be axiomatic and reflect the process of transition from an industrial society, which is based on shortage and lagging consumption, to a post-industrial society, which is based on excess and advanced consumption. The author relies on Lacan's and Kojève's concepts of desire and criticizes post-structuralist ideas of Deleuze, Guattari and Lyotard, particularly the concept of unconditional and unlimited desire. The article distinguishes between the concepts of innermost and sacramental desire in order to define the boundaries of the "desiring production". This distinction is applied in the analysis of "Solaris" by S. Lem and "Stalker" by Tarkovsky.

Key words: desire; scarcity; psychoanalysis; schizoanalysis; libidinal economy; desiring production.

Citation: Razinov, Yu.A. (2023), Sacramental desire, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 3, no. 1, pp. 8–15, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-8-15>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Razinov Yu. A., 2023** – Doctor of Sciences in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Затронув тему желания на Пярых Лемовских чтениях, профессор В.А. Конев поставил вопрос: почему герои рассказа братьев Стругацких «Пикник на обочине» так же, как и в его экранизации А. Тарковским, желая попасть в комнату исполнения желаний, останавливаются у самого её порога. Желания героев различны, но кажется, что мотив *задержки желания* у всех один. «Профессор хочет взорвать комнату желаний двадцатикилотонной бомбой, изобретенной им и его коллегами специально для того, чтобы какой-нибудь маньяк не пожелал, благодаря комнате, либо безграничной власти над всеми, либо стремления всех осчастливить помимо их воли и желания. А модный писатель, который когда-то мечтал переделать мир и людей, и которого мир и люди переделали самого, идёт за вдохновением. Но... Ни тот, ни другой не вошли в комнату. Почему?». Далее следует ответ: «А потому, что желание – это не то, что “я хочу”. Потому что желание – это не нехватка чего-то. Желание – это голос твоей природы, то, куда влечёт тебя твоя судьба. Поэтому желание – не образ чего-то реального, которого мне не хватает, оно само “производит реальное”» (Конев 2020, с. 66). Однако такой ответ, будучи отсылкой к концепции желания Ж. Делёза и Ф. Гваттари (Анти-Эдип, 1972 г.), порождает новые вопросы, которые требуется обсудить.

«Желающее производство»

Первый вопрос вызван утверждением о том, что желание – это не нехватка чего-либо, и его нельзя объяснить понятием нехватки. «Желание – пишут авторы «Анти-Эдипа» – ни в чем не испытывает нехватки, ему не испытать нехватки в своём объекте, <...> поскольку «желание и его объект составляют одно целое» (Делёз, Гваттари 2008, с. 49–50). Это аксиоматическое утверждение, и оно, как минимум, предполагает референцию к А. Кожеву, который ввел понятие «антропогенного желания» как желания, *фундированного* в нехватке. Согласно Кожеву, человеческое желание – это не потребность в каком-либо объекте, то есть это не желание того, *что* есть, а это желание того, чего *нет*. Желание, пишет Кожев в 1943 г., «есть реальное присутствие отсутствия: это – пустота, расположенная в полноте и ею уничтожимая, исчезающая как пустота, т.е. заполняемая тем действием, которое осуществляет или удовлетворяет желание» (Кожев 2007, с. 295–296). И далее: «Строго говоря, желание, будучи отсутствием, а не присутствием, не *есть*, но оно *ничтожит* в реальном Бытии» (Кожев 2007, с. 297).

Референция к Кожеву имела бы резон не только в плане очевидного аксиоматического спора на тему связи нехватки и желания, но и в аспекте того, что понимается под самой нехваткой. Спра-

шивается, о нехватке *чего* идет речь? И в этом вопросе Делёз и Гваттари могли бы найти себе союзника в лице Кожева. Желание, считают шизоаналитики, не есть нехватка в объекте, ибо оно само порождает объекты. Желание – это механизм связи субъекта и объекта, который описывается ими в терминах «социальной машины»: «Желание и его объект составляют одно целое. Это машина как машина машины. Желание – это машина, и объект желания – это подсоединенная машина, так что произведенное выбирается из производства. <...> Объективное бытие желания – это само Реальное» (Делёз, Гваттари 2008, с. 49–50). Но ведь в таком же направлении продумывал концепцию желания А. Кожев: «антропогенное желание» – это *непредметное* желание. Во-первых, это *желание самого желания* и, таким образом, это не желание какой-либо *вещи*, а желание *отношения*. Во-вторых, *это желание признания*, и в качестве такового оно есть в подчеркнутом смысле *социальное* отношение. Само же это отношение Кожев рассматривает в гегелевском духе борьбы Раба и Господина, т.е. как диалектическое становление двух желаний. Желание Господина, направленное на Раба, – это желание признания себя в качестве господина. Желание Раба, направленное на господина, – это признание его желания (Кожев 2007).

Притом, что концепция «антропогенного желания» и «машины желания» имеют различный смысл, они коррелируют между собой именно в этом – в отношении связи желания и объекта, т.е. «желающего производства», как выражаются Делёз и Гваттари. Но несмотря на этот общий вектор теории желания, имя Кожева на страницах «Анти-Эдипа» даже не упоминается.

Не менее странно и то, что авторы шизоанализа ссылаются на Ж. Лакана, концепцию желания которого они называют «восхитительной» (Делёз, Гваттари 2008, с. 50). Между тем Лакан, посещавший семинары Кожева, опирается на его идеи. Прежде всего, это относится к теме нехватки, которую Лакан развивает в направлении *субъекта*. Дело не в том, что субъекту *чего-то* не хватает, а в том, что нехватка коренится в самом субъекте. Она расщепляет субъекта, и такое расщепление фундаментально для него. Субъект *не есть*, а возникает в расщелине желающих дискурсов. «Желание – это отношение бытия к нехватке. Это не просто нехватка того или иного, а нехватка бытия, посредством которого сущее существует... Желание, эта центральная в любом человеческом опыте функция, не есть желание чего-либо именуемого. Именно в силу нехватки, именно в опыте желания приходит существо к переживанию своего Я в его отношениях с бытием» (Лакан 1999, с. 318).

Вопрос «чего хочешь?», который Лакан называет основным вопросом психоанализа, – это вопрос, который обнаруживает субъекта посреди

нехватки. Сам же этот вопрос возникает в отношении Другого. Желание субъекта – это хотение того, чего желает Другой. В этом и состоит смысл формулы Лакана: *желание есть желание Другого*. При этом надо понимать, что речь идёт не о желании, направленном на другого в смысле *объекта*, а о желании *его желания*. В этом отношении Лакан в точности следует за Кожевым, который утверждает, что желание есть *желание признания со стороны другого*. Именно такое желание делает человека человеком, отличая его от животного, желание которого направлено на объект и в этом смысле есть *потребность*. Лакан развивает идею «антропогенного желания» в том ключе, что человеческое желание направлено на восполнение постоянно образующейся *нехватки* в субъекте. Причем эта нехватка невосполнима. По этой причине такие желания, как *признание, любовь, счастье* – это те корреляты полноты, которых всегда не хватает. Таким образом, общее между Кожевым и Лаканом заключается в том, что оба понимают желание не как *отношение субъекта к объекту*, но как *отношение субъекта к нехватке*, конститутивной для самого субъекта.

С этим связан другой неясный момент в теории желания Делёза и Гваттари – это определение концепции желания как нехватки в качестве «классической» (Делёз, Гваттари 2008, с. 48). В том месте, где оспаривается эта концепция, авторы «Анти-Эдипа» не упоминают её представителей, так же как они не объясняют, почему данная концепция названа «классической». А так как сквозными темами их критики являются учения К. Маркса и З. Фрейда, то логично было бы предположить, что речь идёт именно о них. Между тем не все так очевидно у Маркса и Фрейда. Маркс хотя и вводит в анализ потребности фигуру нехватки, которая образуется в результате отчуждения работника от результатов труда, указывает на то, что сами эти потребности формируются капиталистическим производством, т.е. трактует это вполне в духе «желающего производства» Делёза и Гваттари. Во-первых, Маркс утверждает, что желания вытекают из логики общественного производства: «Человечество – пишет он – ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления» (Маркс 1986, с. 138). Во-вторых, Маркс подчеркивал, что товарное производство не только направлено на удовлетворение потребностей и тем самым компенсирует нехватку, но и *производит* её, формируя новые потребности, а вместе с ними и новые формы отчуждения. В-третьих, путем удовлетворения объектно-ориентированного желания человек возвращает себе

отчужденную в труде *сущность*, присваивает себе человеческое *достоинство*, а это не что иное, как антропогенное желание. Именно на такое желание ориентирована современная реклама: «L'oreal Paris – ты этого достойна!», «Gillette – для настоящих мужчин!» – так вездесущий капитал использует в своих целях *желание признания*. Таким образом, по Марксу «желающим производством» является само капиталистическое производство, где желание потребителя – это, в конечном счете, желание того, чего от него «хочет» капитал. В терминах Лакана капитал – это большой Другой, то есть заданный им символический порядок. Можно ли в таком случае назвать марксистскую теорию желания классической? Можно, если под марксизмом понимать его вульгарную версию.

Так же и с Фрейдом: когда о психоанализе говорят как о теории объектно-ориентированного желания, то речь идет о его натуралистической интерпретации в постфрейдизме. Тот же Лакан, защищая Фрейда от подобного рода истолкований, утверждает, что вокруг объекта желания конституируется целый мир, так что, присваивая себе объект, субъект присваивает себе *совокупность* – символический порядок Другого. Поэтому, когда Делёз в диалоговом «Алфавите» с Клер Парне говорит, что желание (Desir) отнесено не к объекту, а к *совокупности*, он не создаёт альтернативы логике Фрейда. Он лишь более широко трактует эту «совокупность». Например, когда Делёз ссылается на М. Пруста, сказавшего «Я не желаю женщину – я желаю пейзаж, который окутал эту женщину», то он имеет в виду не объект, а совокупность отношений вокруг объекта, а коротко говоря, *события*: «Я никогда не желаю нечто само по себе, мне так же не нужна эта совокупность, но я желаю что-то, исходя из неё. <...> Желать – значит создавать совокупность, конструировать скопление: будь то юбка, солнечный луч...» (Делёз 2012, с. 28). Мир желания, хотя и вращается вокруг «частичных объектов» (М. Кляйн), например, таких, как розовый след от резинки от трусов в романе В. Набокова «Лолита», организован тем, что окутано тайной.

Так что далеко не ясно, что именно имели в виду Делёз и Гваттари под «классической концепцией желания». В предисловии к американскому изданию «Анти-Эдипа» М. Фуко со свойственным ему полемическим запалом писал: «Жалкие инженеры желания, психоаналитики и семиологи, регистрирующие каждый символ и каждый симптом, – они хотели бы свести множественную организацию желания к бинарному закону структуры и нехватки» (Делёз, Гваттари 2008, с.7). И вновь ни одной фамилии! И это притом, что Фуко в своём предисловии дошёл до идеологических лозунгов то, что сами авторы – Делёз и Гваттари – хотели бы оставить менее прозрачным. Однако

не трудно догадаться, кого имел в виду постструктуралист Фуко под «психоаналитиками и семиологами, регистрирующими каждый символ и каждый симптом» – структурный анализ Р. Барта, К. Леви-Стросса, Ж. Лакана. В диалоге с Клер Парне Делёз поясняет: «Я считаю, что мы хотели выразить нечто очень простое. На самом деле, мы были очень честолобивы. Особенно когда кто-то писал книгу, мы думали, что этим выразим что-то новое, особенное в каком-то смысле. Мы думали, что люди, которые писали до нас, не понимали, что такое желание. Таким образом, выполняя свою философскую задачу, мы надеялись предложить новый концепт желания» (Делёз 2012, с. 27). В чем-то эта концепция действительно нова, однако претензия на новизну не обоснована отношением к традиции. Так в чем же её новизна?

Делёз, создав в «Анти-Эдипе» вокруг критического им подхода теоретический вакуум, затем в «Алфавите» вынужденно разъясняет некоторые аспекты его теории: «Желание – это конструирование» (Делёз 2012, с. 28), причем ничем *не ограниченное, свободное конструирование*. И тогда становится более или менее понятно, чем так называемая «классическая концепция желания» отличается от делёзианской. Дело в том, что все предшественники Делёза в этом вопросе исходили из *ограничений*, наложенных на «желающее производство». Если у Маркса желание ограничено со стороны общественного производства, то у Фрейда и Лакана – со стороны символического. Наиболее последовательно эту линию проводит Лакан, согласно которому желание, для того чтобы стать человеческим желанием, должно встретиться с языком, пройти фильтры символического. По Лакану, человек хочет лишь то, для чего есть язык. В этом смысле сварливая старуха из сказки Пушкина «О рыбаке и рыбке», расширяя сферу своих требований, не хочет чего-то немыслимого: сначала она хочет лишь целое корыто, затем новую избу, потом титул столбовой дворянки, далее она желает стать царицей, и наконец, владычицей морской. Возвращая ее назад к разбитому корыту, А. Пушкин гениально указывает на интересующую нас проблему – *предела желаний*.

Итак, Делёз и Гваттари затевают аксиоматический спор на тему того, является ли желание предметом свободного и неограниченного конструирования, или же оно всегда чем-то ограничено и детерминировано. С одной стороны, они соглашаются со своими контрагентами в том, что существуют объективные основания желания: «Желание всегда удерживается вблизи от условий объективного существования, оно прилегает к ним и следует за ними» (Делёз, Гваттари 2008, с. 50). С другой стороны, в проекте шизоанализа отчетливо просматривается идея социальной инженерии желания. Само понятие «машина желания» это пред-

полагает. Ведь в чём заключается проект «Анти-Эдипа»? Он заключается в том, чтобы разрушить структуру Эдипа и заданную эдипальным комплексом систему координат. Этот проект заключается в том, чтобы освободить желание от «эмпериализма Эдипа», подключить желание к желающим машинам и таким способом предоставить его для свободного производства. В краткой записи это звучит так: «шизофренизировать Эдипа». Это значит «шизофренизировать поле бессознательного, а значит общественно-историческое поле так, чтобы разорвать пути Эдипа и повсюду обнаружить силу различных желающих производств» (Делёз, Гваттари 2008, с. 87-88). В теоретической плоскости под вопрос шизоаналитики ставят «именно насильственную эдипизацию, которой в теории и на практике предается психоанализ» (Делёз, Гваттари 2008, с. 87). В практическом же смысле проект «Анти-Эдипа» направлен на разрушение институтов привязанности, среди которых семья, церковь и государство занимают центральное место. «Практическая проблема шизоанализа – пишут авторы – это обратное возвращение: вернуть синтеза бессознательного к их имманентному использованию. Провести дезэдипизацию, разрушить паутину отца-матери, разрушить верования, чтобы достичь производства желающих машин и тех экономических и общественных инвестиций, в которых разыгрывается воинствующий анализ» (Делёз, Гваттари 2008, с. 179). Фактически речь идет о том, чтобы устранить *вертикальную* структуру ограничений (антагонизмы между влечением и императивами «сверх-Я») и заменить её *горизонтальной*, ризоматической, структурой неограниченных либидинальных инвестиций. Таким образом формируется парадигма *пролиферации желаний*.

За эту идею ухватился Ж.Ф. Лиотар, который спустя два года в «Либидинальной экономике» (1974 г.) попытался развить, как ему казалось, недостаточно радикальные выводы из «Анти-Эдипа». Разворачивая свою программу либидинального инвестирования, Лиотар утверждает, что для желания (либидо) не существует никаких преград: «Интенсивности пробегают здесь, не встречая конца, никогда не натываясь на стену отсутствия, на предел, ставший бы знаком нехватки, нет, у либидо на самом деле ни в чём нет недостатка, в частности, в областях для вложения. <...> И вложение осуществляется не потому, что это пространство запретно, не потому, что оно представлено по ту сторону сценической рамки, и не потому, что у тебя нет права на сцену подняться, – потому, что ты хочешь туда подняться и этим завладеть. У либидо нет недостатка в областях для вложения, и вкладывается оно отнюдь не на условиях нехватки и присвоения – вкладывается безоговорочно, безусловно. Условие – это правило и знание». Но

какое это имеет значение? – риторически спрашивает французский философ (Лиотар 2018, с. 16).

О том, что теоретиками французского постмодерна руководит идея безусловного и ничем не ограниченного желания, как и об *идеологической* ангажированности этой идеи, мы писали в соответствующем месте (Разинов 2020). Здесь же еще раз подчеркнем, что идеология неограниченной пролиферации желания и либидинального инвестирования удивительным образом соответствует переходу от *индустриальной* (эдипальной) стадии капитализма, основанной на нехватке и отстающем потреблении, к *постиндустриальной* (шизо-нарциссической) стадии, основанной на избытке и опережающем потреблении. Это соответствие наблюдается как по времени (начало семидесятых), так и по содержанию: «ни в чём себе не отказывай». И с этим связан второй вопрос нашей статьи: насколько представленная выше концепция желания соответствует мотивам героев «Пикника на обочине» и «Сталкера», остановившимся на пороге «комнаты исполнения желаний».

Заветное и сокровенное желание

На наш взгляд, взятая за основу В.А. Коневым *конструктивистская* концепция желания не соответствует тому, как эта тема разворачивается в романе С. Лема «Солярис» и в фильме Тарковского «Сталкер».

Почему акцент нами сделан именно на экранизации рассказа братьев Стругацких, а не на самом рассказе? Во-первых, потому, что сценарий к фильму написан самими Стругацкими, а во-вторых, потому, что в интерпретации Тарковского тема желания приобретает несколько иной смысловой акцент, а именно, происходит смещение акцента. Если в рассказе Стругацких речь идет о *сокровенном* желании, то в фильме Тарковского открывается иной феноменологический план анализа желания, который мы связываем с понятием *заветного желания*. И хотя термины «заветное» и «сокровенное» в самом сценарии чередуются (в этом отношении текст терминологически непоследователен), феноменологическое различие этих двух видов желания просматривается достаточно зримо. Данное различие, как мы думаем, позволяет более сложно ответить на вопрос, почему герои не входят в комнату. При этом интересно сопоставить трактовку темы желания в рассказе Стругацких и в романе Лема, ведь тут много общего.

Первое. Как в «Солярисе», так и в «Сталкере» герои встречаются с истиной своего желания. Если в «Солярисе» эту истину объявляет Океан, материализующий бессознательные желания обитателей станции, то в сюжете Стругацких эту функцию выполняет Зона и находящаяся в ее эпицентре комната, где, согласно легенде, ис-

полняются самые заветные желания. Оба объекта выполняют роль «машины желания», которая структурирует бессознательное. В этом отношении Солярис является не столько метафорой *сознания*, как полагает В.А. Конев, сколько метафорой *бессознательного*. Ст. Лем подчеркивает это обстоятельство в вводной главой о том, как земляне несколько десятилетий не могут установить разумный контакт с Солярисом, проявления которого носят иррациональный характер. Таким же иррациональным объектом является Зона: она непредсказуема, изменчива и едва понятна даже опытным проводникам – сталкерам.

Второе. В обоих произведениях речь идет об осознании желания, и в обоих случаях оно осуществляется как аналитический триалог. В «Солярисе» это триалог Кельвина, Снаута и Сарториуса. В «Сталкере» это триалог между Писателем, Ученым и проводником (сталкером).

Третье. В обоих триалогах представлен спор «физиков» и «лириков», весьма актуальный для конца 60-х – начала 70-х годов. Крис Кельвин – психолог. Писатель – также в некотором смысле психолог. В своем «самокопании» он похож на героев Достоевского, а исполняющий роль актер даже внешне похож на Достоевского: Анатолий Солоницын, сыгравший роль Писателя, через год и сам сыграет роль Достоевского в фильме «Двадцать шесть дней из жизни Достоевского». В терминах того времени оба героя выступают «инженерами человеческих душ». Альтернативный им полюс «физиков» представлен профессором Снаутом из «Соляриса» и безымянным Профессором из «Сталкера». Их объединяет общая парадигма субъект-объектного подхода к аномальным явлениям. По этой причине Снаут желает подвергнуть планету жесткому излучению, а Профессор приносит в зону бомбу, чтобы разом покончить со всеми этими «химерами» гуманитарного разума. Правда, и он находится в тисках сомнения. О Зоне он говорит, что это то ли миф, связанный с надеждой, то ли чудо природы, то ли место, где исполняются только заветные желания, то ли «язва, открытая для всякой сволочи». Роль агентов примирения в обоих триалогах играют соответственно Сарториус и Сталкер.

Теперь о различиях. Главным различием, на наш взгляд, является направление аналитической процедуры. Если в «Солярисе» она движется от бессознательного т.е. *сокровенного* желания к *заветному*, то в «Сталкере» наоборот – от *заветного* к *сокровенному*. Это требует пояснения.

В «Солярисе» Крис Кельвин сначала сталкивается с изнанкой бессознательных желаний: он вступает в интимные отношения с телесным дубликатом своей умершей жены, то есть с частичным объектом. Этим обстоятельством он как бы перечеркивает тот *возвышенный (полный) объект*,

который является заветной темой его желания. Но затем с Кельвином происходит глубокая душевная метаморфоза, которая выражается в том, что он признает в монструозном создании человека и заключает с ним своеобразный «новый завет» – завет любви, который записывается в виде «духограммы», которая в финале романа посылается Океану.

В «Сталкере» же всё наоборот: герои сначала идут в комнату со своим *заветным* желанием, но останавливаются у порога, боясь осуществления своих *скрытых* намерений. Писатель идет «*выпрашивать вдохновение*», но в процессе анализа его посещает сомнение: а вдруг он на самом деле не хочет писать. «Мечтаешь об одном, а получаешь совсем другое» – выражает сомнение он. И примером тому служит легендарный сталкер по имени «Дикобраз», который, посетив Зону, сначала сказочно разбогател, а потом повесился.

Вопрос «чего хочешь?» потому является основным вопросом психоанализа, что субъекты сами «не знают» чего хотят. По этой причине, считал Фрейд, подлинные и одновременно сокровенные желания обнаруживаются лишь посредством аналитической процедуры. Ядро бессознательных влечений нащупывается аналитиком по мере приближения к нему в качестве того, что вызывает защиту и сопротивление. Так же ведут себя герои обоих произведений, которые сопротивляются анализу в ситуациях, в которые их ставят Океан и Зона. При встрече со своей умершей женой у Кельвина срабатывают два описанных в психоанализе механизма защиты. Первый – это *отрицание*: «это не Хари, настоящая Хари умерла». Второй – это *рационализация* чудесного воскрешения, породившая гипотезу нейтринного происхождения «гостей».

Практика психоанализа в основном связана с осознанием сокровенных желаний, но в целях их теоретического осмысления психоанализ заходит на территорию завета.

Чем же *сокровенное* желание отличается от *заветного*?

С понятием сокровенного желания всё более или менее ясно. Истина желания, как правило, сокрыта, а сокрытость является существенной стороной самой истины, понимаемой в раннегреческом смысле *алетейи*. В этой связи в «Семнадцатом семинаре» Ж. Лакан говорит: «Истина обязательно недосказана и представляет собой загадку, а не вопрос. Загадка – это то, на что мы должны ответить под угрозой неминуемой смерти. А вопросом об истине задаются, как давно всем известно, только администраторы. *Что есть истина?* – мы хорошо знаем, из чьих уст этот вопрос слышали» (Лакан 2008, с. 129). Очевидно, что Лакан имеет в виду вопрос Понтия Пилата [Ин.18:38], который спрашивает «что есть истина?», в то время как подлин-

но философский вопрос об истине исходит из различия *бытия и сущего* и задается не с помощью местоимения «что», отсылающего к сущему, а с помощью наречия «как», отсылающего к бытию. И таким образом, это вопрос о том, как истина свершается в человеческом бытии. Об истине Христос говорит: «*я есмь жизнь, истина и путь*» [Ин. 14:6]. Данное сопряжение трех терминов в китайской традиции охватывается одним понятием – Дао.

Иными словами, в раннефилософском контексте понятие истины – *топологическое*. Это понимал и Гегель, говоривший, что «истина не есть отчеканенная монета, которая может быть дана в готовом виде и в таком же виде спрятана в карман» (Гегель 2020, с. 25). Коротко говоря, истина – это результат вместе с его становлением.

Именно такое понимание истины-пути изображено в «Сталкере», где воспроизводятся почти все даосские парадоксы пути: прямой путь не самый короткий, уходить далеко – значит возвращаться, вставший на путь никуда не идет. Этот же топологический смысл звучит и в вопросе Писателя: «*Откуда* (т.е. из какого места) мне знать, как *назвать* то, чего я хочу?». Таким образом, основным мотивом его путешествия в Зону является то, что он не может символизировать свое заветное желание. Именно для этого ему нужна комната, о которой Сталкер говорит: «Здесь исполняется самое заветное желание, самое искреннее, самое выстраданное». С той же проблемой сталкивается и Крис Кельвин: он не может символизировать заветное желание иначе, как в форме бреда. Поэтому «за него» это делает Солярис, осуществляющий сборку символа из фрагментов сновидений. И здесь самое время сформулировать различие между заветным и сокровенным желаниями.

«Сокровенное» – это общий «феноменологический» термин для обозначения как бессознательного, то есть *вытесненного* желания, так и заветного, т.е. *забытого*. Различие между двумя этими модулями сокрытия существенно (Разинов 2011, с. 229-242). Сокровенность бессознательного желания, как учит аналитическая традиция, обусловлено тем, что оно не может быть полностью символизировано. По Лакану, оно всегда сцеплено с Реальным и поэтому никогда не является полным. Бессознательное желание направлено на частичные объекты. Заветное желание отнесено не к объекту, а к символу и ограничено символом. В его основе лежит завет (закон), а закон имеет символическую природу. Заветное желание может ускользать от индивида, но оно целиком находится в границах символа. Это желание полноты и полнота желания. Формой сокрытия заветного желания является не подавление и вытеснение, а культурное забвение, или, как говорит Сталкер, отсутствие веры. Поэтому можно сказать, что заветное желание отнесено к забытому символу, который забыт, но действует.

Символ же, если отличать его от знака, есть способ связи означающего с означаемым. Он подобен платоновскому *эйдосу*, который задает образ полноты и в то же время отбрасывает тень ущербности.

Второе важное отличие: если бессознательное желание сканирует объекты, соскальзывая с одного на другой, то заветное желание направлено на *возвышенные* объекты, которые как таковые являются пределами желания. Таким пределом желания для пушкинской старухи выступает *абсолютная власть*: «чтобы сама золотая рыбка мне служила и была у меня на посылках». Это желание крайне парадоксально, если не сказать, безумно – просить у Бога *перестать быть* Богом, уступив место другому. В этой связи можно выдвинуть очередной богословский парадокс: может ли всемогущий Бог выполнить моё желание быть Богом? Воистину, Бог справедливо лишает разума тех, кто претендует на его место. Возвращая старуху к её разбитому корыту, Золотая рыбка (Бог/автор) указывает на предел желаний.

Архетипом заветного желания является «потерянный рай», счастье. В Зону в общем смысле и идут за счастьем – идут люди несчастные, т.е. обделенные. И без категории нехватки тут не обойтись: человек есть существо, не обделённое обделённостью. Вся проблема заключается в том, что мечта о счастье сразу же оказывается в лапах административного вопроса: «какое именно счастье вы хотите?». Именно этот вопрос задает Писатель, который не готов принять счастье, прежде чем не выяснит, что оно такое. Но это же значит, что счастье как возвышенный объект, как символ, как благодать для него не существует. Точнее сказать, это счастье распалось для него на частичные объекты в мире сущего. В итоге в «большое» счастье – счастье как таковое – он не верит, а в осколках счастья не видит удовлетворения.

Заключение

Данное различие между двумя модусами сокровенного желания, как нам кажется, более соответствует религиозным мотивам Тарковского. Делезианская концепция «желающего производства», удобно подстроенная под желание рынка, вряд ли способна объяснить мотив отказа героев от исполнения желаний. В лучшем случае, она может объяснить этот отказ эдипальным страхом того, что «я не знаю, чего я на самом деле хочу». Скажем так: на самом деле они знают, но забыли, так как нарушили завет. И именно это пытается сказать Сталкер в своем финальном монологе. Если бы Профессор действительно имел желание уничтожить комнату, если бы оно действительно было заветным, то ему не надо было бы тащить с собой бомбу. Он просто мог войти и загадать такое желание. Но он, как и писатель, в него не верит. Для Тарковского – это два нигилиста. Что же касается Делёза, Гваттари

и Лиотара, то у них нигилизм достигает апогея. Возвышенных объектов не существует. Поэтому желание не направлено вертикально или в глубину. Это желание, как пишет Лиотар, скользит по поверхности объектов (рынка). Заветное же желание находится в тесной связи с образом полноты (абсолюта) и оттеняющей её нехватки. А потому заветное желание формулируется так: «Гори, гори моя звезда <...> Ты у меня одна заветная, другой не будет никогда» (романс Петра Булахова). Или так: «Все что сбыться могло, словно лист пятипалый, прямо в руку легло, только этого мало». И эти стихи Арсения Тарковского звучат в кадре.

Библиографический список

Алфавит Жилья Делёза с Клер Парне (стенограмма на основе субтитров), 2012. [электронный ресурс]. URL: https://platon.net/_ld/33/3397_DeleuzeParnetBo.pdf (дата обращения 20.09.2021).

Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. Москва: Наука, 2000. 495 с.

Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер с фр. Д. Кралечкина. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. 672 с.

Конев В.А. Андрей Тарковский vs Бр. Стругацкие и Станислав Лем // Пятые Лемовские чтения: сб. материалов Международной научной конференции памяти Станислава Лема. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2020. С. 63–81.

Лакан Ж. Семинары. Книга 2: «Я» в теории Фрейда и технике психоанализа / пер. с фр. А. Черноглазова. Москва: Гнозис; Логос, 1999. 520 с.

Лакан Ж. Изнанка психоанализа (Семинар, Книга XVII (1969-70)) / пер. с фр. А. Черноглазова. Москва: Гнозис; Логос, 2008. 272 с.

Лиотар Ж.-Ф. Либицинальная экономика / пер. с фр. В.Е. Лапицкого. Москва; Санкт-Петербург: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. 472 с.

Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К. Энгельс Ф. Избранные сочинения в 9-ти т. Т.4. Москва: Политиздат, 1986. С.136–140.

Разинов Ю.А. Метафизика кривых троп: Очерки об экзистенциальной природе истины и заблуждения: монография. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2011. 308 с.

Разинов Ю.А. Состояние постмаргинальности // Международный журнал исследования культуры. 2020. № 1 (38). С. 6–21.

References

Deleuze, G. (2012), *L'abécédaire de Gilles Deleuze with Claire Parnet* (transcript based on subtitles), [online], available at: https://platon.net/_ld/33/3397_DeleuzeParnetBo.pdf (Accessed 20 January 2023).

Hegel, G.W.F. (2000), *The Phenomenology of Spirit*, Mir Publ.

Deleuze, G. and Guattari, F. (1972), *Anti-Oedipus. Les Éditions de Minuit*, (Russ. ed.: Krlechkina, D., Yekaterinburg, U-Factory Publ., 2008, 672 p.).

Konev, V.A. (2020), Andrei Tarkovsky vs Strugatsky br. and Stanislaw Lem, *The 5th Lem's lections: collection of materials of the International scientific conference in memory of Stanislaw Lem*, Samara Academy for the Humanities, pp. 63–81.

Lacan, J. (1954–1955), *Book II. The Ego in Freud's Theory and in the Technique of Psychoanalysis*, (Russ.ed.: Chernoglazova, A., Moscow, Gnosis/Logos Publ., 1999, 520 p.).

Lacan, J. (1969–1970), *The Seminar; Book XVII. The Other Side of Psychoanalysis*, (Russ.ed.: Chernoglazova, A., Moscow, Gnosis/Logos Publ., 2008, 272 p.).

Lyotard, J.F. (1974), *Libidinal Economy*, 275 p. (Russ. ed.: Lapitski, V. E. IEP Publ., 2018, 472 p.).

Marx, K. (1859), *A Contribution to the Critique of Political Economy* (Russ. ed.: Politizdat Publ., 1986., pp. 136–140).

Razinov, Y.A. (2011), *Metaphysics of crooked tropes: essays*, Samara Univesity Publ., Samara, Russia.

Razinov, Y.A. (2020), Post-marginality condition, *International Journal of Cultural Research*, vol. 38, no. 1, pp. 6–21.

Submitted: 20.01.2023

Revised: 02.03.2023

Accepted: 20.03.2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 141.21

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-1-16-20

Дата поступления: 25.01.2023
рецензирования: 02.03.2023
принятия: 24.03.2023

Д.А. Родионов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: den89pank@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5219-5741>

Теоретические лимиты технического оптимизма

Аннотация: данная работа раскрывает часть теоретических лимитов технического оптимизма. Задачей исследования является репрезентация технического оптимизма как модификации спонтанного ценностного унастроения и раскрытие основных теоретических лимитов. В связи с этим описаны основные категории технического оптимизма как феномена (техника как благо a priori, утверждение направленности техники на получение пользы, принятие технической действительности), выявлена и обоснована аксиологическая нейтральность техники. Раскрыта сущность технологической сингулярности как одного из вариантов описания предела научно-технического прогресса и как одного из основных концептов современного оптимистического взгляда на технику. Выявлены базовые аспекты эпистемической и экзистенциальной модальностей технического оптимизма, что позволяет увидеть основания аксиологической тематизации технической действительности. Основные методы исследования – идиографический и номотетический методы. Новизна исследования состоит в выявлении модальностей технического оптимизма.

Ключевые слова: техника; технический оптимизм; технологическая сингулярность; научно-технический прогресс; эпистемическая модальность; экзистенциальная модальность.

Цитирование: Родионов Д.А. Теоретические лимиты технического оптимизма // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 1. С. 16–20. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-16-20>.

Благодарности: автор выражает благодарность И.В. Демину за оказанную помощь в проведении исследования.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Родионов Д.А., 2023 – аспирант кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

D.A. Rodionov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: den89pank@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5219-5741>

Technical optimism theoretical limits

Abstract: this work reveals a part of the technical optimism theoretical limits. The aim of the study is to represent the technical optimism as a modification of a spontaneous value mindset and to reveal the main theoretical limits of it. In this regard, the main categories of the technical optimism are described as a phenomenon (engineering as the wheel a priori, assertion of the engineering orientation to obtain benefits, technical reality acceptance), the technology axiological neutrality is identified and substantiated. The essence of the technical singularity is revealed as one of the options for describing the limit of the scientific and technological progress, and as one of the main modern optimistic technology concepts. The basic aspects of the epistemic and existential modalities of the technical optimism are revealed, that allows to see the basis of the technical reality axiological thematization. The main research methods are idiographic and nomothetic methods. The study is novel in that it identifies the technical optimism modalities.

Key words: engineering; technical optimism; technological singularity; scientific and technological progress; epistemic modality; existential modality.

Citation: Rodionov, D.A. (2023), Technical optimism theoretical limits, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 3, no. 1, pp. 16–20, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-16-20>.

Acknowledgments: the author expresses his gratitude to Demin I.V. for supporting the study.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Rodionov D.A., 2023** – postgraduate student of the department of philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Научно-технический прогресс неизбежно приводит к необходимости аксиологического анализа, поскольку через призму ценностей возможно выявить не только тип отношения конкретного индивида к технике, но и спрогнозировать дальнейшее развитие научно-технического прогресса. Существует две теоретические модели ценностного отношения к технике: оптимизм и пессимизм. В данной работе основной темой будет выступать аналитика технического оптимизма.

Задачей настоящего исследования является разграничение эпистемической и экзистенциальной модальностей технического оптимизма, а также выявление базовых теоретических лимитов технического оптимизма как феномена.

Если давать формальное определение, то «технический оптимизм – это положительная оценка перспектив научно-технического прогресса и его роли в развитии человека и человечества. Технологический оптимизм уходит корнями в характерные для эпохи Просвещения (XVIII в.) представления о совпадении принципов гуманизма и научной рациональности, о совпадении объективных тенденций научно-технического, социального и нравственного развития. Он полагает научно-технический прогресс основным средством решения глобальных проблем человечества» (Некрасов, Некрасова 2010). Следовательно, в рамках данного способа мышления техника признается в качестве *magnum opus* человеческого сознания, способного или разрешить любые проблемы самостоятельно, или предоставить соответствующий инструментарий. В этом ключе нельзя не отметить труды одного из важнейших теоретиков философии техники Петра Климентьевича Энгельмейера. С формальной стороны, техника для автора – одна из форм человеческой духовной деятельности по оформлению материи посредством реконструкции природных ресурсов сообразно целям культуры. Важно отметить, что техника, помимо увеличения производительности труда, оказывает воздействие и на существование человека, как пишет сам автор, техника «захватывает все стороны человеческой жизни. Представьте себе, что какое-нибудь техническое изобретение дает вам возможность сделать какую-нибудь вашу работу вдвое скорее. Разве тем самым оно не дарит вам полжизни?» (Энгельмейер 1887).

Следует отметить, что содержательная часть технического оптимизма ничем не отличается от содержания оптимизма как такового – меняется лишь форма. Саму суть оптимистического инварианта описал Готфрид Вильгельм Лейбниц, оптимизм состоит: «в признании, что если бы мы могли в достаточной мере понять порядок универсума, то мы нашли бы, что он превосходит все пожелания наимудрейших и что нельзя сделать его еще лучше, чем он есть, не только в общем целом, но и для нас самих в частности» (Лейбниц 1982). Из данной мысли вполне возможно вывести своего рода «техническую теодицею», основываясь на тезисе, что негативное применение техники, в частности, всегда отвечает требованиям всеобщего блага. В идейно схожем ключе рассуждал Фридрих Дессауэр, автор утверждал моральную значимость техники через процесс технического творчества, где в качестве реквизитов присутствуют категорический императив и божественная заповедь. А сама возможность существования техники описывается через «четвертое царство», которое по своей сути является платоническим миром идей (Нестеров 2016). Так техника становится не только религиозным опытом, но и соучастием в творении, «величайшим земным переживанием смерти» (Дессауэр 2017). Если в концепции Г.В. Лейбница и Ф. Дессауэра гарантом всеобщего блага выступал Бог, то в современном техническом оптимизме таким гарантом условно можно считать технологическую сингулярность: это момент времени, пользуясь словами Вернона Винджа, «когда прогресс будет направляться интеллектом, превосходящим человеческий, и он станет куда стремительнее» (Vinge 1993).

Следовательно, необходимо рассмотреть феномен технологической сингулярности более подробно. Сущность технологической сингулярности сложно представить без описания закона ускоряющейся отдачи, разработанного Реймондом Курцвейлом. Автор подходит к описанию технического прогресса, проводя аналогию с эволюционными процессами. Эволюционное развитие основывается на реализации и использовании более совершенных методов, проявляющихся в ходе естественного отбора, таким образом, последующие этапы эволюции предполагают еще более совершенные методы. Этим и доказывает-

ся экспоненциальность эволюционного развития. Технологический прогресс движется согласно тем же принципам, а экспоненциальность здесь описывается следующим образом: «по мере того, как конкретный эволюционный процесс (например, вычисление) становится более эффективным (например, рентабельным), все больше ресурсов направляется на дальнейшее развитие этого процесса. Это приводит ко второму уровню экспоненциального роста (т. е. скорость самого экспоненциального роста растет экспоненциально)» (Курцвейл 2001). Причем каждый конкретный этап технического развития лимитирован потенциалом техники. Если она более не способна быть источником экспоненциального развития, то происходит смена парадигм, которая позволяет создать качественно иную технологическую основу, необходимую для создания нового «эволюционного» этапа. Таким образом, каждый новый этап будет на порядок выше предыдущего. Исходя из этого, Р. Курцвейл делает вывод о том, что если техническому прогрессу присущ экспоненциальный рост, то должен существовать его предел. Подобным пределом и является технологическая сингулярность – момент времени, когда график технологического прогресса станет вертикальным, а темпы развития будут иметь максимальное ускорение. Технологическая сингулярность – точка прогресса, в которой произойдет «взрыв интеллекта», пользуясь термином Ирвинга Гуда (Гуд 1966), момент, когда для развития возможностей искусственного интеллекта более не потребуется участие человека, а цепочка отношений человек–ИИ превратится в человек–ИИ1–ИИ2, что позволит превзойти человеческие возможности в процессе создания техники. Становится очевидным, что «технологическая сингулярность» – довольно размытый термин, так как в данный момент его невозможно описать более конкретно. В связи с этим интерпретаций возможных воплощений сингулярности достаточно много: начиная с идеи трансгуманизма (Нестеров 2013), заканчивая всеми ипостасями «сильного» искусственного интеллекта. Но неизменным остается одно: технологическая сингулярность – это абсолютное благо, позволяющее не только разрешить актуальные проблемы общества, но и преодолеть человеческую ограниченность. Таким образом, технологическая сингулярность внутри самой философии техники проявляет основные принципы оптимистического отношения к технике.

Технический оптимизм как подвид оптимистического умонастроения

Для более детального рассмотрения вышеупомянутых принципов следует учесть, что научно-технический оптимизм так или иначе является частным случаем оптимизма как спонтанного

ценностного умонастроения. В таком случае технический оптимизм должен отвечать следующим требованиям:

1) Техника – а priori благо, она всегда служит некоторой благой цели и не может быть злом: «Оптимистическое мировоззрение предлагает объяснять действительность не из реальной конфигурации денотативных значений, а из того, что эта конфигурация а priori служит некоторой благой цели, причастным которой должен стать человек» (Огнев 2018). Поэтому актуальное воплощение техники не имеет большого значения, важна потенциальная роль технологии в научно-техническом прогрессе.

2) Полное принятие действительности в случае с техникой: полное принятие технической действительности.

3) Доминанта мелиоративной коннотации: техника всегда нацелена на получение пользы и приумножение благ человека.

Необходимо разграничивать ценностное отношение человека (о чем и идет речь в рамках технического оптимизма) к технике и сам аксиологический статус технологии. Сама по себе техника аксиологически нейтральна, хоть и создается не без участия ценностно-окрашенного волеизъявления. Существует несколько вариантов разрешения проблемы нейтральности техники.

Во-первых, с помощью концепции разграничения отношений между наукой и техникой, где первая отвечает за разработку, а вторая – за реализацию. Следовательно, техника никак не может отвечать никаким иным критериям, кроме рамок, заданных наукой. Иначе говоря, техника суть воплощение того или иного научного достижения.

Во-вторых, постулируется нейтральность техники, а аксиологический и этический окрас имеет ее конкретное применение человеком.

В-третьих, технологии внутренне пронизаны ценностями, и их нельзя избавить от них, поскольку техника создается в социально-политическом пространстве. Однако в этом случае весь процесс технического развития полностью завязан на борьбе различных социальных групп.

Если первые два варианта так или иначе утверждают технику нейтральной, то третий требует некоторого разъяснения. Здесь потенциал технологии полностью завязан на обществе, которое ее создало. Однако ценностный окрас в таком случае технология получает только в момент ее генезиса и теряет его при своей актуализации. Процесс создания того или иного технического артефакта может отражать ценности создающей его группы, но сам артефакт нейтрален. Таким образом, техника является проводником волеизъявления конкретной социальной группы, а не способом репрезентации социально-политических ценностей.

В этом отношении связь технологического оптимизма как способа рассмотрения технического прогресса и оптимизма как спонтанного ценностного умонастроения становится более очевидной. Важно разграничивать, что служит источником оптимизма – знания человека о действительности или же его переживания. В связи с этим можно выделить эпистемическую и экзистенциальную модальности технического оптимизма.

Эпистемическая модальность технического оптимизма характеризуется тем, что духовная реальность субъекта формируется на основании достоверных, проблематичных или опровержимых суждений. В таком случае субъективная оценка феномена строится исходя из логической стройности описания феномена. Следовательно, эпистемическая модальность технического оптимизма – логически непротиворечивая картина мира, в рамках которой наука и техника выступают в качестве блага, способного предоставить инструмент для разрешения любой проблемы. Таким образом, при первичном анализе любая логически непротиворечивая оптимистическая концепция техники будет иметь эпистемическую модальность (как пример, современные авторы, положительно относящиеся к научно-техническому прогрессу, – Р. Курцвейл (Курцвейл 2018), Ю.Н. Харари (Харари 2020), М. Каку (Каку 2015) и др.).

Экзистенциальная модальность технического оптимизма основана на том, что восприятие любого события (внешнего или внутреннего) соотносится с идеалами и мировоззренческими установками, которые постулируются в качестве априорного знания. Экзистенциальный технический оптимизм в таком случае можно охарактеризовать как картину мира, внутри которой позитивность науки и техники априорна, а конкретные феномены техники интерпретируются как аффирмация существования. Данный тезис можно раскрыть, пользуясь аналитикой веры в Прогресс, предоставленной Максом Нордау: «Правда заключается в том, что в основе человеческой мирозерцания лежит беспредельный, неискоренимый оптимизм и что он проявляется в виде инстинктивного чувства, свойственного человеку во всех положениях. То, что мы называем оптимизмом, есть просто форма, в которой наша собственная жизненная энергия и жизненные процессы организма достигают нашего сознания. Оптимизм есть, следовательно, другое определение для жизненности, подтверждение факта бытия» (Нордау 2006). Актуальными примерами подобного воззрения можно считать реакцию современной общественности на темпы развития искусственного интеллекта и нейросетей. Например, нейросеть, генерирующая изображения по запросу, “MidJourney” или чат-бот с искусственным интеллектом “GPTchat” вызывают экзальтированную оптимистическую

реакцию у людей, не обладающих должной теоретической базой, хотя данные нейросети являются закономерным этапом развития вопросно-ответных систем.

Заключение

Таким образом, можно заключить, что в контексте технического оптимизма:

1) Техника предоставляет способ разрешения различных проблем, которые препятствуют прогрессу и социальному благополучию.

2) Технический прогресс, помимо социального блага, так-же непосредственно влияет на существование человека.

3) Научно-технический прогресс развивается экспоненциально.

4) Техника – а priori благо, она всегда нацелена на получение пользы и приумножение благ.

5) Продукт технического творчества нейтрален, процесс или же волеизъявление, лежащее в основе генезиса техники, могут быть ценностно окрашенными.

6) Так как аксиологическому анализу подлечит лишь процесс технического творчества, то необходимо введение модальностей технического оптимизма (эпистемической и экзистенциальной), поскольку именно через них можно рассмотреть основания технического оптимизма в конкретике.

Библиографический список

Denning, P.J. and Lewis, G.T. (2017), Exponential Laws of Computing Growth, *Communications of the ACM*, vol. 60, no. 1, [Online], available at: <https://cacm.acm.org/magazines/2017/1/211094-exponential-laws-of-computing-growth/abstract> (Accessed 10 February 2023).

Kurzweil, R. (2001), *The Law of Accelerating Returns*, [Online], available at: <https://www.kurzweilai.net/the-law-of-accelerating-returns> (Accessed 10 February 2023).

Vinge, V. (1993), Technological singularity, *VISION-21*, [Online], available at: <https://frc.ri.cmu.edu/~hpm/book98/com.ch1/vinge.singularity.html> (Accessed 11 February 2023).

Дессауэр Ф. Спор о технике. Самара: Изд-во Самарской гуманитарной академии, 2017. 266 с.

Каку М. Будущее разума. Москва: Альпина нон-фикшн, 2015. 502 с.

Курцвейл Р. Эволюция Разума. Москва: Эксмо, 2018. 352 с.

Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах: Т. I / ред. и сост., авт. вступит. статьи и примеч. В.В. Соколов; перевод Я.М. Боровского и др. Москва: Мысль, 1982. 636 с.

Некрасов С.И., Некрасова Н.А. Философия науки и техники: тематический словарь. Орёл: ОГУ, 2010. 289 с.

Нестеров А.Ю. Проблема человека в свете идеологии эволюционного трансгуманизма // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. Под ред. проф. Д.И. Дубровского. Москва: ООО «Издательство МБА», 2013. С. 183-193.

Нестеров А.Ю. Эпистемологические и онтологические проблемы философии техники: «четвертое царство» Ф. Дессауэра // Онтология проектирования. 2016. № Т. 6, № 3(21). С. 377–389.

Нордау М. В поисках за истиной (Парадоксы). Минск: Белорусская Энциклопедия, 2006. 384 с.

Огнев А.Н. Ценности как фактор мировоззренческого самоопределения личности: монография. Самара: КRYPTEN – Волга, 2018. 158 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43009403>.

Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества. Москва: Синбад, 2020. 520 с.

Энгельмейер П.К. Экономическое значение современной техники. Москва: «Русская типолитография», 1887. 51 с.

References

Denning, P.J. and Lewis, G.T. (2017), Exponential Laws of Computing Growth, *Communications of the ACM*, vol. 60, no. 1, [Online], available at: <https://cacm.acm.org/magazines/2017/1/211094-exponential-laws-of-computing-growth/abstract> (Accessed 10 February 2023).

Kurzweil, R. (2001), *The Law of Accelerating Returns*, [Online], available at: <https://www.kurzweilai.net/the-law-of-accelerating-returns> (Accessed 10 February 2023).

Vinge, V. (1993), Technological singularity, *VISION-21*, [Online], available at: <https://frc.ri.cmu.edu/~hpm/book98/com.ch1/vinge.singularity.html> (Accessed 11 February 2023).

Dessauer, F. (2017), *The dispute about technology*, Samara Humanitarian Academy, Samara, Russia.

Kaku, M. (2015), *The Future Of The Mind. The Scientific Quest To Understand, Enhance, And Empower The Mind*, Alpina non-fiction, Moscow, Russia.

Kurzweil, R. (2018), *How to Create a Mind: the Secret of Human Thought Revealed*, Eksmo, Moscow, Russia.

Leibniz, G.W. (1982), *Essays in 4 volumes*, vol. I, Editor and compiler, author of introductions, articles and notes by V.V. Sokolov; translation Ya.M. Borovsky and others, Thought, Moscow, Russia.

Nekrasov, S.I. and Nekrasova, N.A. (2010), *Philosophy of Science and Technology: Thematic Dictionary*, OGU, Orel, Russia.

Nesterov, A.Yu. (2013), *The problem of man in the light of the ideology of evolutionary transhumanism. Global Future 2045. Convergent Technologies (NBICS) and Transhumanist Evolution*, Ed. prof. D.I. Dubrovsky, LLC "Izdatelstvo MBA", Moscow, Russia.

Nesterov, A.Yu. (2016), Epistemological and ontological problems of the philosophy of technology: F. Dessauer's "fourth kingdom", *Ontology of design*, vol. 6, no. 3 (21), pp. 377–389.

Nordau, M. (2006), *In Search of Truth (Paradoxes)*, Beloruskaya Enciclopedia, Minsk, Belarus.

Ognev, A.N. (2018), *Values as a factor in the worldview self-determination of the individual: monograph*, KRYPTEN – Volga, Samara, Russia, [Online], available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43009403>.

Harari, Yu.N. (2020), *Sapiens. A Brief History of Humankind*, Sinbad, Moscow, Russia.

Engelmeyer, P.K. (1887), *The economic significance of modern technology*, Russian typolithography, Moscow, Russia.

Submitted: 25.01.2023

Revised: 02.03.2023

Accepted: 24.03.2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 101.1

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-1-21-26

Дата поступления: 24.01.2023
рецензирования: 02.03.2023
принятия: 27.03.2023

А.С. Зайкова

Институт философии права Сибирского
отделения Российской академии наук,
г. Новосибирск, Российская Федерация
E-mail: Zaykova.a.s@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3300-0130>

Е.М. Лбова

Институт философии права Сибирского
отделения Российской академии наук,
г. Новосибирск, Российская Федерация
E-mail: kate.lbova@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8748-5095>

Концепция переноса сознания: поиск творческий и научный

Аннотация: в статье анализируется использование концепции переноса сознания в литературе, кинематографе и науке. Показывается, что идеи переноса сознания могут сопутствовать как техно-пессимистические, так и технооптимистические настроения. На примере субжанра ЛитРПГ и ряда фантастических фильмов демонстрируются основные причины стремления персонажей воспользоваться технологией переноса сознания, для которого также употребляется термин «феномен срыва». Для романов и кинороманов характерны демонстрация и позитивных, и негативных последствий переноса сознания, однако отношение к самой возможности преимущественно показано положительно. В отличие от многих научно-фантастических концепций, которые далеки от воплощения в реальность, над концепцией переноса сознания уже работает несколько крупных научных проектов. Однако существующие проекты далеки от реализации технологии переноса сознания и чаще занимаются решением частных проблем, связанных с отдельными заболеваниями мозга, или исследуют социальные и гуманитарные последствия развития виртуальной реальности в целом и нахождения в ней человека в частности. Делается заключение о том, что для современной литературы и кино концепция переноса сознания превратилась в миф о переносе сознания, порождённый мечтой о всемогуществе человеческого разума в сочетании с пессимистичным взглядом на нравственность человека и единство человеческого общества. Кроме того, этот миф отражает также то, что значительная доля человеческой жизни уже находится внутри цифровой реальности.

Ключевые слова: перенос сознания; загрузка сознания; феномен «срыва»; литРПГ; литература; кинематограф; философия сознания; когнитивистика.

Цитирование: Зайкова А.С., Лбова Е.М. Концепция переноса сознания: поиск творческий и научный // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 1. С. 21–26. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-21-26>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Зайкова А.С., 2023 – кандидат философских наук, младший научный сотрудник, Институт философии права Сибирского отделения Российской академии наук, 630000, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8.

© Лбова Е.М., 2023 – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт философии права Сибирского отделения Российской академии наук, 630000, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8.

SCIENTIFIC ARTICLE

A.S. Zaykova

Institute of Philosophy and Law SB RAS,
Novosibirsk, Russian Federation
E-mail: Zaykova.a.s@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3300-0130>

Е.М. Lbova Institute of Philosophy and Law SB RAS,
Novosibirsk, Russian Federation

E-mail: kate.lbova@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8748-5095>

Concept of consciousness transfer: creative and scientific research

Abstract: the article analyzes the use of the consciousness transfer concept in the literature, cinema and science. Both techno-pessimism and techno-optimism are shown to be associated with the consciousness transfer idea. The main reasons for the desire of characters' intention to use the consciousness transfer technology, which is also termed as "breakdown phenomenon", are demonstrated through the example of the LitRPG subgenre and science fiction films. It is typical for novels and screen novels to demonstrate both positive and negative consequences of the consciousness transfer, but the attitude towards the possibility itself is predominantly positive. Unlike many science fiction theories, which are far from becoming reality, several major scientific projects are already working on the concept of the mind transfer. However, existing projects are far from implementing the consciousness transfer technology and are more often involved in solving particular problems associated with individual brain diseases, or exploring the social and humanitarian consequences of developing the virtual reality generally and the human presence in it particularly. It is concluded that for the modern literature and cinema, the concept of consciousness transfer has turned into a myth about the consciousness transfer, generated by the dream of the human mind omnipotence, combined with a pessimistic idea about the human morality and the human society unity. Furthermore, this myth also reflects a substantial part of the human life being already inside the digital reality.

Key words: consciousness transfer; consciousness loading; "breakdown" phenomenon; LitRPG; literature; cinematography; philosophy of mind; cognitive science.

Citation: Zaykova, A.S. and Lbova, E.M. (2023), Concept of consciousness transfer: creative and scientific research, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 3, no. 1, pp. 21–26, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-21-26>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Zaykova A.S., 2023** – Candidate degree in Philosophy, junior research associate, Institute of Philosophy and Law SB RAS, 8, Nikolaeva st., Novosibirsk, 630000, Russian Federation.

© **Lbova E.M., 2023** – Candidate degree in History, senior research associate, Institute of Philosophy and Law SB RAS, 8, Nikolaeva st., Novosibirsk, 630000, Russian Federation.

Введение

Концепция «переноса сознания», также упоминаемая как концепция «загрузки сознания», будоражит человеческие умы ещё с середины XX века. Развитие кибернетики заставляло задуматься о технической возможности переноса сознания, а также об этической и гуманитарной стороне вопроса. В «Диалогах» С. Лема (1957 г.) один из персонажей так отзывается об идее «загрузки сознания»: «это будет не то бессмертие, какое нам хотелось бы принять, признать, какого мы хотим, о каком мечтаем. Это будет бессмертие гротескное, уродливое, неприемлемое, но другого не может быть» (Лем 2007, с. 74). Но если такая форма бессмертия действительно столь неприемлема, почему к идее переноса сознания обращаются всё новые и новые книги и фильмы, а существующие проекты, исследующие возможность переноса сознания, регулярно получают финансирование? Насколько привлекательной или, наоборот, отталкивающей может быть идея проснуться в виртуальной реальности, полностью отказавшись от телесности реального мира?

В 1961 году был опубликован рассказ Стругацких «Свечи перед пультом», где множество операторов в спешке копируют мозг великого учёного на кристаллическую биомассу в надежде сделать его бессмертным до того, как тот умрёт. Главный герой торопится сообщить умирающему ученому информацию, которую тот ждал всю жизнь, но вместо этого он может лишь наблюдать за загрузкой сознания, надеясь, что всё пройдет успешно: «Великое Кодирование (так в рассказе называлась загрузка сознания) – это дорога к бессмертию человеческого "Я", потому что человек – это не руки и ноги. Человек – это память, привычки, ассоциации, мозг. МОЗГ» (Стругацкие 1961, с. 618). С тех пор идея загрузки или переноса сознания не только многократно становилась темой научных статей и исследовательских проектов, но повторялась и изменялась в литературе и кино.

В настоящее время концепция переноса сознания настолько трансформировалась, что в большинстве случаев мы встречаемся не с самой этой концепцией, а, скорее, с некоторым мифом. Чтобы продемонстрировать это, мы продемонстрируем

то, как проявляется и обыгрывается концепция переноса сознания в современной литературе и кинематографе, а также рассмотрим несколько научных проектов, основанных на идее переноса сознания.

Перенос сознания в ЛитРПГ

Десять лет назад редакторы и авторы В. Маханенко, Д. Малкин и А. Бобл предложили термин «ЛитРПГ» для нового формирующегося направления фантастики, для которой характерно проникновение героя и сюжетной линии в компьютерную или иную виртуальную игру (Солопина, Абрамова 2020). Сама идея подобного проникновения не нова: задолго до формирования жанра существовали отдельные работы, в которых значимая часть сюжетной линии происходит внутри игры или виртуальной реальности. Среди таких работ можно назвать «Болотную крепость» (Quag Keer, 1978) – фантастический роман А. Нортон об игре D&D, который переносится в фигуру персонажа игры; «Лабиринт отражений» С. Лукьяненко (1997), где главный герой спасает пользователя, «застрявшего» в компьютерной игре.

Субжанр ЛитРПГ является поджанром фантастики, но имеет некоторые специфические особенности, такие как игровые квесты, формирующие сюжетную линию, а также включение в текст романов игровой статистики и характеристик персонажа. Часто для субжанра характерны антиутопические черты, а также черты научной фантастики или фэнтези (или же и те, и другие). Относительно новым в жанре является ход «реалРПГ», где в реальный мир проникают элементы системы (квестовые задания, игровые способности, уровни и характеристики игрока, неигровые персонажи). Для нас более интересным является субжанр «классической ЛитРПГ», где для героя доступно «полное погружение» в игру, чем он и пользуется.

Мотивация героев, приводящая их к полному погружению в игру, может быть разной: так, в ранобе «Легендарный лунный скульптор» (2007–2020) и в романе «Игра кота» (2017–2019) герой использует игру, чтобы заработать денег, в то время как у персонажа цикла «Игра шамана» нет выбора: его отправляют в виртуальную тюрьму на десять лет за киберпреступление. Наконец, такой мотивацией может быть и сама жизнь: персонаж серии «Играть, чтобы жить» Д. Руса (2013–2021) неизлечимо болен, и его единственный шанс хоть как-то продлить себе жизнь – это «срыв», при котором сознание полностью переносится в виртуального персонажа игры, а тело в реальном мире превращается в пустую оболочку и умирает. Иная ситуация происходит с романом «Семнадцатое обновление», когда во время очередного обновления игры персонажи умирают в реальности, но остаются жить в игре. Часть второстепенных героев этих книг «уходят в срыв», чтобы обрести здоро-

вые или молодость. Один из героев книги «Играть, чтобы жить» переводит в виртуальную реальность несколько десятков неизлечимо больных детей, что в реальном мире может рассматриваться как убийство.

Иногда сюжет книги начинается после того, как перенос или загрузка сознания уже произошли: в книге «Реабилитация» Т. Царенко (2015) главный герой просыпается в виртуальной реальности через триста лет после своей смерти, и целью героя становится накопление денег, для того чтобы стать живым и в реальном мире.

Для ЛитРПГ, в которых присутствует феномен «срыва», ещё более характерны черты антиутопии в сочетании с бурным научным прогрессом, который и приводит – в результате целенаправленных действий или случайным образом – к появлению эффекта переноса сознания. Игроки «уходят» в виртуальную реальность в том числе потому, что реальный мир жесток и несправедлив, но не всегда виртуальная реальность лучше, поскольку жестокость и несправедливость переходят в игру вместе с людьми. Игроки в игре могут лишиться бессмертия, но и сохранение бессмертия не является гарантией благополучной жизни: среди бессмертных, запертых в виртуальности, есть и люди, получающие удовольствия от рабовладения и пыток, а также имеющие возможность их воплощать.

Таким образом, в романах жанра ЛитРПГ мы видим элементы и технооптимистических, и технопессимистических настроений. Технооптимизм, для которого характерно искать в технике инструмент решения глобальных проблем, порождённых человеческой природой (Ястреб 2022), ищет в технологии переноса сознания надежду на спасение или справедливость, а технопессимизм демонстрирует новые, зловещие последствия заманчивой технологии.

Несмотря на это, идея о переносе сознания снова и снова появляется в ЛитРПГ – с демонстрацией как благоприятных и чудесных (таких, как лечение от смертельных болезней, магия и вечная жизнь), так и опасных и даже чудовищных (незащищенность от системных решений, проявления социальной несправедливости в новых масштабах, появление новых форм насилия и контроля).

Перенос сознания в кино

Высокий темп развития информационных технологий в конце XX века отразился и на кинокультуре. С начала 1990-х годов вплоть до сегодняшнего дня в прокат регулярно выходят киноленты, сюжет которых так или иначе связан с концепцией переноса сознания. И это не удивительно, поскольку использование визуальных средств кинематографа позволяет эффективнее и быстрее смоделировать возможные позитивные и негативные последствия появления в жизни человека новых

технологий. Причем речь идет не только о переносе сознания в виртуальную реальность, но и о поисках возможности альтернативной оболочки для сознания индивида в реальном мире.

Один из самых популярных и известных массовому зрителю примеров – научно-фантастический фильм Дж. Кэмерона «Аватар» (2009). По сюжету фильма главному герою, имеющему ограниченные возможности в реальной жизни, предлагают участие в разведывательной миссии, для которой требуется перенос сознания в аватар – генно-модифицированное тело. Герой соглашается, получая шанс вновь обрести утраченные способности. В процессе развития сюжета он проходит через морально-этическую трансформацию и спасает другую цивилизацию, с которой ассоциирует себя через свою новую телесность. В финале фильма герой совершает выбор в пользу переноса сознания в тело аватара, начиная жизнь заново в новой социальной роли. Перенос сознания в «Аватаре» позиционируется как спасение, как возможность для человека отречься от греховной природы и несовершенства, став частью идеального и гармоничного мира.

Иначе показаны последствия переноса сознания в фантастическом боевике Дж. Мостоу «Суррогаты» (2009), хотя фильм имеет ряд сходств по фабуле с рассмотренным нами «Аватаром». В недалеком будущем разработан интерфейс, позволяющий людям с ограниченными возможностями силой нервных импульсов управлять андроидом или суррогатом. Постепенно изобретение стало использоваться не только людьми с инвалидностью, но и дееспособными гражданами. В результате большинство населения Земли проводило практически все время в четырех стенах, доверив свою социальную жизнь суррогатам. В отличие от аватара, суррогаты – бездушные роботы, не испытывающие боли, что уже не лучшим образом отражается на психике управляющего андроидом человека. Он теряет чувство реальности окружающего его мира, перестает заботиться о своем реальном теле и внешности, переживает приступы социофобии при мысли о возможности общения между живыми людьми, а не суррогатами. В процессе развития сюжета главный герой постепенно отвергает новую технологию, пытаясь обрести прежнюю жизнь, наполненную живым человеческим общением. В данном случае технология переноса сознания не делает человека лучше, а лишь потакает его слабостям и чуть не приводит к всеобщей гибели. В финале герою удается отказаться от технологии, вернув себе прежнюю, не самую идеальную, но все же реальную жизнь в социуме.

Сходные технопессимистические настроения можно встретить в сюжетах фильмов, связанных с переносом сознания в виртуальную реальность. В «Газонокосильщике» (реж. Б. Леонард 1992)

эксперимент над умственно отсталым человеком приводит к тому, что тот начинает обладать исключительными интеллектуальными способностями, развивает в себе дар телекинеза и переносит свое сознание в виртуальную реальность. При этом герой превращается в психопата со стремлением к мировому господству.

Сериал «Загрузка» (Г. Дэниэлс 2020) затрагивает проблему бессмертия и свободы личности в виртуальном пространстве. По сюжету в недалеком будущем у людей появляется возможность переносить свое сознание после смерти в виртуальный загробный мир. Главный герой, попав в аварию, принимает решение загрузить свое сознание в базу данных. Поначалу он сохраняет общение с близкими, но нахождение в виртуальной реальности постепенно меняет отношение родственников к нему и делает для главного героя очевидным несовершенство и зыбкость выбранного им способа существования.

Таким образом, в кинотворчестве, как и в литературном творчестве, мы можем наблюдать и технопессимистические, и технооптимистические воззрения. В некоторых фильмах перенос сознания идеализируется, в то время как в других он показан как нечто опасное и не поддающееся полному контролю со стороны личности. Но есть и важные отличия: если в литературе автор показывает ситуацию с разных точек зрения, часто предлагая читателю самостоятельно составить мнение о ситуации, то в кино режиссер стремится донести свои размышления более прямолинейно, поскольку за короткий промежуток времени нужно передать идею максимально просто и доступно. В результате зрителю часто не дают возможности поразмыслить и выработать свое отношение к проблеме.

Перенос сознания как научный проект

В отличие от многих научно-фантастических концепций, которые далеки от воплощения в реальность, над концепцией переноса сознания уже работает несколько крупных проектов. Один из таких проектов – «Голубой мозг» (The Blue Brain) – занимается проектированием мозга, включая всю новую кору, а также гиппокамп, миндалины и мозжечок. У проекта уже есть определенные успехи: так, в 2022 году исследователи проекта опубликовали статью, в которой продемонстрировали способность синтезировать в цифровом виде морфологию дендритов из мозга мыши (Kenari et al 2022).

Другой проект, связанный с концепцией переноса сознания, – «Проект человеческого мозга» (The Human Brain Project, HBP) – ставит целью создать первую в мире модель мозга человека и грызунов. В рамках проекта задействованы такие области научного знания, как нейроинформатика, медицинская информатика, нейромоделирование,

нейроморфные вычисления, высокопроизводительная аналитика и вычислительная техника. Проект имеет постоянное финансирование, но основные достигнутые результаты находятся в области диагностики заболеваний головного мозга. К примеру, исследователи улучшили классификацию болезни Паркинсона (Jung K et al. 2023) и смоделировали распространение эпилептического припадка (Derannemaescker et al 2022).

Многие нейронаучные проекты сталкиваются с концептуальными проблемами, связанными с тем, что понятие «сознания до сих пор остается смутным и не имеет однозначного толкования. Для попытки объяснить, что же такое сознание, существует множество теорий, начиная от редуктивного материализма и заканчивая идеализмом. Ряд концепций, такие как дуализм свойств и состояний, вполне согласуются с отдельными нейронаучными разработками, в то время как крайние формы идеализма, отрицающие материальную реальность, им противоречат. Однако большинство философов используют результаты когнитивных исследований и предлагают отдельные теории, которые могут объяснить и направить феномены, связанные с сознанием (Chalmers 2022). В свою очередь, попытки учёных копировать и воссоздать сознание без понимания, что такое сознание, и принятия некоторой концепции сознания как базовой, представляются несколько сомнительными или как минимум сложновыполнимыми.

Помимо исследований, связанных непосредственно с сознанием, существуют разработки, направленные на создание виртуальной реальности, которая смогла бы стать новым миром для уже загруженных сознаний. В 2021 году создатель социальной сети Facebook М. Цукерберг предложил проект метавселенной, в которой пользователи могут посредством взаимодействия 3D-аватаров двойников в виртуальном пространстве общаться и решать различные бытовые вопросы. Помимо этого, внутри новой метавселенной можно было бы получить новые знания и навыки, играть, заниматься спортом и даже работать. Однако перенос обыденности в виртуальную реальность угрожает безопасности и психологическому здоровью пользователей в ситуациях кибербуллинга или интернет-травли. Даже когда «токсичное» поведение находится в иной реальности это в значительной мере влияет на нашу жизнь и может привести к психологическим расстройствам (Ваторопин и др. 2022), что заставляет задуматься о том, с какими психологическими и социальными последствиями мы можем столкнуться, находясь в виртуальном пространстве.

Заключение

Популярность концепции переноса сознания в литературе и кино можно объяснить и глобальными

последствиями, которые она за собой повлечёт, и кажущейся лёгкостью реализации, по крайней мере, для людей, склонных к редуктивному материализму. Даже от крошечных шагов на пути к загрузке сознания может быть неопределимая польза: это и повышение качества обучения, и восстановление воспоминаний, и лечение болезней, связанных с нарушениями работы головного мозга, и отдельные устройства, вживлённые в мозг и составляющие с ним единую структуру, которые усиливают слух, зрение, тактильные ощущения, восстанавливают возможность чувствовать запахи, способствуют улучшенному запоминанию или концентрации внимания, а то и вовсе позволяют обмениваться мыслями на расстоянии. Но есть и негативные последствия, к которым мы должны быть готовы: новые формы социальной несправедливости, развитие и трансформация форм насилия, разрушение социальных связей, разрыв связи с реальностью, потеря человечности и, в конечном итоге, обесценивание самой жизни.

Однако кроме отдалённых последствий развития технологий, связанных с возможной оцифровкой мозга, уже существуют негативные явления, порожденные тем, что значительная часть нашей жизни находится в виртуальной реальности. С каждым годом увеличивается экранное время: нахождение на улице без телефона становится немислимым, увеличиваются расходы на покупку виртуальных предметов (программного обеспечения, книг, фильмов, игр, бонусов в играх и др.). Всё это свидетельствует о переносе событийного центра в реальность по ту сторону экрана без использования технологий полного погружения. И хотя исследователи отмечают эволюцию понятийного аппарата, описывающего современную социальную реальность: термин «виртуальная реальность» уходит в прошлое, а на смену ему приходят «смешанная реальность» и «онлайн» (Персидская 2022, с. 117). Миф о переносе сознания, повторяющийся в литературе и кинематографе, предупреждает нас о возможных последствиях существования по ту сторону экрана.

В целом миф о переносе сознания порождён, с одной стороны, мечтой о всемогуществе человеческого разума в сочетании с пессимистичным взглядом на единство человеческого общества. Он, отражает также то, что значительная доля человеческой жизни уже находится внутри цифровой реальности. Если же возвращаться к первоначальной идее загрузки сознания, то она ставит перед нами множество вопросов гуманитарного характера, которые решить не проще, чем технические вопросы: является ли телесность обязательным свойством человека? Действительно ли человек – это лишь его сознание, его мозг? Наконец, что это такое – человечность, и удастся ли нам её сохранить в погоне за мечтой о бессмертии?

Источники фактического материала

Heesung, Nam (2007–2020), *The Legendary Moonlight Sculptor*, #1-51, ROK Media, Seoul.

Лукьяненко С.В. *Лабиринт отражений*. Москва: Издательство АСТ, 1997.

Прокофьев П. *Игра кота*. Москва: Издательство АСТ, 2017–2019.

Рус Д. *Играть, чтобы жить*. Москва: Издательство Эксмо, 2013–2021.

Стругацкий А., Стругацкий Б. *Свечи перед пультом: Науч.-фантаст. рассказ*. Янтарная комната. Ленинград: Детгиз, 1961. С. 610–629.

Царенко, Т. *Реабилитация*. Москва: АСТ, 2015.

Кино:

Аватар [Художественный фильм]. 2009, США, реж. Дж. Кэмерон, длит: 161 мин.

Суррогаты [Художественный фильм]. 2009, США, реж. Дж. Мостоу, длит: 85 мин.

Газонокосильщик [Художественный фильм]. 1992, Великобритания, реж. Б. Леонард, длит: 108 мин.

Загрузка [Художественный сериал]. 2020, США, автор Г. Дэниелс.

Библиографический список

Chalmers, D. (2022), *Reality+: Virtual Worlds and the Problems of Philosophy*, W.W. Norton & Company, New York, USA.

Depannemaecker, D., Carlu, M., Bouté, J., Destexhe, A. (2022), *A Model for the Propagation of Seizure Activity in Normal Brain Tissue*, *eNeuro*, DOI: <https://doi.org/10.1523/ENEURO.0234-21.2022>.

Kanari, L., Dictus, H., Chalimourda, A., Arnaudon, A., Van Geit, W., Coste, B., Shillcock, J., Hess, K., Markram, H. (2022), Computational synthesis of cortical dendritic morphologies, *Cell Rep*, vol. 5, no 39 (1): 110586, DOI: <https://doi.org/10.1016/j.celrep.2022.110586>. PMID: 35385736.

Jung, K., Florin, E., Patil, K.R., Caspers, J., Rubbert, C., Eickhoff, S.B., Popovych, O.V. (2023), Whole-brain dynamical modelling for classification of Parkinson's disease, *Brain Communications*, vol. 5 (1), fcac331, DOI: <https://doi.org/10.1093/braincomms/fcac331>.

Ваторопин А.С., Ваторопин С.А., Тепляков И.И., Чевтаева Н.Г. *Метавселенная: перспективы создания и социальные последствия // Теория и практика общественного развития*. 2022. № 4. С. 19–25. DOI: <https://doi.org/10.24158/tpor.2022.4.2>.

Лем С. *Диалоги*. Москва: АСТ, 2007. 256 с.

Персидская О.А. *Феномен цифровой личности: в поиске оснований концептуализации // Человек*. RU. 2022. № 17. С. 114–136. DOI: <https://doi.org/10.32691/2410-0935-2022-17-114-136>. EDN GSJJKL.

Солопина Г.А., Абрамова Е. М. *История возникновения и развития литРПГ // Филология и*

человек. 2020. № 3. С. 111–124. DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2020\)3-09](https://doi.org/10.14258/filichel(2020)3-09). URL: <http://journal.asu.ru/pm/article/view/7445>.

Ястреб Н.А. Гарри Поттер и технопессимизм: готовы ли «зумеры» к техническому прогрессу? // *Семиотические исследования*. *Semiotic studies*. 2022. Т. 2, No 3. С. 39–45. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-39-45>.

References

Chalmers, D. (2022), *Reality+: Virtual Worlds and the Problems of Philosophy*, W.W. Norton & Company, New York, USA.

Depannemaecker, D., Carlu, M., Bouté, J., Destexhe, A. (2022), *A Model for the Propagation of Seizure Activity in Normal Brain Tissue*, *eNeuro*, DOI: <https://doi.org/10.1523/ENEURO.0234-21.2022>.

Kanari, L., Dictus, H., Chalimourda, A., Arnaudon, A., Van Geit, W., Coste, B., Shillcock, J., Hess, K., Markram, H. (2022), Computational synthesis of cortical dendritic morphologies, *Cell Rep*, vol. 5, no 39 (1): 110586, DOI: <https://doi.org/10.1016/j.celrep.2022.110586>. PMID: 35385736.

Jung, K., Florin, E., Patil, K.R., Caspers, J., Rubbert, C., Eickhoff, S.B., Popovych, O.V. (2023), Whole-brain dynamical modelling for classification of Parkinson's disease, *Brain Communications*, vol. 5 (1), fcac331, DOI: <https://doi.org/10.1093/braincomms/fcac331>.

Vatoropin, A.S., Vatoropin, S.A., Teplyakov, I.I. & Chevtaeva, N.G. (2022), Metaverse: creation perspectives and social consequences, *Theory and Practice of Social Development*, no. 4, pp. 19–25, DOI: <https://doi.org/10.24158/tpor.2022.4.2>, (In Russian).

Lem, S. (2007), *Dialogues*, AST, Moscow, Russia, (In Russian).

Persidskaya, O.A. (2022), The phenomenon of digital personality: in search of the foundations of conceptualization, *Chelovek.ru*, no. 17, pp. 114–136, DOI: <https://doi.org/10.32691/2410-0935-2022-17-114-136>, (In Russian).

Solopina, G.A., Abramova, E.M. (2020), Istoriya vznikhoveniya i razvitiya litRPG, *Filologiya i chelovek*, no. 3, pp. 111–124, DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2020\)3-09](https://doi.org/10.14258/filichel(2020)3-09), [Online], available at: <http://journal.asu.ru/pm/article/view/7445>, (In Russian).

Yastreb, N.A. (2022), Harry Potter and technopessimism: are «zoomers» ready for the technological progress?, *Semioticheskie issledovaniya*. *Semiotic studies*, vol. 2, no. 3, pp. 39–45, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-39-45>, (In Russian).

Submitted: 24.01.2023

Revised: 02.03.2023

Accepted: 27.03.2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 4

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-1-27-31

Дата поступления: 01.02.2023
рецензирования: 02.03.2023
принятия: 25.03.2023

Т.В. Бернюкевич
Национальный исследовательский
Московский государственный строительный
университет, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: bernyukevich@inbox.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4471-0381>

Роль социальной активности в управлении пространством города

Аннотация: *Введение.* Актуальность исследования связана со сложностью вопросов управления пространством города, включающего целый ряд аспектов: социальный, экономический, собствен-но-градостроительный и т.д. Предметом анализа в данной статье является роль социальной активности в системе управления городским пространством. *Цель исследования* – выявление места и функций социальной активности в эффективном управлении городскими процессами. Задачи исследования включают: определение параметров пространственных характеристик города с точки зрения предмет-ных областей разных дисциплин, анализ подходов к управлению пространством города, уточнение роли социальной активности в этом управлении. Материалы и методы. Исследование базируется на комплексном подходе, который позволяет рассмотреть сложный феномен пространства города с раз-ных сторон и в соотношении с этой сложностью определить социальные аспекты управления город-ским пространством. *Результаты.* Изучение культурного пространства города часто предполагает междисциплинарность. В организации пространства города фиксируется история города, его потреб-ности, стратегии развития. Неповторимый образ города, формируемый соотношением его улиц, пло-щадей, набережных, его архитектурой. Значительный вклад в исследование городского пространства внесли представители социологии города, в рамках которой вопросы развития города связывались с социальными трансформациями. Анализ этих трансформаций стал отправной точкой возникновения социологии города. *Выводы.* Способы развития городского пространства задаются способами произ-водства и социальными отношениями, сложной системой социальных связей и влиянием разных соци-альных групп, ролью власти и бизнеса. Необходимым является не только определение теоретико-ме-тодологических оснований развития пространства города, но и выявление их потенциала в практике учета общественного мнения для решения вопросов городского строительства и совершенствования городской среды.

Ключевые слова: городское пространство; социальная активность; городские практики; социаль-ное управление.

Цитирование: Бернюкевич Т.В. Роль социальной активности в управлении пространством го-рода // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 1. С. 27–31. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-27-31>.

© **Бернюкевич Т.В., 2023** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии, Национальный исследовательский Московский государственный строительный универ-ситет, 129337, Российская Федерация, г. Москва, Ярославское шоссе, 26.

SCIENTIFIC ARTICLE

T.V. Bernyukevich
Moscow State University of Civil Engineering,
Moscow, Russian Federation
E-mail: bernyukevich@inbox.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4471-0381>

The role of social activity in the urban space management

Abstract: *Introduction.* The study relevance is concerned with the complexity of urban space management issues, including a number of aspects: social, economic, urban planning proper, etc. The subject of analysis in this article is the role of social activity in managing the urban space. The purpose of the study is to identify the place and functions of the social activity within the framework of the efficient management of urban pro-

cesses. The objectives of the study include: determining the parameters of the urban spatial characteristics, in terms of subject differences of various disciplines; analyzing approaches to managing the urban space; clarifying the role of the social activity in this management.

Materials and methods. The study is based on an integrated approach that enables to consider the complex phenomenon of the urban space from different perspectives and, in relation to this complexity, determine the social aspects of urban space management.

Results. Exploring the urban cultural space often involves interdisciplinarity. Urban space organization records the history of the city, its needs, and strategic development. A unique image of the city, formed by the relation between its streets, squares, embankments, its architecture. A significant contribution to the study of urban space was made by representatives of the urban sociology, within which the issues of urban development were associated with social transformations. The analysis of these transformations has started the urban sociology.

Conclusions. Ways of developing urban spaces are set by the production practice and social relations, the complex social system and influence of social groups, the authority and corporate role. Not only establishing the theoretical and methodological basis for developing the urban space is necessary, but also educating their potential to consider the public opinion when determining the urban development and improvement.

Key words: urban space; social activity; urban practices; social management.

Citation: Bernyukevich, T.V. (2023), The role of social activity in the urban space management, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 3, no. 1, pp. 27–31, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-27-31>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Bernyukevich T.V., 2023** – Doctor of Sciences in Philosophy, professor, professor of the Department of History and Philosophy, Moscow State University of Civil Engineering, 26, Yaroslavskoye Shosse (St.), Moscow, 129337, Russian Federation.

Введение

Актуальность исследования связана со сложностью вопросов управления пространством города, включающего целый ряд аспектов: социальный, экономический, собственно-градостроительный и т.д. Среди исследователей городского пространства: историки, философы, антропологи, социологи, культурологи (У. Эко, Р. Барт, А. Лефевр, Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров, В.Г. Ильин, Е. Смоленская, А. Филиппов и др.). Значительный вклад в исследование городского пространства внесли представители социологии города, в рамках которой вопросы развития города связывались с социальными трансформациями. Развитие городской проблематики связано с идеями М. Вебера, Г. Зиммеля, Ф. Тенниса и др. Проблематика городской социологии становится центральной для представителей Чикагской школы (Р. Парк, Э. Бёрджесс, Л. Вирт) (Бернюкевич 2022).

В соответствии с предметным полем конкретной науки существуют разные формулировки определений «пространство города». Так, пространственные характеристики задаются в рамках географических исследований. Например, исследователи-географы отмечают такие специфические черты городского пространства: «социально-географическое пространство (СГП) представляет собой особый срез реального трехмерного географического пространства и состоит из территории города, объектов городской среды и системы социально-пространственных связей населения, реализуемых в этой среде» (Лебедев и др. 2022, с. 86).

В представленном исследовании ставится проблема роли социальной активности жителей города в формировании пространства города. Важным является определение социальной активности в рамках диалектики свободы и ответственности, позволяющей жителям стать настоящими участниками процесса развития городского пространства. Данный фактор может быть рассмотрен в контексте известных социальных концепций, таких как «право на город». Необходимым является не только определение теоретико-методологических оснований развития пространства города, но и выявление их потенциала в практике учета общественного мнения для решения вопросов городского строительства и совершенствования городской среды.

В настоящее время одной из наиболее обсуждаемых проблем становится проблема реновации и гуманизации общественных пространств города. Исследователи указывают, что эта задача может быть решена только при синтезе архитектурно-градостроительного и эргодизайнерского подходов к совершенствованию формирования общественных пространств. Учет антропологического фактора в рамках архитектурно-градостроительного подхода предусматривает «органичное включение общественного пространства в городскую среду, формирование функциональной структуры пространства с использованием архитектурных объемов, включения при необходимости дополнительных объектов, отражающих их исторические особенности развития и “дух места”» (Вотинов 2015, с. 153).

Методы исследования

Необходим поиск теоретических и методологических подходов к определению социально-антропологических факторов развития городского пространства и анализ уже имеющихся практик социальной активности, направленных на формирование и развитие городской среды. Реализация этих задач возможна при использовании комплексного подхода, который позволит на основе рассмотрения фундаментальных научно-философских концепций (право на город, метафизика города и др.) и выявления специфики современных социальных технологий развития городского пространства определить наиболее актуальные факторы становления современного города (McGill 2020, Shih-Kung 2020, Бикбов 2002, Стрельникова 2012, Гурин 2003).

В рамках междисциплинарного подхода возможно использование данных из разных научных областей: философии, социологии, культурологии, политологии и др. В настоящее время существует необходимость в обобщении результатов социо-гуманитарных исследований городской среды, анализе материалов, связанных с проблематикой развития городских пространств и т.д.

Социально-философский анализ необходим для понимания сущности социально-антропологических факторов развития городского пространства как отражения диалектики свободы и ответственности (Бернюкевич 2021).

Результаты. Для выявления оптимальных параметров управления пространством города необходимо определение возможностей использования социальной активности людей как проявления их свободы и ответственности для формирования пространства города. Пространство города в этом случае предстаёт как специфическая система, включающая иерархию входящих в неё локальных пространств и подпространств. Способы развития городского пространства задаются, прежде всего, способами производства и социальными отношениями, сложной системой социальных связей и влиянием разных социальных групп, ролью власти и бизнеса.

В настоящее время разрабатываются определенные социальные практики воздействия на формирование городской среды, задачами которых является формирование комфортного, безопасного городского пространства, в соответствии с потребностями и интересами горожан. Однако, на наш взгляд, такие попытки не будут успешными без их методологического обоснования и выявления социально-антропологических параметров развития городского пространства.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов является вопрос о факторах создания городского пространства. Вопросам влияния на формирование городского пространства посвящен ряд

фундаментальных работ, одной из наиболее популярных является концепция «права на город». Согласно идеям книги Анри Лефевра «Право на город» (была опубликована в 1968 г.) «каждый из жителей обладает “правом на город” и может его отстаивать», эта работа активизировала интерес к данной теме (Харви 2019, с. 49). Известный теоретик неомарксизма определяет роль потребления, социальных отношений, функций бизнеса и власти и т.п. в организации городского пространства.

Дэвид Харви, развивая идеи концепции права на город, в статье «Право на город» акцентирует внимание на «расколотости» современных городов: «Мы живем в расколотых городах. Прежде всего, так называемые “глобальные” города расколоты в социальном отношении между финансовыми элитами и огромными массами низкооплачиваемых работников сферы услуг, смешивающихся с маргиналами и безработными» (Лефевр 2015, с. 80). Харви считает, что все жители города являются «архитекторами городского будущего», поскольку с помощью повседневных практик «предпринимая политические, интеллектуальные и экономические усилия, строим город» (Лефевр 2015, с. 82). В рамках этого общего градостроительства необходим поиск эффективных способов реализации «права на различия». Реализуя эти задачи, горожане одновременно выражают свои свободные права на формирование необходимого им пространства города и становятся ответственными за судьбу своего города.

Выводы

Развитие социальной активности жителей города, направленной на формирование городского пространства, позволяет эффективно реализовать идею горожан, удовлетворять их потребности и в определенной степени продуцировать новые смыслы пространства города (Иванов, Бернюкевич 2019). Социальные практики становления городской среды позволяют преодолеть имеющееся «отчуждение» между жителями и городом как продуктом деятельности власти и бизнеса. (Вершинина 2018).

В то же время можно выделить ряд проблем, связанных с реализацией таких практик социальной активности по развитию городского пространства. Во-первых, это недостаточный охват населения названными технологиями активного участия в совершенствовании городской среды. Во-вторых, вопросы правовой легитимности и учета в реальном принятии решений по развитию города (например, строительству определенных объектов) результатов опросов, общественных обсуждений и публичных слушаний. В-третьих, возможность учета мнений горожан вовсе не исключает лоббирование интересов определённых групп населения, скрытую коррупцию и т.п.

При этом анализ практик активного участия жителей города в решении вопросов развития городского пространства позволяет сделать вывод о том, что эти социальные практики направлены не только на решение конкретных вопросов городской жизни, но и на формирование векторов совершенствования пространства города.

Библиографический список

Философские и социокультурные проблемы развития города: монография / Т.В. Бернюкевич, К.Н. Гацунаев, Е.Г. Кривых, С.Д. Мезенцев, Т.А. Молокова, В.В. Неганов, Ю.В. Посвятенко, М.А. Хасиева. Москва: Изд-во МИСИ-МГСУ, 2021. 256 с.

Иконников А.В. Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве; Российская академия архитектуры и строительных наук, Научно-исследовательский институт теории архитектуры и градостроительства. Москва: КомКнига, 2006. 352 с.

Смирнов С.А. Антропология города, или О судьбах философии урбанизма в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/text/smirnov-sa/antropologiya-goroda-ili-o-sudbah-filosofii-urbanizma-v-rossii#gorod-kak-literaturnyy-geroy> (дата обращения: 01.10.2020).

Глазычев В.Л. Урбанистика. Москва: Европа, 2008. 220 с.

Филиппов А. Прикладная социология пространства // Социологическое обозрение, 2009. Т. 8. № 3. С. 3–15.

Стась И. Urban History: между историей и социальными науками // Социологическое обозрение, 2022. Т. 21. № 3. С. 250–285.

Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1984. Вып. 664. С. 30–45.

Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 3–12.

Бернюкевич Т.В. Современные городские практики: социально-политические аспекты // Вестник Забайкальского государственного университета. 2022. Т. 28. № 6. С. 37–44. DOI: <http://doi.org/10.21209/2227-9245-2022-28-6-37-44>.

Лебедев П.С., Смирнов И.П., Смирнова А.А., Ткаченко А.А. Социально-географическое пространство малых городов Тверской области // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2022; (2). С. 86–100.

Вотинов М.А. Реновация и гуманизация общественных пространств в городской среде: монография; Харьков. нац. ун-т гор. хоз-ва им. А.Н. Бекетова. Харьков: ХНУГХ им. А.Н. Бекетова, 2015. 153 с.

McGill, Ronald (2020), Urban resilience – An urban management perspective, *Journal of Urban Management*, vol. 9, is. 3, pp. 372–381.

Shih-Kung, Lai (2020), Evidence of urban spatial self-organization, *Journal of Urban Management*, 24 November, DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jum.2020.11.002>, [Online], available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2226585620303241> (Accessed 01 November 2022).

Бикбов А. Москва / Париж: пространственные структуры и телесные схемы // Логос. 2002. № 3–4 (34). С. 145–168.

Стрельникова А. Социология города: пространственные практики и жизненные траектории. Москва: Тривант, 2012. 232 с.

Гурин С.П. Образ города в культуре: метафизические и мистические аспекты [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.comk.ru/HTML/gurin_doc.htm (дата обращения: 01.11.2022).

Флёрри А. Улица как географический объект // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 3. С. 30–36.

Харви, Д. Право на город, пер. с англ. и коммент. М.А. Котлярова. Екатеринбург, 2019. 36 с.

Лефевр А. Производство пространства. Москва: Strelka Press, 2015. 432 с.

Иванова З.И., Бернюкевич Т.В. Градостроительная политика и практика публичных слушаний в Российской Федерации // Вестник ЗабГУ. 2019. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gradostroitel'naya-politika-i-praktika-publichnyh-slushaniy-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 01.11.2022).

Вершинина И. А. Анри Лефевр: От «Права на город» к «урбанистической революции» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 2. С. 48–60.

References

Bernyukevich, T.V., Gacunaev, K.N., Krivyh, E.G., Mezencev, S.D., Molokova, T.A., Neganov, V.V., Posvyatenko Yu.V., Hasieva, M.A. (2021), *Philosophical and sociocultural problems of city development*, Izd-vo MISI-MGSU, Moscow, Russia.

Ikonnikov, A.V. (2006), *Space and form in architecture and urban planning Rossijskaya akademiya arhitektury i stroitel'nyh nauk, Nauchno-issledovatel'skij institut teorii arhitektury i gradostroitel'stva*, KomKniga, Moscow, Russia.

Smirnov, S.A. (2006), *Anthropology of the city, or on the fate of the philosophy of urbanism in Russia*, [Online], available at: <http://anthropology.ru/ru/text/smirnov-sa/antropologiya-goroda-ili-o-sudbah-filosofii-urbanizma-v-rossii#gorod-kak-literaturnyy-geroy> (Accessed 01 October 2020).

Glazychev, V.L. (2008), *Urbanistics*, Evropa, Moscow, Russia.

- Filippov, A. (2009), Applied sociology of space, *Sociologicheskoe Obozrenie*, vol. 8, no. 3, pp. 3–15.
- Stas', I. (2022), Urban History: between history and social sciences, *Sociologicheskoe Obozrenie*, vol. 21, no. 3, pp. 250–285.
- Lotman, Yu.M. (1984), Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda, *Uchenye Zapiski Tartuskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, vol. 664, pp. 30–45.
- Park, R. (2002), The symbolism of St. Petersburg and the problems of the semiotics of the city, *Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 2, no. 3, pp. 3–12.
- Bernyukevich, T.V. (2022), Modern urban practices: socio-political aspects, *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 28, no. 6, pp. 37–44, DOI: <http://doi.org/10.21209/2227-9245-2022-28-6-37-44>.
- Lebedev, P.S., Smirnov, I.P., Smirnova, A.A., Tkachenko, A.A. (2022), Socio-geographical space of small towns in the Tver region, *Vestnik Moskovskogo Universiteta*, Seriya 5, Geografiya, (2), pp. 86–100.
- Votinov, M.A. (2015), *Renovation and humanization of public spaces in the urban environment: monograph*, HNUGH im. A.N. Beketova, Har'kov, Ukraine.
- McGill, R. (2020), Urban resilience – An urban management perspective, *Journal of Urban Management*, vol. 9, is. 3, pp. 372–381.
- Shih-Kung, Lai (2020), Evidence of urban spatial self-organization, *Journal of Urban Management*, 24 November, DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jum.2020.11.002>, [Online], available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2226585620303241> (Accessed 01 November 2022).
- Bikbov, A. (2020), Moscow / Paris: spatial structures and body schemes, *Logos*, № 3–4, (34), pp. 145–168.
- Strel'nikova, A. (2012), *Sociology of the city: spatial practices and life trajectories*, Trovant, Moscow, Russia.
- Gurin, S.P. (2003), *The image of the city in culture: metaphysical and mystical aspects*, [Online], available at: http://www.comk.ru/HTML/gurin_doc.htm (Accessed 01 November 2022).
- Flyori, A. (2019), Street as a geographical feature, *Sociological Review*, vol. 8, no. 3, pp. 30–36.
- Harvi, D. (2019), *Pravo na gorod* [Right to the city], Ekaterinburg, Russia.
- Lefevr, A. (2015), *Production of space*, Strelka Press, Moscow, Russia.
- Ivanova, Z.I., Bernyukevich, T.V. (2019), Urban planning policy and practice of public hearings in the Russian Federation, *Vestnik ZabGU*, no. 9, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/gradostroitel'naya-politika-i-praktika-publichnyh-slushaniy-v-rossiyskoy-federatsii> (Accessed 01 November 2022).
- Vershinina, I.A. (2018), From the “Right to the City” to the “Urban Revolution”, *Vestn. Mosk. Un-ta*, Ser. 18, Sociologiya i politologiya, vol. 24, no. 2, pp. 48–60.

Submitted: 01.02.2023

Revised: 02.03.2023

Accepted: 25.03.2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82.09

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-1-32-40

Дата поступления: 11.01.2023
рецензирования: 24.02.2023
принятия: 27.03.2023

С.А. Голубков

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: golubkovsa@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3423-1520>

Провинциальный городок как пространственная модель в сатирико-юмористической литературе

Аннотация: в статье идет речь о художественных функциях локальных пространственных моделей в русской сатирико-юмористической прозе XX века. Дается представление о типологии объектов комической оценки (персонаж, ситуация, событие, пространство). Особое внимание уделяется городу как многомерному культурному тексту, как универсальной метафоре государственного мироустройства. Вскрывается противоречие между реальными масштабами уездного городка и смехотворно-грандиозными амбициями его обитателей. Говорится о семантике предметного мира провинции в сатирико-юмористической прозе, о смысловом наполнении границы между *своим* и *чужим*. Особую роль при этом играет выработка сатириками и юмористами специфической *техники смешного* (мотивы молвы, введение фигур мнимости, игра масштабами, элементы мистификации).

Ключевые слова: пространственная модель; городской текст; геопэтика; метагеография; бинарная оппозиция; необоснованные амбиции; техника смешного; мнимые величины; мистификация; игра масштабами.

Цитирование: Голубков С.А. Провинциальный городок как пространственная модель в сатирико-юмористической литературе // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 1. С. 32–40. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-32-40>.

Благодарности: автор статьи выражает признательность литературоведам Самарского университета – организаторам Всероссийской конференции с международным участием “Поэтика и метагеография”, посвященной его 75-летию, а также коллегам из отечественных и зарубежных университетов, принявшим участие в данном научном форуме, за создание атмосферы интересного творческого диалога, побуждающего к дальнейшим продуктивным размышлениям.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Голубков С.А., 2023 – доктор филологических наук, профессор, кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

S.A. Golubkov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: golubkovsa@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3423-1520>

Provincial town as a spatial model in the satirical and humorous literature

Abstract: the article deals with the artistic functions of local spatial models in the Russian satirical and humorous prose of the 20th century. It gives an idea of the typology of comic evaluation objects (character, situation, event, space). Particular attention is paid to the city as a multidimensional cultural text, as a universal metaphor for the state world order. The work reveals a contradiction between the real scale of the county town and the ridiculously grandiose ambitions of its inhabitants. The article discusses the semantics of the province objective world in the satirical and humorous prose, the semantic content of distinguishing between one's own and another's. In this respect, the satirists and comedians' development of the humorous specific technique is essential (the motives of rumor, the introduction of imaginary figures, playing with scales, elements of mystification).

Key words: spatial model; urban text; geopoetics; metageography; binary opposition; unreasonable ambitions; humorous technique; imaginary values; mystification; playing with scales.

Citation: Golubkov, S.A. (2023), Provincial town as a spatial model in the satirical and humorous literature, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 3, no. 1, pp. 32–40, <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-32-40>.

Acknowledgements: the author of the article expresses gratitude to the Samara University literary scholars – the organizers of the All-Russian Conference with international participation "Poetics and metageography", dedicated to its 75th anniversary, as well as colleagues from domestic and foreign universities who took part in this scientific forum, for creating an atmosphere of interesting creative dialogue that encourages to further productive reflections.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Golubkov S.A., 2023 – Dr. philol. habil., Professor, Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Так сложилось, что основной темой моих научных размышлений и разысканий стало изучение поэтики комического в прозе, исследование самой повествовательной техники смешного. Наверное, повлияли на формирование интереса к смеху, к способам его художественного воплощения годы «оттепели», на которые пришлось время моего окончания школы, начало студенческой жизни. Тогда в читательский обиход стали входить произведения сатириков и юмористов 1920-х годов. Правда, стали входить еще робко, с разными оговорками, но, тем не менее, какие-то шлюзы были открыты. В 1957 году был издан сборник избранных сочинений Исаака Бабеля с предисловием И. Эренбурга (Бабель 1957). В 1966 году в журнале «Москва» был опубликован роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» (Булгаков 1966). Появляются издания избранной прозы Андрея Платонова (Платонов 1958–1966). Стали изучать творчество поэтов-сатириков (первая книга Л.А.Спиридоновой-Евстигнеевой выйдет в 1968 году) (Спиридонова 1968). Конечно, это было только начало, пройдет еще несколько унылых десятилетий, и к читателю запоздало придут булгаковские повести «Собачье сердце», «Роковые яйца», «Дьяволиада», нравоописательная юмористика Пантелеймона Романова, иронико-парадоксальная проза Сигизмунда Кржижановского. В научном плане на формирование интереса к феномену смеха, несомненно, тогда влияли входившие «в моду» работы М.М. Бахтина, так же с немалыми трудами извлекавшиеся из забвения (Бахтин 1963, Бахтин 1965). Привлекательность смеха и для читателя, и для литературоведа проистекает, прежде всего, из его природы как беспредельно *свободной* эмоциональной оценки. Смех выступает выражением внутренней свободы личности. Этим-то он и опасен для тоталитарной государственной машины. Смех стихийен, непредсказуем. Нельзя «заставить смеяться» и «запретить смеяться», как отмечал эстетик Л.Столович (Столович 1999, с. 260).

Десакрализирующая, демифологизирующая «работа» смеха разрушает сферу избыточно серьезного. Даже наш император Петр Первый как-то интуитивно чувствовал это, когда устраивал свои «шутейные ассамблеи». Нельзя все время относиться к себе односторонне серьезно. Надо порой и посмотреть с усмешкой на себя со стороны. И в этом заключена врачующая функция смеха. Смех исцеляет нас от ненужного высокомерия, освобождает от тщеты необоснованных претензий. У смеха много ликов, много способов словесного воплощения, различных мелких приемов, совокупность которых можно назвать техникой смешного. Мне с этой точки зрения и была интересна проза А.Н. Толстого, Е. Замятина, А. Платонова, С. Зайицкого, С. Кржижановского. Этому посвящены мои книги (Голубков 1991–1921), многие десятки статей о творчестве А. Толстого, Е. Замятина, А. Платонова, А. Неверова, С. Зайицкого, Ю. Слезкина, С. Кржижановского, П. Романова, М. Булгакова, Вс. Иванова. Данной проблематике были соответственно посвящены и обе мои диссертации – кандидатская («Комическое в ранней прозе А.Н. Толстого», Москва, 1978) и докторская («Поэтика комического в русской прозе первой трети XX века», Воронеж, 1994). Наверное, это пристальное внимание к юмористической стороне жизни вело свое происхождение еще из давних детских лет, от моих домашних, от какой-то внутренней расположенности моего характера. В нашей семье нередко шутили и смеялись. А потом повлияло общение с друзьями, а еще, конечно, с самарскими коллегами – Л.А. Соловьевой, С.З. Агранович, А.Л. Киселевым, В.Е. Сапожниковым, В.П. Скобелевым.

Но был и еще один опыт, мимо которого я не мог пройти. Окидывая взором своих разнопоколенных предков и осмысляя их судьбы, я подумал, что являюсь горожанином в пятом поколении (если, скажем, учесть опыт самарской жизни и укорененности еще с XIX века в Самаре прапрадеда Степана Осиповича Барсукова и опыт симбирской жизни

другого прапрадеда Никиты Никитича Голубкова и его близких). Потому меня и потянуло в 2010 е годы читать ставший многолетним лекционный курс «Литературная метагеография», написать в 2010 году книжку «Семантика и метафизика города: «городской текст» в русской литературе XX века» (Голубков 2010), опубликовать много статей на эту тему. Потому так естественно и комфортно ощущалось мне в самых разных городах: Москве и Ульяновске, Петербурге и Риге, Казани и Тбилиси, Вюрцбурге и Праге, Лос-Анджелесе и Пловдиве, Сан-Франциско и Сан-Диего, Друскининкае и Кисловодске. Я читал эти разноликие города, как занимательные книги с многомерными этажами разных смыслов.

А незаметно эти два исследовательских интереса в моем сознании переплелись, поскольку сатирики и юмористы очень часто используют модель города (особенно небольшого городка) как весьма специфичного пространственно-временного континуума. И это понятно: город как культурный текст, помимо многих своих других смыслов, обладает и комическим потенциалом, становясь выразительным зеркалом человеческой «ярмарки тщеславия».

Ход исследования

Писатель сатирико-юмористического склада творческой личности имеет дело с различными объектами комической оценки. Во-первых, это персонаж, человек с его неоправданными притязаниями быть кем-то большим, чем он есть на самом деле. Во-вторых, это элементы сюжетно-фабульной системы – ситуации и события, способ их развертывания и подачи в повествовании. Таковы анекдотические ситуации, обрастающие при развертывании выразительными деталями и подробностями. Таковы события авантюрного плана, события-приключения. В формировании обостренного интереса многих писателей именно к этому варианту велика роль исторического времени. Эпоха революционных потрясений в XX веке предлагала человеку самые неожиданные формы самореализации, небывалые дороги и тропки. Одним из таких путей было погружение в рискованные авантюры. Авантюра – это ряд событий-приключений с неизвестным и непредсказуемым финалом. Авантюрная фабула включает в свой состав внезапные переходы, ситуации испытания. Такие ситуации чреватые и выплесками комизма. Еще в самом начале двадцатого века, в 1900-1910-е годы, на российские книжные прилавки хлынула потоком приключенческая литература. Об этом писал в статье 1908 года «Нат Пинкертон и современная литература» К. Чуковский, говоря о настоящем засилье «сыщицких» произведений: «Да, у этой сыщицкой литературы, какова бы она ни была, есть одно великое свойство: она существует.

И кто знает: может быть, сейчас она – единственная реальность в духовном обиходе человечества. Может быть, нам только мерещится, что есть книги Суинберна, Метерлинка, Брюсова, Мережковского, Гамсуна. Может быть, эти книги – призрак, мираж, дунут на них, и их нет, но несомненны в своем бытии, но необходимы, но неизбежны для современного человечества эти книги о подвигах Пинкертона. И порою мной овладевает мистическое чувство: мне кажется, что в мире нет ничего, а один только Нат Пинкертон, что весь мир – это Нат Пинкертон, раздробленный на мельчайшие части, что вы, я и все люди, и все вещи, и все дела суть некая эманация единого и всемогущего божества – сыщика Ната Пинкертона» (Чуковский 2012, с. 39). И в 1920-е годы у писателей сохранялся интерес к острофабульной литературе. Так, написанная в 1924 году повесть Всеволода Иванова «Чудесные похождения портного Фокина» (Иванов 1991) имеет именно такое построение. Слово «похождения», вынесенное в заглавие, имеет характер жанрового определения и отсылает нас к многочисленным «похождениям» как специфическому жанровому варианту приключенческого произведения в литературе прошлого. А слово «чудесные» заставляет вспомнить фольклорную сказочную прозу. Герой иронически-гротесковой повести портной Иван Петрович Фокин, устав от однообразных заказов, вдруг заявляет, что ему надоело шить одни военные френчи («не хочу я воевать больше»), что он соскучился по гражданским фасонам («Я портной статский и жду от вас статских заказов») и что пора стране переходить к мирной жизни. Он бросает свое прибыльное портняжное дело в Павлодаре и отправляется странствовать («Я уезжаю за границу, в неизвестные дебри»). Судьба и логика авантюрной фабулы забрасывают его на Украину, в Польшу, Германию. Он скитается по послевоенной разоренной Европе, где разъехались имперские границы и образовались новые еще неустойчивые государства, где рухнула прежняя система ценностей, где все зыбко и ненадежно. Такой движущийся, как перекасти-поле, персонаж удобен писателю. Он выступает в роли своеобразной призмы, позволяющей создать парадоксальный образ переломного исторического времени.

Кроме того, уже в-третьих, к числу объектов сатирико-юмористической оценки можно отнести пространство бытия отображаемых героев. Это вполне понятно, ведь дом, город, мир – базовые пространственные структуры. Они онтологичны, связаны с главными законами бытия. У каждой из этих ментальных структур – целый веер значений. Дом означает и материальный объект (строение), и место долговременного проживания семьи (особняк, замок, квартира, каморка), и нравственно-психологический уклад, особенности бытового устройства. Город – географический пункт,

поселение, проект, миф, идеологема, мифологема, цель, утраченный рай. Дом и город – варианты рукотворного Космоса, побеждающего Хаос. И дому, и миру (природе) оказывается враждебен город.

Город тоже воспринимается иерархически сложным культурным *текстом*. Этот многомерный текст укоренен в сознании обитателей города и приезжих, он многократно отражен в произведениях разных видов искусства, он имеет свою типологию, свои значимые доминанты. Так пространства из обычной географии превращаются в *метагеографию* (по выражению исследователя Д.Н.Замятина (Замятин 2004)) – в многомерную совокупность субъективных образов мира. По одной и той же улице человек может ходить и десятилетним мальчуганом, и мечтательным юношей, и зрелым мужчиной, и преклонным старцем. И это будет не одна и та же улица, а разные улицы в его сознании, потому что виртуальные файлы памяти накрепко соединили привычный уличный пейзаж с разными конкретными событиями персональной биографии человека, с его острыми переживаниями, радостными обретениями и невосполнимыми утратами.

В русской литературе сложились такие варианты семиотического комплекса «город», как город *столичный* (мы говорим о «петербургском» и «московском» текстах русской культуры), *уездный* (губернскому городу тут «повезло» меньше), *фантастический*, *утопический* (его обычно вычлениают из череды фантастических городов в силу особой целевой установки на моделирование идеального), *антиутопический* (зеркальное отражение утопического со сменой ценностных знаков), *зарубежный* (обычно существует в некоем неявном соотношении с городом отечественным), *Рим* (как некая вечная модель великого города).

Город всегда рассматривался как универсальная метафора общественного и государственного мироустройства (Трубина 2010). Город сравнивали с *джунглями*, живым *организмом*, целесообразно функционирующей машиной, шумным многоликим и многоголосым *базаром*, бесконечным *театром*, раздающим своим обитателям маски и роли... Литературные образы города функционально значимы в аспекте *геопоэтики*. Нередко именно эти образы оказываются основными несущими конструкциями в концептуальном построении произведения.

Мы живем на парадоксальном совмещении больших и малых миров. С одной стороны, нас окружает огромное: континенты, страны, горные системы, великие реки, безмерные акватории океанов, мегаполисы и агломерации. Но где-то рядом притаились и скромно пребывают в тени великанов неброские, скромные, но такие родные малые топосы – *небольшие речушки, городки и поселе-*

ния, городские дворики, дачные домики, садовые беседки, сельские околицы. Мы многие десятилетия увлекались гигантскими масштабами, были в плену заманчивой мегаломании, привычно и лихо оперируя большими величинами. Со школьных лет запомнились строки В.Маяковского: «*Я планов наших люблю громадьё // Размаха шаги саженьи*».

Тут налицо была извечная бинарная оппозиция: *имперское, огромное // малое, локальное*. Большое подавляло и господствовало. Живя в огромной стране, мы не замечали ценности малого, не брали в расчет, что в сознании человека малое тоже немаловажно, оно предстает как *обжитое, душевно освоенное, эмоционально согретое, уютное*, в какой-то степени *домашнее*. Такое малое – миниатюрная модель бытия, конечно, и самодостаточная, и в то же время предполагающая нерасторжимую связь со всем остальным миром.

Провинциальное (а конкретнее – *уездное!*) измерение жизни – знаковая величина для русского менталитета. Не случайно в начале XX века появляется целый весьма представительный ряд таких произведений, как «Городок Окуров» М. Горького, «Уездное», «Алатырь» Е. Замятина, рассказы и повести «заволжского» цикла А.Н.Толстого, «Деревня», «Суходол» И. Бунина, «Пески», «Город в степи» А. Серафимовича, «Козел в огороде» Ю.Слезкина, «Крокодил» М. Козырева, «Город Градов» А. Платонова и др.

Провинция «очерчена» видимыми и невидимыми *границами*. Человек, пересекающий эти границы, неизбежно идентифицируется по принципу «*свой – чужой*». Индикаторами, позволяющими осуществить подобную идентификацию, могут быть узнаваемые словечки, характерные для данной провинциальной среды, общие легенды, былички, исторические анекдоты.

Провинция, погруженная в вязкую бытовую повседневность, способна (по принципу контраста) развивать в человеке мечтательность. Может быть, без этой мечтательности и не был бы возможен в Калуге Циолковский. Очень часто провинция становится тем *берегом*, от которого отталкиваются, чтобы уплыть, убежать в большой мир, в пространство настоящей жизни. Показательна в этом отношении судьба Александра Грина. К. Паустовский писал: «Русская жизнь была ограничена для него обывательской Вяткой, грязной ремесленной школой, ночлежными домами, непосильным трудом, тюрьмой и хроническим голодом. Но где-то за чертой серого горизонта сверкали страны, созданные из света, морских ветров и цветущих трав. Там жили люди, коричневые от солнца, – золотоискатели, охотники, художники, неунывающие бродяги, самоотверженные женщины, веселые и нежные, как дети, но прежде всего – моряки» (Русские изгнанники и отверженные 2004, с. 281).

«Уныло и однообразно тянулась вятская жизнь, пока весной 1895 года Грин не увидел на пристани извозчика и на нем двух штурманских учеников в белой матросской форме» (Русские изгнанники и отверженные 2004, с. 283).

Но мечтательность могла быть и пустой! Масштабная претензия грела душу, рождала радужные картины будущего. Совсем такие же, как достопамятные мечты гоголевского городничего о жизни в Петербурге и возможном генеральстве: «А, чорт возьми, славно быть генералом! Кавалерию повесят тебе через плечо. А какую кавалерию лучше, Анна Андреевна: красную или голубую?» (Гоголь 1952, с. 83).

Отнюдь не все в уездной жизни способно было породить восторженные эмоции. Можно говорить о весьма элементарной анатомии и физиологии уездного города, обрисованной, скажем, мемуаристом Дон-Аминадо. «Держался город на трех китах: Вокзал. Тюрьма. Женская гимназия. Шестое чувство, которым обладал только уезд, было чувство железной дороги» (Дон-Аминадо 1994, с. 489). Уездный город давит своей убогой теснотой и безнадежностью повторяемости судеб жителей: «Торопиться некуда было, все под боком, из одного конца в другой рукой подать, и весь от Бога положенный путь, от рождения и до смерти, проделать не спеша, вразвалку, по образу пешего хождения» (Дон-Аминадо 1994, с. 493). А в описанных Чеховым губернских и уездных городах России люди бездумно растрачивают себя, погружаются в засасывающую трясины быта, подчиняются действию нелепого случая, абсурдного стечения обстоятельств. Таков художник Егор Саввич (рассказ «Талант»), таковы его товарищи Уклейкин и Костылев. Много намерений, завышенная самооценка. Комментируя их сбивчивый и эмоциональный диалог, повествователь напрямую обращается к читателю с итоговыми словами: «Они без умолку говорят, говорят искренно, горячо; все трое возбуждены, вдохновлены. Если послушать их, то в их руках будущее, известность, деньги. И ни одному из них не приходит в голову, что время идет, жизнь со дня на день близится к закату, хлеба чужого съедено много, а еще ничего не сделано; что они все трое – жертва того неумолимого закона, по которому из сотни начинающих и подающих надежды только двое, трое выскакивают в люди, все же остальные попадают в тираж, погибают, сыграв роль мяса для пушек... Они веселы, счастливы и смело глядят в глаза будущему!» (Чехов 1961, с. 312–313). Впрочем, виновата ли в этом только провинция? Или «неумолимый закон», о котором рассуждает чеховский повествователь, скорее имеет всеобщий характер, и прикрепленность к тому или иному пространству тут уж не так существенна?

Русская литература, в том числе сатирико-юмористическая, изобилует описаниями провин-

циальных городов и городков. Откроем рассказ С.Кржижановского «Квадрат Пегаса»: «Городок Здесевск, как и все провинциальные городки, представлял собой моток спутанных улиц, протернутых то там, то тут, как нитки в иглы, то в каланчу, то в колокольню; две-три тысячи обведенных белеными стенами, прикрытых сверху красной и зеленой жестью счастливых, каждое величиною в три-четыре комнаты. Счастья перенумерованы, так что жителям Здесевска никак и никуда не уйти от своих счастливых, не перепутать их, не залезть не в свое счастье» (Кржижановский 2001, с. 94). А вот начало повести А. Платонова «Город Градов»: «Градов от Москвы лежит в пятистах верстах, но революция шла сюда пешим шагом. Древлеводчинная Градовская губерния долго не сдавалась ей: лишь в марте 1918 года установилась Советская власть в губгороде, а в уездах – к концу осени. Оно и понятно: в редких пунктах Российской империи было столько черносотенцев, как в Градове. Одних мошей Градов имел трое: Евфимий ветхопещерник, Петр – женоненавистник и Прохор – византиец; кроме того, здесь находились четыре целебных колодца с соленой водой и две лежащих старушки-прорицательницы, живьем легшие в удобные гробы и кормившиеся там одной сметаной. В голодные годы эти старушки вылезли из гробов и стали мешочницами, а что они святые – все позабыли, до того суетливо жилось тогда. Проезжий ученый говорил властям, что Градов лежит на приречной террасе, о чем и был издан циркуляр для сведения. Город орошала речка Жмаевка – так учили детей в школе первой ступени. Но летом на улицах было сухо, и дети не видели, что Жмаевка орошает Градов, и не понимали урока» (Платонов 1990, с. 324–325).

В сатирико-юмористических повествованиях чрезвычайно значимо соотношение *вещного* мира провинции с психологией ее обитателей. Гастон Башляр писал в монографии «Поэтика пространства»: «После этих двух глав о доме для людей мы изучили ряд образов, которые можем рассматривать как *дом для вещей*: это ящики, сундуки и шкафы. Какие сокровища психологии хранятся в них под замком! Они несут в себе своеобразную эстетику, эстетику спрятанного. Чтобы прямо сейчас начать разговор о феноменологии спрятанного, достаточно будет одного предварительного замечания: пустой ящик нельзя вообразить. О нем можно только подумать. И для нас, поскольку в нашей книге воображаемое важнее узнанного, а то, что о нем мечтается, важнее проверенного на опыте, – для нас все шкафы полны» (Башляр 2004, с. 22).

Предметный мир провинции порой играл и роль *оберега*. Вещи были *знаками «своего»* пространства. Провинциал ограждал такими вещами свой мир, оберегая его от проникновения чужого

и враждебного пространства. Далекая столица воспринималась как место гибельного искуса, рокового соблазна. Вспомним, как тетушка Анна Михайловна, героиня рассказа А.Н.Толстого «Петушок», предлагает своему племяннику Ни-колушке пожечь вещи, пошитые в Москве. Они, эти вещи, по ее ощущению, несут на себе следы порока, беспутной жизни. Пожечь их – значит, совершить некий обряд очищения, освободиться от «морока» жизни большого города.

Заметим, что в человеке на протяжении всей жизни сохраняется первоначальный *детский опыт* освоения малого пространства. Это опыт восприятия постигаемого пространства как некоего самодостаточного мира. При этом элементы детского восприятия мира порой живут в нас до самых седых волос на подсознательном уровне: способность придавать особую значимость предельно малому, способность простодушно удивляться, задавать обескураживающе наивные вопросы. Такова природа детского сознания – *мыслить малыми моделями* большого мира. Не случайно в современных магазинах детских товаров продают довольно большие разборные домики, в которые ребенок может забраться и обжиться в них как в персональном приватном пространстве. Это его заповедный *уголок*, его *мирок*. Да и настольные игры у детей часто – это тоже уменьшенная копия большого мира. Возьмем действующие игрушечные модели железной дороги с вокзалами, мостами, развилками, светофорами. Кстати, нередко и взрослые любят возиться с такими моделями. Что это? Неосознанная потребность *владычествовать* хотя бы над какой-то частью реального мира, смотреть на него с верхней точки зрения? Да, начинается все с непринужденной детской *игры* («в паровозики»), потом переходит уже в нешуточное *увлечение*, а в отдельных случаях переходит и в весьма затратное *коллекционирование*. Я вспоминаю посещение Музея немецких железных дорог в Нюрнберге, в котором, наряду с полномасштабными экспонатами, были представлены миниатюрные действующие модели самых разных видов, дававшие полное представление о разнообразии типов и марок курсировавшего по немецким дорогам в XX веке подвижного состава. Посетители всех возрастов зачарованно смотрели на это малое рукотворное чудо. Сегодня в мире существуют различные виды такого железнодорожного моделизма – от миниатюрных настольных моделей, выполненных, скажем, в масштабе 1:80, и до крупных садовых и парковых моделей, на которых для развлечения можно и самому прокатиться.

Человек ценит то малое, из чего состоит опыт его повседневной жизни, ведь за этим опытом стояло и стоит порой неприметное взросление его личности, усложнение душевного и духовного мира. Подтверждение этому мы находим в авто-

биографической и мемуарной литературе. Так, в многочисленных воспоминаниях о России, запечатленных в поэзии и прозе эмигрантов первой волны, живут отнюдь не отвлеченности, не какие-то абстрактные построения, а живые, предметно осязаемые картины малых пространств – *скамейка в парке, дачная терраса, пригородная станция, городской дворик, лесная лужайка, береговая тропинка у реки*.

Сатирик по принципу смыслоемкого контраста сталкивает физически *ущербное* и ограниченное пространство, с одной стороны, и *масштабность* непомерных амбиций и наполеоновских планов, с другой. Это главный парадокс малого топоса: маленький городок и его необоснованная претензия быть центром Вселенной. В необоснованной претензии, как известно, суть комического. Провинциальный городок оказывается в противостоянии внешнему миру. Отсюда герметизм сознания, язык бинарных оппозиций (*мы/они, городок/страна, городок/мир, свое/чужое...*).

Писатели сатирико-юмористического склада отображали город как пространство *коммуникации*, как пространство речевого обихода. Писатель оказывается сродни увлеченному ботанику, терпеливо выращивающему редкое растение, собирающему семена, производящему необходимую селекцию. Эти растения – услышанные *колоритные фразы*, которые могут быть пересажены в благодатную почву литературного произведения. Их, эти фразы, надо услышать в шумной толпе, на базарной площади, в переполненном трамвае, в казенном учреждении. Услышать, немного «отредактировать», а затем пустить в новую, уже литературную жизнь. Как отметил в записных книжках И. Ильф, «смешную фразу надо лелеять, холить, ласково поглаживая по подлежащему». Придя из жизни, слово, обрастая новыми смысловыми нюансами и став фактом литературы, снова возвращается в кипенье повседневной жизни. Но возвращается уже строчкой из знаменитого юмористического романа, словом из фельетона.

Сатирики и юмористы не только подвергали осмеянию тех или иных персонажей, но также охотно пользовались инструментом *литературной мистификации*, вводя персону мистифицируемого автора. Порой такая насмешка приобретала универсально-обобщающий характер, как это было в случае придуманного авторами шестнадцатой полосы «Литературной газеты» в 1960–70-е годы «душелюба и людоведа» Евгения Сазонова. Из номера в номер редакция сообщала о деяниях «знаменитого» писателя – о написании очередных глав эпохального «романа века» «Бурный поток», об изданиях и переизданиях его сочинений, перемещениях по стране, встречах с читателями. Объектом едкого сатирического смеха был среднестатистический литератор-графоман, тяготею-

ший к ложнопавосной литературе, непременно «эпопейной» монументальности, душаций своего читателя безмерным количеством страниц и обладающий неумемной энергией по части самопиара. Евгений Сазонов воспринимался читателями «Литературки» как прямой потомок достопамятного Козьмы Пруткова.

Сатирики XX столетия обращались и к комическому арсеналу литературы прошлого. Художественные традиции обладают немалым потенциалом скрытой актуальности, они живучи и востребованы. Так, о значимости текста повести М. Салтыкова-Щедрина «История одного города» свидетельствует не только то, как это произведение отразилось в зеркале литературной критики, но и то, какие заметные отголоски (интертекстуальные отсылки) получило оно в последующей художественной литературе. Следы влияния повести обнаруживаются в фельетоне А. Амфитеатрова «Господа Обмановы» (1902), за который автор поплатился ссылкой в Минусинск. В 1925 году Андрей Платонов пишет сатирическую повесть «Город Градов», повествовательный строй которой выдержан в соответствии со стилистикой повести М. Салтыкова-Щедрина. Да, на дворе уже стоит совсем другое время, кардинально поменялось социально-экономическое и политическое устройство страны, человека окружают другие повседневные реалии (стали иными названия учреждений, должностей, казенных бумаг). Однако психология высокомерного и своевольно-го чиновника остается неизменной.

Выводы

Подводя итог сказанному выше, заметим, что изучение поэтики отображения малого города в сатирико-юмористической литературе подводит нас вплотную к широкой проблеме *техники смешного*. Техника в данном случае – это совокупность всех продуктивных повествовательных приемов (порой самых мелких!), способных создать смеховой эффект. Использование *сновидческой образности (онойросферы)*, включение *мотивов молвы, разнообразных фигур мнимости, изображение ситуации скандала, выделение повторов, пауз, случаев алогизма, игра масштабами – от сверхмалой литоты до грандиозной гиперболы, оговорки, ослышки, плеоназмы, фиксация внимания читателя на детали, использование говорящих фамилий, элементы мистификации и других видов игры с читателями...* Этот ряд приемов, имеющих в арсенале сатирика и юмориста можно продолжать и дальше. Особую значимость приобретает пауза в комическом тексте. Комический текст *дискретен*, он пересыпан паузами. Причем эти паузы, рассчитанные на достижение читательской смеховой реакции, так сказать, «запрограммированы» юмористом. И это понятно, ведь смех

есть не что иное, как *сигнал* внезапного обнаружения смыслового слома, неожиданного семантического обесценивания, превращения в «ничто». Введение паузы в текст как раз и подготавливает такой неожиданный смысловой обрыв. Поэтому можно с уверенностью сказать, что пауза выступает немаловажным средством создания комического эффекта. Паузы имеют жестовую природу, они, как и указующий перст, обусловлены самой природой живого смыслоемкого диалога писателя с читателем. Пауза помогает вскрыть пласты *неоднозначности*, ведет к осознанию глубинной полисемичности, присущей любой картине мира. А комическое как раз и реализуется именно в этом поле неоднозначности.

Расстановка пауз участвует в создании *ритмического рисунка* юмористического произведения. Через «дырочки» пауз проглядывает второй смысл (второй план) такого текста. Особо эффектна пауза перед предложением, состоящим из одного слова. Пауза *перед* этим словом дает возможность подготовиться, а *после* этого слова осмыслить его и отсмеяться. Слово как бы отдельно продемонстрировано, так сказать, взвешено на ладони повествователя. Чтецы юморесок, как мы знаем, свято это правило соблюдают.

К технике смешного относится уместное и художественно оправданное введение *мнимых величин* (мнимый герой, мнимое событие, мнимое пространство). Это часто можно встретить в тех литературных произведениях, в которых используются с разными художественными целями образы *онойросферы*, отражающей измененные состояния человеческой психики. Подобную художественную тактику находим, скажем, в прозе С.С.Заяицкого. Сновидческая призрачность окружающего мира, его очевидная мнимость близки условности театральные декораций, лишь намекающих на контуры некоего воспроизводимого пространства. «Комната, как сказано было в одной грамоте “населенная” гражданином Артемовым, напоминала кулису или бутафорскую маленького провинциального театра. Рядом с великолепным, верно помнившим светлейшего Кутузова креслом, – дырявые валенки, на столе красного дерева хрустальный кубок с золотым “Е”, и на том же столе пшеном наполненная кастрюля. Неудивительно было бы здесь, как и в бутафорской, встретить короля рядом с чертом или бродягой» («Судьбе загадка») (Заяицкий 1991, с. 296–297). Предметные контрасты лишь усиливают впечатление театральной «*невзаправдашности*» происходящего.

Чертами *мнимой солидарности*, взаимного участия наделяются такие разновидности городского бытового пространства в сатирико-юмористической прозе 1920-х годов, как *коммунальная квартира, трамвай, очередь*. Вынужденная повторяемость каждодневных социальных контактов не

способна застраховать человека от тотального одиночества и драмы оставленности. Слиянность и фамильярность толпы не оборачивается теплом семейного участия и душевным сплочением. Это пространство мнимого и случайного единения.

Под пером талантливых мастеров комического письма маленький городок становился многомерным художественным миром, пространством осмысления человеческого бытия, имеющего координаты как локальной приватной жизни, так и большой исторической эпохи.

Источники фактического материала

Булгаков М. Мастер и Маргарита: роман // Москва. 1966. № 11; 1967. № 1 / предисл. К.Симонова, послесловие А. Вулиса.

Гоголь Н.В. Собрание сочинений в шести томах. Т.4. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1952. 564 с.

Платонов А. «Город Градов» // Юмор серьезных писателей / вступ. статья и сост. Ф. Кривина. Москва: Худож лит., 1990.

Платонов А.П. В прекрасном и яростном мире: Повести и рассказы / вступ. ст. В. Дорофеева. Москва: Художественная литература, 1965. 630 с.

Платонов А.П. Избранное: Повести, рассказы. / вступ. Федот Сучков. Москва: Московский рабочий, 1966. 541 с.

Платонов А.П. Избранные рассказы / вступ.ст. Федор Левин. Москва: Советский писатель, 1958. 288 с.

Платонов А.П. Одухотворенные люди: Военные рассказы. Москва: Воениздат, 1963. 238 с.

Платонов А.П. Рассказы / Вступ. статья В.П. Дорофеева. Москва: Гослитиздат, 1962. 255 с.

Чехов А.П. Собрание сочинений: в 12 томах. Т.4. Рассказы 1886. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1961. 575 с.

Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 7: Литературная критика. 1908–1915 / предисл. и коммент. Е. Ивановой. 2-е изд., электронное, испр. Москва: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. 736 с.

Библиографический список

Бабель И. Избранное / предисл. И. Эренбурга. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1957. 376 с.

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва: Советский писатель, 1963. 363 с.

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва: Художественная литература, 1965. 527 с.

Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства / пер. с франц. Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 376 с. (Серия «Книга света»).

Голубков С.А. Мир сатирического произведения: учеб. пособие по спецкурсу. Самара: СГПИ, 1991. 108 с.

Голубков С.А. Русская сатирическая проза: Учебная книга студента-филолога и учителя-словесника. Самара: Издательство СамГПИ, 1992. 50 с.

Голубков С.А. Гармония смеха: Комическое в прозе А.Н.Толстого: Очерки. Самара: Книжное издательство, 1993. 184 с.

Голубков С.А. Комическое в романе Е.Замятина «Мь»: монография. Самара: Издательство СамГПИ, 1993. 124 с.

Голубков С.А. Мозаика смеха: поэтика комического в русской прозе первой трети XX века: учеб. пособие к спецкурсу. Самара: Издательство «Самарский университет», 2004. 132 с.

Голубков С.А. Техника смешного в литературном произведении: учеб. пособие / отв. ред. М.А. Перепелкин. Самара: Издательство «Самарский университет», 2014. 188 с.

Голубков С.А. Смысловые горизонты литературного текста: очерки. Самара: Издательство «Самарский университет», 2015. 232 с.

Голубков С.А. Скрытые языки русской сатиры и юмористики: монография. Текстовое электронное издание. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2021. 225 с.

Голубков С.А. Семантика и метафизика города: «городской текст» в русской литературе XX века: учеб. пособие. Самара: Издательство «Самарский университет», 2010. 167 с.

Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Полит. памфлет. Проза. Воспоминания / Вступ. ст., с. 3–38, и коммент. В.И. Коровин. Москва: Изд. центр «Терра», 1994. 766 с.

Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. Москва: Аграф, 2004. 512 с. (Серия «Кабинет визуальной антропологии»).

Заяцкий С. Судьбе загадка: Повести и рассказы. Москва: Московский рабочий, 1991. 383 с.

Иванов В.В. Возвращение Будды. Чудесные похождения портного Фокина. У. / сост. и вступ. ст. Т.В. Ивановой. Москва: Правда, 1991. 480 с.

Кржижановский С. «Квадрат Пегаса» // Кржижановский, Сигизмунд. Чужая тема. Собрание сочинений. Т.1 / сост., предисл. и комм. В. Перельмутера. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2001. 687 с.

Русские изгнанники и отверженные / сост. Андрей Северский. Челябинск: Аркаим, 2004. 368 с.

Спиридонова (Евстигнеева). Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы. Москва: Наука, 1968. 454 с.

Столвич Л. Философия. Эстетика. Смех. Санкт-Петербург – Тарту, 1999. 384 с.

Трубина Е.Г. Джунгли, базар, организм и машина: классические метафоры города и российская современность Журнальный клуб Интелрос // Неприкосновенный запас. 2010. № 2.

References

- Babel', I. (1957), *Selected*, Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, Moscow, Russia.
- Bahtin, M.M. (1963), *Problems of Dostoevsky's Poetics*, Sovetskij pisatel', Moscow, Russia.
- Bahtin, M.M. (1965), *Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance*, Hudozhestvennaja literatura, Moscow, Russia.
- Bachelard, G. (2004), *Selected: Poetics of space*, Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, Moscow, Russia.
- Golubkov, S.A. (1991), *The World of Satirical Work*, Textbook for a special course, SGPI, Samara, Russia.
- Golubkov, S.A. (1992), *Russian satirical prose: Educational book for a student-philologist and teacher-philologist*, Izdatel'stvo SamGPI, Samara, Russia.
- Golubkov, S.A. (1993), *Harmony of laughter: Comic in the prose of A.N. Tolstoy: Essays*, Knizhnoe izdatel'stvo, Samara, Russia.
- Golubkov, S.A. (1993), *Comic in E. Zamyatin's novel "We"*, Monograph, Izdatel'stvo SamGPI, Samara, Russia.
- Golubkov, S.A. (2004), *Mosaic of Laughter: Poetics of the Comic in Russian Prose of the First Third of the 20th Century*, Textbook for a Special Course, Izdatel'stvo «Samarskij universitet», Samara, Russia.
- Golubkov, S.A. (2014), *Technique of the funny in a literary work*, Textbook, Izdatel'stvo «Samarskij universitet», Samara, Russia.
- Golubkov, S.A. (2015), *Semantic Horizons of the Literary Text*, Essays, Izdatel'stvo «Samarskij universitet», Samara, Russia.
- Golubkov, S.A. (2021), *Hidden languages of Russian satire and humor*, Monograph, OOO «Nauchno-tehnicheskij centr», Samara, Russia.
- Golubkov, S.A. (2010), *Semantics and metaphysics of the city: "urban text" in Russian literature of the twentieth century*, Textbook, Izdatel'stvo «Samarskij universitet», Samara, Russia.
- Don Aminado (1994), *Our little life: Poems. Polit. pamphlet. Prose. Memories*, Terra, Moscow, Russia.
- Zamjatin, D.N. (2004), *Metageography: Space of images and images of space*, Agraf, Moscow, Russia.
- Ivanov, V.V. (1991), *Return of the Buddha. The wonderful adventures of the tailor Fokin*, Pravda, Moscow, Russia.
- Krzhizhanovskij, S. (2001), *Pegasus Square*, Collected works, vol. 1, Simpozium, Saint-Petersburg, Russia.
- Russian exiles and outcasts* (2004), Arkaim, Chelyabinsk, Russia.
- Spiridonova, (Evstigneeva) L.A. (1968), *Journal "Satyricon" and satyricon poets*, Nauka, Moscow, Russia.
- Stolovich, L. (1999), *Philosophy. Aesthetics. Laughter*, Tartu, Saint-Petersburg, Russia.
- Trubina, E.G. (2010), *Jungle, bazaar, organism and machine: classical metaphors of the city and Russian modernity*. Intelros Journal Club, *Neprikosnovennyj zapas*, no. 2.

Submitted: 11.01.2023

Revised: 24.02.2023

Accepted: 27.03.2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82.2

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-1-41-47

Дата поступления: 10.01.2023
рецензирования: 03.02.2023
принятия: 02.03.2023

Е.С. Кабилова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: ekabilova@list.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0315-3048>

Интернет-пространство в современной драматургии о подростках

Аннотация: в статье рассматриваются современные пьесы, показывающие особенности общения подростков в интернете. Цель исследования – определить влияние, которое, по мнению драматургов, коммуникация в интернет-пространстве оказывает на судьбу подростков. Эмпирический материал для исследования составили пьесы 2013–2020 годов, отмеченные на конкурсах современной драматургии и вошедшие в сборники подростковых пьес: «Фото топлес» Н. Блок, «Это всё она» А. Иванова, «Март и Слива» Е. Бизяевой, «Ганди молчал по субботам» А. Букреевой. Теоретико-методологическая база исследования основана на сочетании междисциплинарного подхода с анализом работ по литературоведению, театроведению и психологии. В результате проведённого исследования установлено, что драматурги реконструируют ситуацию пребывания героев в интернете и отражают общение подростков со своими ровесниками, взрослыми и анонимными пользователями, у которых невозможно определить ни возраст, ни гендерную принадлежность. Возникающие конфликтные ситуации связаны с нарушением личных границ (вынесением конфликта в публичное пространство интернет), подменой живого общения виртуальным, манипуляцией взрослыми неокрепшим сознанием детей. В одних случаях интернет-пространство изображается как цифровая копия реальной жизни подростков, при этом интернет становится площадкой, на которую переносятся традиционные подростковые конфликты. В других случаях интернет становится местом, куда подросток уходит, находясь в конфликте с настоящим.

Ключевые слова: интернет в драматургии о подростках; интернет-технологии; виртуальная реальность; интернет-пространство; современная драматургия о подростках; драматический герой; конфликт.

Цитирование: Кабилова Е.С. Интернет-пространство в современной драматургии о подростках // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 1. С. 41–47. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-41-47>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Кабилова Е.С., 2023 – аспирант, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

E.S. Kabilova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: ekabilova@list.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0315-3048>

Internet space in the contemporary drama about teenagers

Abstract: the article considers modern plays that show the peculiarities of the teenagers' communication in the Internet. The aim of the study is to determine the impact that, according to playwrights, in the Internet communication has on the fate of adolescents. The empirical material for the study was the plays of 2013-2020, noted at the competitions of the contemporary dramaturgy and included in the collections of teenage plays: "Photo topless" by N. Blok, "That's all she" by A. Ivanov, "Mart and Sliva" by E. Bizyaeva, "Gandhi was silent on Saturdays" by A. Bukreeva. The theoretical and methodological basis of the study is based on a combination of an interdisciplinary approach with an analysis of works on literary criticism, theater studies and psychology. As a result of the investigation, it was found that playwrights reconstruct the situation of characters' being in the Internet and reflect the communication of teenagers with their peers, adults and

anonymous users, whose age or gender cannot be determined. The emerging conflict situations are associated with the violation of personal boundaries (bringing the conflict into the public space of the Internet), the substitution of live communication with virtual one, the manipulation by adults of the fragile consciousness of children. In some cases, the Internet space is portrayed as a digital copy of the real life of adolescents, while the Internet becomes a platform to which traditional adolescent conflicts are transferred. In other cases, the Internet becomes a place where a teenager goes to, being in conflict with the present.

Key words: Internet in drama about teenagers; Internet technologies; virtual reality; Internet space; modern drama about teenagers; dramatic hero; conflict.

Citation: Kabilova, E.S. (2023), Internet space in the contemporary drama about teenagers, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 3, no.1, pp. 41–47, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-41-47>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Kabilova E.S., 2023** – graduate student, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Интернет стал неотъемлемой частью жизни подростков XXI века. Знакомство с компьютером и различными гаджетами происходит у современных детей с самых юных лет. Навыки коммуникации в интернете развиваются практически с рождения и входят в устойчивую привычку.

Социализация современных подростков происходит одновременно в реальной и виртуальной среде, что, по мнению психологов, оказывает непосредственное влияние на развитие психики детей, чья личность находится в этот период на стадии формирования.

«Интернет-сообщества открывают пространства взаимодействия и формирования социальной идентичности, производя все новые формы общения, преобразующие временные и пространственные взаимосвязи» (Макарова, Мокрушина 2021, с. 32).

В исследованиях по психологии отмечается, что чрезмерное пребывание подростков в виртуальных сетях чревато развитием зависимости. А.Е. Войскунский (Войскунский 2004, с. 4) выделяет такие виды интернет-зависимости, как пристрастие к работе с компьютером (игры, программирование); компульсивная навигация по страницам интернета; общение в чатах, групповых играх и телеконференциях, что в конечном счёте может привести к замене реальных социальных отношений (с семьёй, друзьями и т.д.) виртуальными.

Р.И. Зекерьяев (Закерьяев 2019, с. 31) пишет, что подростки составляют большую часть контингента пользователей сайтов социального взаимодействия. В процессе общения формируется виртуальный образ подростка в интернет-пространстве, возникает риск развития девиантного поведения ребёнка. Всё большее количество детей и подростков, по наблюдениям исследователя, становятся как жертвами, так и организаторами интернет-троллинга, кибербуллинга, интернет-мошенничества и сексуального насилия в интернет-пространстве.

А.И. Лучинкина указывает на опасность, которую несёт анонимное общение в сети интернет: «стремясь к удовлетворению свойственных для каждого человека социальных потребностей – в позитивной оценке и самооценке, в уважении, признании, позитивной самореализации, подростки группируются в социальных сетях и могут стать жертвами опытных манипуляторов» (Лучинкина 2017, с. 9).

Н. Ю. Демдоуми и Ю. П. Денисов (Демдоуми, Денисов 2013, с. 38–39) в своём исследовании выявляют прямую связь между возрастанием объёмов суицидального контента в социальных сетях и увеличением числа суицидов среди подростков и молодежи.

Многие из обозначенных выше проблем представляют большой интерес для современных драматургов, которые находятся в постоянном поиске новых тем и героев. Авторы пьес стараются зафиксировать все значимые явления времени и найти ответы на самые волнующие вопросы. Как отмечает драматург Юлия Тупикина, выдающийся писатель (в том числе драматург) – это «большой сенсор, тонометр, глюкометр, кардиограф и даже МРТ. <...> Драматург должен уметь ловить время, создавать живых персонажей (это содержание) и предлагать нестандартные архитектурные решения (это форма)» (Сылова 2017). По наблюдению М.А. Черняк, «жанровый и тематический репертуар современной драматургии для подростков достаточно репрезентативно отражает эстетические и социокультурные координаты времени» (Черняк 2020).

Пьесы об интернете всё чаще можно встретить на сцене европейских театров. К примеру, в 2013 году «Интернет» стал темой зимнего сезона коротких пьес в лондонском театре «Ройал-Корт»: четыре молодых британских автора представили свои новые пьесы, поднимающие такие темы, как способность интернета отвлекать, анонимность и троллинг, общение в мессенджерах (Trueman 2013).

Стоит упомянуть об интернет-перформансе как новом явлении, набирающем популярность в молодёжной среде. Интернет-перформансы – это действия, которые в режиме онлайн с помощью видеоборудования транслируются для зрителей по всему миру. Д. Глеснер в своей книге «Театр и интернет» (Glesner 2015, с. 297) говорит об интернет-перформансах как точке сближения культуры и технологий XXI века.

Коммуникация подростков в интернет-пространстве становится одной из ключевых тем в современной драматургии о подростках. Согласно исследованию Л.Г. Тютеловой, Е.Н. Сергеевой и К.А. Сундуковой, 19 из 31 пьес, вошедших в шорт-листы 12+ премии «Маленькая ремарка» в период с 2018 по 2020 годы, затрагивают тему общения в виртуальной среде. Как отмечают эти авторы, «диджитал-технологии в ориентированных на молодую аудиторию пьесах становятся маркером современности и характерной для техногенной цивилизации деталью, порождающей конфликтные ситуации» (Тютелова, Сергеева, Сундукова 2021, с. 98-99).

Я.О. Шебельбайн указывает на то, что важным объектом рассмотрения в современной драме является «смещение в подростковом сознании виртуального и реального миров» (Шебельбайн 2019).

О.В. Ловцова говорит о новом типе героя в современной драме – «цифровом ребёнке» (Ловцова 2018), для которого интернет является неотъемлемой частью жизни.

С.А. Атаманова (Атаманова 2019) отмечает, что интернет-пространство и технологии являются значимыми факторами развития действия в современной пьесе.

Постановка задач, методология

Нам представляется интересным рассмотреть, как в современной драматургии о подростках представлено интернет-пространство и каким образом современные авторы осмысливают влияние виртуальной среды на судьбу подростков.

Материалом для исследования стали пьесы, созданные в период с 2013 по 2020 годы и отмеченные на конкурсах современной драматургии «Любимовка», «Маленькая Ремарка», «Кульминация», а также пьесы, опубликованные издательством «Самокат» в 2019 году в сборниках подростковых пьес «Хочу по правде» (Орлова и др. 2019) и «Все, кого касается» (Васьковская и др. 2019).

Теоретико-методологическая база исследования основана на сочетании междисциплинарного подхода с анализом работ по литературоведению, театроведению и психологии. Для анализа пьес применялся метод имманентного анализа.

Ход исследования

Герои пьесы Натальи Блок «Фото топлес» значительную часть своей жизни проводят в виртуальном мире: слушают музыку, общаются в чатах, постоянно публикуют селфи на своих страницах в соцсетях. Интернет-пространство для них – это зеркало, в котором отражается практически каждое событие реальной жизни. Напоказ выставляется буквально всё. Кира и Артем учатся в одном классе. Ребята нравятся друг другу, и первые шаги к сближению делают в интернете, начиная переписываться в вайбере. Для каждого из них это первый опыт романтических отношений, поэтому все свои действия они обсуждают с друзьями. Таким образом, с самого начала общения размываются границы личного и общественного, разрешенного и запретного. Саша и Коля, друзья Артема, с одной стороны, помогают устроить первое свидание, но, с другой они же и становятся зачинщиками конфликта. По их совету молодой человек просит девушку поделиться с ним откровенными фотографиями. В шутку, она присылает чужие снимки, а ребята, от лица Артема, размещают их в сети, сопроводив публикацию комментарием: «... Друзья, перед вами грудь Киры Лойко. Кто сомневается в этом, поставьте лайк. Кто нет – сделайте перепост» (Блок 2015).

Для друзей Артёма интернет-пространство становится площадкой для злой игры, которую они ведут ради низменного желания посмеяться и развеять скуку. Они манипулируют молодым человеком, а тот поддается на провокацию и позволяет им управлять собою. Однако последствия от совершённого поступка заставляют ребят переосмыслить своё поведение.

После скандальной публикации фото топлес девушка становится объектом травли всей школы: «*Кира идет по школе, и кругом слышатся голоса. Классные сиськи. Покажи грудь. А пришли мне фото в душе. Это она, это она. <...> Слышны щелчки фотосъемки и вспышки*» (Блок 2015). Артём пытается извиниться, но Кира блокирует его во всех соцсетях и вносит его телефонный номер в «черный список». Решившись проучить своих обидчиков, девушка затевает ответную игру в интернет-пространстве. На своей странице она инсценирует собственный суицид, публикуя пост, написанный якобы ее сестрой: «*Киры больше нет. Вы, сволочи, ее довели*» (Блок 2015). Узнав о случившемся из новостных лент, ребята приходят в ужас.

Пьеса заканчивается примирением молодых людей. Спустя некоторое время девушка публикует новость, в которой опровергает свою смерть: «*Привет всем. Это Кира. Я жива здорова и не собиралась умирать. Этим сообщением я просто хотела показать, как бывает, когда люди так просто верят всему, что читают в соц. сетях. Надеюсь, вы*

хоть немного почувствовали то, что чувствовала я, когда вы поверили этой глупой фотке топлес. Удачи вам всем. Будьте умнее в следующий раз» (Блок 2015). Артем приходит с извинениями домой к Кире, но мать девочки прогоняет его. Тогда парни устраивают в школе флешмоб и просят всех разместить на своих страницах сообщение: «Кира, прости Артема» (Блок 2015). Что девушка в конечном итоге и делает.

Таким образом, интернет-пространство в пьесе является игровым полем, в котором герои взрослеют, самоопределяются и встают в ситуацию нравственного выбора. Изначально разные моральные ориентиры меняются, герои приходят к общему осознанию ценности дружбы и любви, уважению личных границ, пониманию ответственности за необдуманные поступки.

В пьесе «Это всё она» Андрея Иванова интернет-пространство становится единственным местом, где осуществляется коммуникация матери и сына, которые испытывают серьёзные проблемы в общении после трагической смерти отца.

М.М. Бахтин, рассуждая о литературно-художественном хронотопе, говорит о том, что «приемы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» (Бахтин 1975, с. 235). А. Иванов в своей пьесе показывает одну из характерных примет времени: люди, физически находящиеся в одном пространстве (в одной квартире), на ментальном уровне бесконечно далеки друг от друга, поскольку каждый погружен в свой мир, в свою виртуальную реальность.

Сын осознанно отказывается идти на контакт с матерью, постоянно сидит в своей комнате, не снимает наушники и притворяется, что «не слышит звонка» (Иванов 2018). Тогда женщина в попытке найти путь к сердцу ребенка регистрируется в социальной сети ВКонтакте под вымышленным именем Тоффи и начинает вести переписку с «Тауэрским вороном» (сетевой ник ее сына). В итоге виртуальная дружба перерастает в роман: мальчик влюбляется в таинственную красивую девочку в черном платье, с татуировкой на всю руку в виде змеи. Он страстно желает в реальной жизни встретиться с Тоффи, в которой видит родственную душу, и матери приходится сочинять различные предлоги, почему это пока невозможно («уже и солнцелюбная придумала, и социопатию») (Иванов 2018). Автор пьесы воссоздает типичную в наше время ситуацию анонимного общения в интернет-пространстве и показывает вариант, когда один из участников такого общения (Мать), скрываясь за маской, наделяет своего персонажа чертами, не соответствующими действительности. Игра женщины заходит слишком далеко: она уже не может отказаться от придуманной ею искаженной формы любви, что в итоге заканчивается

трагедией. Когда обман раскрывается, подросток пытается прыгнуть из окна прямо на глазах у матери. Конфликт, возникший вследствие подмены живого общения виртуальным, так и остается неразрешенным.

Приведём рассуждения исследователя современной драматургии С.А. Атамановой, которая пишет: «Человек цифровой эпохи способен любить, ссориться, совершать важные поступки в интернете, при этом его «Интернет-Я» может не совпадать с реальным: маска анонимности и ощущение удаленности снимают барьеры в коммуникации, обнажая те черты характера, которые не могли быть продемонстрированы вне виртуального пространства» (Атаманова 2021, с. 74).

Проблема анонимности в интернет-пространстве поднимается в пьесе Екатерины Бизяевой «Март и Слива». Герой пьесы девятиклассник Слава, называющий себя Сливой, уже успел испытать разочарование в жизни, несмотря на свой юный возраст. Отца он уличает в измене: «Пап, посмотри, вот это кто? <...> Ну вот эта особь женского пола, что у тебя на шее висит» (Бизяева 2017). Из разговоров с одноклассниками мальчик узнает, что ребята уже определились с профессиями, однако их выбор основан не на увлечениях, а на выгоде или решении родителей. Своей бабушке он задает вопрос: «Вот детство твое в нищете, <...> ботинки драные, война потом, мать сумасшедшая, отец тиран, муж алкаш. Хорошего-то где?» (Бизяева 2017). Буквально во всём, что его окружает, парень видит страдания и ложь. В тайне от всех в интернете он переписывается с незнакомцем, называющим себя Mr.Blood, и получает от наставника совет: «Убей себя» (Бизяева 2017). Чувствуя, что с сыном происходит неладное, мать Сливы решает заглянуть в личную переписку сына. Под именем Эльзы, она устанавливает с ним контакт, начинает общаться и входит в доверие. Вместе они выбирают день, когда прыгнут с многоэтажки: «Тридцать первое марта. Март кончится, и мы кончимся. Все кончится» (Бизяева 2017). В итоге, опасная ситуация, грозившая мальчику гибелью, разрешается благополучным образом. Мать спасает сына. Здесь, как и в пьесе «Это всё она», взрослый участник сетевого общения (Mr. Blood) начинает манипулировать неокрепшим сознанием подростка. Драматург показывает типичную ситуацию, когда ребенок может с легкостью доверить самое сокровенное незнакомой «маске», но тот, кто за ней скрывается, преследует свои интересы. Примечательно, что драматург включает в пьесу несколько сцен с фрагментами телевизионного ток-шоу, где обсуждаются проблемы безопасности в глобальной сети, поднимается вопрос о допустимости вторжения взрослых в личное пространство ребёнка.

Герой пьесы Анастасии Букреевой «Ганди молчал по субботам» шестнадцатилетний Мот

приходит к осознанному отказу от общения в виртуальном формате. В пьесе отражена проблема распада семьи и связанного с этим внутреннего кризиса подростка. Своими переживаниями Мот делится в длинных монологах, один из которых посвящён размышлениям о фальши, присутствующей в культуре сетевого общения. Парень рассказывает, что, когда он нашёл в сети страницу любовницы своего отца и совершенно искренне поставил лайки её пляжным фотографиям, он понял, «что так жить нельзя и удалил все свои аккаунты» (Букреева 2018). Поступок героя можно трактовать как попытку навести порядок в своих мыслях и своей жизни, как поиск чего-то настоящего и правильного.

Полученные результаты и выводы

Анализ выбранных нами пьес показывает, что интернет-пространство в современной драматургии о подростках исследуется с разных сторон. Основной акцент делается на реконструкции различных ситуаций коммуникации подростков в сети: это контакты со своими ровесниками, со взрослыми, с анонимными пользователями, у которых невозможно определить ни возраст, ни гендерную принадлежность.

Авторы воссоздают всевозможные кризисные ситуации, возникающие в результате общения подростков в интернете, и предлагают варианты выхода из них. В результате соотнесения судьбы героев с собственным опытом на уровне реципиента происходит процесс «нравственно-этической самоидентификации» (Лавлинский 2016, с. 118).

В некоторых случаях интернет-пространство изображается как цифровая копия реальной жизни подростков. Интернет становится площадкой, на которую переносятся традиционные подростковые конфликты, своеобразной сценой, на которой разыгрываются конфликтные ситуации. Драматурги показывают, насколько острыми и болезненными бывают конфликты, вынесенные в публичное пространство глобальной сети. Конфликты, возникающие вследствие несовпадающих нравственных установок, моральных норм и правил поведения, как правило, удаётся преодолеть в результате совместно полученного опыта.

В других случаях интернет становится местом, куда подросток убегает из реальной жизни. Сталкиваясь с жестокостью сверстников, испытывая разочарование от несовершенства мира и человеческих отношений, в поисках идеала, в попытках обрести понимание, сочувствие и любовь многие подростки погружаются в виртуальное пространство. Ребёнок, таким образом, выпадает из настоящего времени. Находясь в конфликте с настоящим, подросток зачастую не находит ответа и, соответственно, не видит будущего. Драматургов особенно интересуют ситуации, связанные с

анонимным общением в интернете. Здесь живое общение полностью подменяется виртуальным. Хэппи-энд в таких историях случается, как правило, благодаря вмешательству взрослых. Встречаются пьесы с трагическим исходом, когда героям не удаётся выстроить хоть какую-то перспективу развития изначально неправильных отношений.

Источники фактического материала

Блок Н. Фото топлес. URL: https://theatre-library.ru/files/b/blok_natalya/blok_natalya_8777.doc (дата обращения: 01.01.2023).

Бизяева Е. Март и Слива. URL: https://lubimovka.ru/images/2017plays/mentioned/Bizyaeva_Mart-i-Sliva.docx (дата обращения: 01.01.2023).

Букреева А. Ганди молчал по субботам. URL: http://litteratura.org/issue_dramaturgy/3031-anastasiya-bukreeva-gandi-molchal-po-subbotam.html (дата обращения: 01.01.2023).

Васьковская И., Уткина Д., Сидерос Д., Иванов А., Блок Н., Олейников А. Всем, кого касается: современная подростковая драма. Москва: Самокат, 2019. 144 с.

Иванов А. Это всё она. URL: <https://litteratura.org/dramaturgy/2980-andrey-ivanov-eto-vse-ona.html> (дата обращения: 01.01.2023).

Библиографический список

Glesner, J. (2015), *Theater und Internet*, transcript Verlag, Bielefeld, [Online], available at: <https://www.transcript-verlag.de/978-3-89942-389-1/theater-und-internet> (Accessed 01 January 2023), DOI: <http://doi.org/10.14361/9783839403891>.

Trueman, M. (2013), *What can theatre say about the internet?* [Online], available at: <https://www.theguardian.com/stage/2013/jan/21/theatre-say-about-internet> (Accessed 01 January 2023).

Атаманова С.А. «Цифровые дети» в контексте метадрамы // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. 2019. № 4. С. 53-61. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-deti-v-kontekste-metadramy> (дата обращения: 01.01.2023). DOI: <http://doi.org/10.26170/ufv19-04-05>.

Атаманова С.А. Трагедии «цифровых детей»: современная драматургия о становлении человека в эпоху интернет-технологий // Язык. Культура. Медиакоммуникация. 2021. Т. 1. № 1. С. 72-78. EDN XEURXI. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49162143> (дата обращения: 01.01.2023).

Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Москва: Худож. лит., 1975. С.234-407.

Войскунский А.Е. Актуальные проблемы психологии зависимости от интернета // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 1. С. 90-100. URL: <http://www.psy.msu.ru/science/public/>

voyskunskiy/voyskunskiy_2004.pdf (дата обращения: 01.01.2023).

Демдоуми Н.Ю., Денисов Ю.П. Социальная сеть как аспект суицидальной активности среди детей и молодежи (на основе анализа социальной сети «ВКонтакте») // Тюменский медицинский журнал. Тюмень, 2013. Т. 15, № 3. С. 38–39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-set-kak-aspekt-suicidalnoy-aktivnosti-sredi-detey-i-molodyozhi-na-osnove-analiza-sotsialnoy-seti-vkontakte> (дата обращения: 01.01.2023).

Зекерьяев Р.И. Психологические особенности виртуальной личности пользователя и ее типы // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2019. № 1(88). С. 31–37.

Лавлинский С.П., Павлов А.М. О перформативно-рецептивном потенциале современной драматургии // Новейшая драма рубежа XX–XXI вв.: предварительные итоги: коллективная монография. Под общ.ред. Т.В. Журчевой. Самара: Изд-во Самарского университета, 2016. С. 103–125.

Ловцова О.В. Виртуальная реальность современного детства в пьесах британских драматургов // Филологический класс. 2018. № 2 (52). С. 159–164.

Лучинкина А.И. Суицидальная личность в интернет пространстве // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: педагогика, психология. Симферополь, 2017. № 1(7). С. 109–113. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kommunikativnogo-povedeniya-v-internet-prostranstve-podrostkov-s-raznymi-tipami-suicidalnogo-povedeniya> (дата обращения: 01.01.2023). DOI: <http://doi.org/10.21702/rj.2019.1.6>.

Макарова М.Н., Мокрушина Е.А. Тенденции функционирования флешмобов в России: роль социальной онлайн-среды и самоизоляции в становлении новых форм флешмоба // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2021. № 1. С. 32–39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-funktsionirovaniya-fleshmobov-v-rossii-rol-sotsialnoy-onlayn-sredy-i-samoizolyatsii-v-stanovlenii-novyh-form-fleshmoba> (дата обращения: 01.01.2023). DOI: <http://doi.org/10.35634/2587-9030-2021-5-1-32-39>.

Орлова С., Варденбург Д., Огнева М., Бизяева Е. Хочу по правде: современная подростковая драма. Москва: Самокат, 2019. 104 с.

Сылова Е. Юлия Тупикина: «Сначала мы были просто ртутными градусниками». URL: <http://screenstage.ru/?p=7320> (дата обращения 01.01.2023).

Тютелова Л.Г., Сергеева Е.Н., Сундукова К.А. Технологии виртуального общения в современной драматургии для подростков // Технологии в инфосфере. 2021. Т. 2. № 4(5). С. 94–108.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-virtualnogo-obscheniya-v-sovremennoy-dramaturgii-dlya-podrostkov> (дата обращения: 01.01.2023). DOI: <http://doi.org/10.48417/technolang.2021.04.06>.

Черняк М.А. Новая драма для новых тинейджеров: к вопросу о типологических чертах современной драматургии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. №7. С. 87–94. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-drama-dlya-novyh-tineydzherov-k-voprosu-o-tipologicheskikh-chertah-sovremennoy-dramaturgii> (дата обращения: 01.01.2023). DOI: <http://doi.org/10.15393/uchz.art.2020.529>.

Шебельбайн Я.О. Пьеса о подростках в шорт-листах драматургических фестивалей России и Германии (2001–2019) // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. 2019. № 4. С. 42–52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/piesa-o-podrostkah-v-short-listah-dramaturgicheskikh-festivaley-rossii-i-germanii-2001-2019> (дата обращения: 01.01.2023). DOI: <http://doi.org/10.26170/ufv19-04-04>.

References

Glesner, J. (2015), *Theater und Internet*, Bielefeld: transcript Verlag, DOI: <http://doi.org/10.14361/9783839403891>.

Trueman, M. (2013), *What can theatre say about the internet?* [Online], available at: <https://www.theguardian.com/stage/2013/jan/21/theatre-say-about-internet> (Accessed 1 January 2023).

Atamanova, S.A. (2019), «Digital children» in metadrama context, *Uralskij filologicheskij vestnik*, Ekaterinburg, Russia, no. 4, pp. 53–61.

Atamanova, S.A. (2021), Tragedies of «digital children»: modern drama about the formation of a person in the era of Internet technologies, *Jazyk. Kul'tura. Mediakommunikacija*, Cheyabinsk, Russia, vol. 1, no. 1, pp. 72–78.

Bakhtin, M.M. (1975), *Questions of literature and aesthetics*, Hudozhestvennaja literatura, Moscow, Russia.

Vojskunsky, A.J. (2004), Actual problems of the psychology of Internet addiction, *Psikhologicheskij zhurnal*, Moscow, Russia, vol. 25, no. 1, pp. 90–100.

Demdoui, N.Yu., Denisov, Yu.P. (2013), Social network as an aspect of suicidal activity among children and youth (based on the analysis of the social network «VKontakte»), *Tjumenskij medicinskij zhurnal*, Tyumen, Russia, vol. 15, no. 3, pp. 38–39.

Zekeryaev, R.I. (2019), Psychological features of the user's virtual personality and its types, *Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serija: Poznanie*, Moscow, Russia, no. 1 (88), pp. 31–37.

Lavlinsky, S.P., Pavlov A.M. (2016), On the performative-receptive potential of modern drama, *Nove-*

- jshaja drama rubezha XX-XXI vekov: predvaritel'nije itogi: kollektivnaja monografija*, T.V. Zhurcheva (ed.), Izdatelstvo Samarskogo Universiteta, Samara, Russia, pp. 103–125.
- Lovtsova, O.V. (2018), Virtual reality of modern childhood in the plays of British playwrights, *Philological class*, no. 2 (52), pp. 159–164.
- Luchinkina, A.I. (2017), Suicidal personality in the Internet space, *Uchenye zapiski Krymskogo inzhenerno-pedagogicheskogo universiteta. Serija: pedagogika, psihologija*, Simferopol, Russia, no. 1 (7), pp. 109–113.
- Makarova, M.N. and Mokrushina, E.A (2021), Trends in the functioning of flash mobs in Russia: the role of the social online environment and self-isolation in the development of new forms of the flash mob, *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya*, Izhevsk, Russia, no. 1, pp. 32–39.
- Orlova, S. et al. (2019), *I really want: contemporary teen drama*, Samokat, Moscow, Russia.
- Sylova, E. (2017), *Yulia Tupikina: «At first we were just mercury thermometers»*, [Online], available at: <http://screenstage.ru/?p=7320> (Accessed 01 January 2023).
- Tyutelova, L.G. (2021), Technology of virtual communication in modern drama for teenagers, *Technologii v inosfere*, Samara, Russia, vol. 2, no. 4(5), pp. 94–108.
- Shebelbain, Ya.O. (2019), A play about teenagers in the shortlists of drama festivals in Russia and Germany (2001–2019), *Ural'skij filologicheskij vestnik. Serija: Draft: molodaja nauka*, Cheyabinsk, Russia, no. 4, pp. 42–52.
- Chernyak, M.A. (2020), New drama for new teenagers: on the question of the typological features of modern drama, *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, Petrozavodsk, Russia, no. 7, pp. 87–94.

Submitted: 10.01.2023

Revised: 03.02.2023

Accepted: 02.03.2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82.09

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-1-48-54

Дата поступления: 10.01.2023
рецензирования: 03.02.2023
принятия: 20.03.2023

М.А. Перепелкин

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: mperepelkin@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6102-6947>

Семиотика города в очерках Н.Г. Гарина-Михайловского «В сутолоке провинциальной жизни»

Аннотация: в данной статье предпринята попытка анализа семиотики городского пространства, изображённого Н.Г. Гариним-Михайловским на страницах очерков «В сутолоке провинциальной жизни». С этой целью выявляются главные городские локации, описанные автором очерков – дворянское собрание, дом губернатора, квартиры фотографа и Абрамсона, Хлебная площадь и некоторые другие. На основании проделанного анализа делаются выводы о том, что, набрасывая «портрет» города, Гарин изображает его практически во всей географической протяжённости – с юго-запада и до его северо-восточных окраин; стремление показать «всю» Самару в плане географической протяжённости сопровождается аналогичным стремлением показать разные социальные этажи городской жизни; городские локации изображаются не в виде статичных, удалённых и изолированных друг от друга объектов, а как связанные самыми разнообразными связями и взаимоотношениями. Всё это вместе позволяет рассматривать изображённый на страницах очерков Н.Г. Гарина-Михайловского город как семиотическую структуру, «сложнопостроенный смысл», декодируя который только и можно приблизиться к настоящему пониманию формулы, вынесенной в название цикла – «В сутолоке провинциальной жизни».

Ключевые слова: Н.Г. Гарин-Михайловский; «В сутолоке провинциальной жизни»; городские локации; дворянское собрание; дом губернатора; квартиры фотографа и Абрамсона; Хлебная площадь; семиотика города.

Цитирование: Перепелкин М.А. Семиотика города в очерках Н.Г. Гарина-Михайловского «В сутолоке провинциальной жизни» // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 1. С. 48–54. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-48-54>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Перепелкин М.А., 2023** – доктор филологических наук, профессор, кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

M.A. Perepelkin

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: mperepelkin@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6102-6947>

Semiotics of the city in the sketches by N. Garin-Mikhailovsky «In the hustle and bustle of the provincial life»

Abstract: this article attempts to analyze the semiotics of the urban space depicted by N. Garin-Mikhailovsky in «In the hustle and bustle of the provincial life» sketches. For this purpose, the main city locations, described by the author, are identified - the noble assembly, the governor's house, the apartments of the photographer and Abramson, Khlebnaya Square and some others. On the basis of the analysis, it is concluded that, when sketching a «portrait» of the city, Garin depicts it in almost the entire geographical extent - from the southwest to its northeastern outskirts; the intention to show «the whole» Samara in terms of the geographical extent is accompanied with a similar intention to show different social levels of the city life; urban locations are not depicted as static, remote and isolated objects, but as connected by a wide variety of connections and relationships. All this together allows us to consider the city, depicted in N. Garin-Mikhailovsky's sketches, as

a semiotic structure, a «complex meaning», and decoding is the only way to get closer to a real understanding of the formula in the title of the cycle – «In the hustle and bustle of the provincial life».

Key words: N. Garin-Mikhailovsky; «In the hustle and bustle of provincial life»; city locations; noble assembly; governor's house; apartments of the photographer and Abramson; Khlebnaya Square; semiotics of the city.

Citation: Perepelkin, M.A. (2023), Semiotics of the city in the sketches by N. Garin-Mikhailovsky «In the hustle and bustle of the provincial life», *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 3, no. 1, pp. 48–54, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-48-54>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Perepelkin M.A., 2023** – Doctor of sciences in Philology, Professor, Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Цикл очерков Н.Г. Гарина-Михайловского «В сутолоке провинциальной жизни» – первая или одна из первых букв в алфавите «самарского текста», закладывающая основы этого текста и определяющая его будущий облик. Как одно из первых явлений так называемого «самарского текста», задающее некую систему координат и точек отсчёта, с которыми вольно или невольно будут вынуждены считаться все остальные авторы произведений, действие которых также будет разворачиваться в Самаре, очерки Гарина представляют собой чрезвычайно сложное и объёмное образование, одни из смыслов которого имманентны самому гаринскому тексту, а другие возникают и актуализируются по мере увеличения и усложнения самого этого текста. Как следствие этого, всестороннее изучение этого цикла и его места в «самарском тексте» – дело будущего, требующее от исследователей как особой методологической сфокусированности и зоркости, так и способности учесть непосредственные и ещё многие опосредованные и непрямые траектории взаимодействия гаринских очерков с другими компонентами «самарского текста».

Надо сказать, что интерес к гаринским очеркам и их месту в «самарском тексте» существовал и ранее, но в последние годы заметно возрос. Причиной этого, по всей видимости, является, прежде всего, выросший интерес к локальным городским текстам и «самарскому тексту» как одному из них. Свою роль в этом интересе играет, безусловно, и фигура Гарина, никогда не выходившая в первые ряды литературного выбора и предпочтений читателей, но вместе с тем никогда не покидавшая это поле предпочтений бесследно.

Так, пространство гаринских произведений «Несколько лет в деревне» и «В сутолоке провинциальной жизни» находится в центре внимания Г.О. Портнова, подчеркнувшего, что в названных сочинениях Н.Г. Гарин-Михайловский «рисует два жизненных уклада, два миропорядка, противопоставленных друг другу – городской и деревенский» (Портнов 2008, с. 153). И если пространство, изображённое в первом из них, исследователь ха-

рактеризует как мифологическое («оно не освоено человеком, населено (в сознании крестьян) мифологическими существами, живёт своей отдельной от человека жизнью и наказывает всех, пытающихся изменить его <...>, замкнуто в себе, оторвано от остального мира <...>, представляет собой вертикальную модель, поскольку связано с высшим (божественным) началом и устремлено вверх» (Портнов 2008, с. 154)), то город живёт по своим законам, отличным от деревенских. Эти законы представляются исследователю следующими: «Во-первых, пространство города континуально, не замкнуто в себе, как пространство деревни. Оно сообщается с окружающим миром и, следовательно, в сознании городских жителей мыслится как часть огромного мира, а не как целый мир, как это было в деревне <...> Во-вторых, пространство провинции антропоцентрично, предельно заполнено человеком <...> В-третьих, пространство провинции дискретно, неравнозначно самому себе. Провинция поделена на сферы влияния между сильными представителями власти, между партиями влиятельных помещиков, дворянских предводителей <...>, определяющих общественные настроения Самары. Также пространство социально иерархично, заполнено людьми самых разных слоёв общества. Поскольку эти люди собирают салоны, создают вокруг себя свой круг общения, интересов, для них это пространство неравнозначно и несёт разные смыслы и по-разному оценивается. Соответственно оно обладает и ценностной иерархией» (Портнов 2008, с. 155).

Помимо пространства двух гаринских сочинений, исследователя интересовало и их время. В обоих случаях оно «равномерно, неторопливо, характеризуется медленным движением» (Портнов 2008, с. 156). Но на этом сходства деревенского и городского («провинциального», по определению Г.О. Портнова) времени завершаются и начинаются их различия: «Оно <время провинциального города – М. П.> также циклично, но это не ритуальная цикличность, в основе которой спасительная повторяемость природных циклов, а десакрализованная (будничная) цикличность, лишённая

какого-либо смысла <...> Время не движется, а тянется, растворяя в себе человека, как личность» (Портнов 2008, с. 156).

Цикл очерков «В сутолоке провинциальной жизни» находится в центре внимания и другой исследовательницы – А. В. Жестковой, отметившей, что «в восприятии Н.Г. Гарина-Михайловского город предстаёт как объединение многих пластов культуры, соединяющих в себе духовность различных слоёв общества с экономической культурой, описанием быта, интерьера, среды, труда. Выстраивая текст города, писатель обращает внимание на конечность и замкнутость пространства города. Город, извлекая из своих глубин отжившие остатки ушедших времён, сопротивляется новому» (Жесткова 2011, с. 200). Далее внимание исследовательницы оказывается сосредоточено на таких аспектах гаринского «провинциального текста», как «центр и периферия», «выборы, частная и общественная жизнь», «театр», «газета», «торговая площадь и голод», «сон и железная дорога как символы статики и динамики». «Таким образом, – делает вывод автор статьи, – очерки Н.Г. Гарина-Михайловского «В сутолоке провинциальной жизни» можно рассматривать как совокупность семантических констант, знаковых доминант, осмысленных топонимически и определённым образом организованных. “Провинциальный текст” в очерка Н.Г. Гарина предстаёт и в этногеографическом, и в культурологическом аспектах, и в целом представляет собой хотя и дискретную – очерковую – систему знаков, но по своему значению, смыслам и символике создающую замкнутый единый образ Самары как одного из типичных провинциальных городов России» (Жесткова 2011, с. 203).

Таким образом, нашими предшественниками сделаны любопытные наблюдения, которые должны быть непременно учтены в разговоре о семиотике города в гаринских очерках. В чём, на наш взгляд, состоит общий недостаток обоих исследований, так это в изначальной и последовательной замкнутости исследовательских наблюдений в сфере эстетического. Город очерков Гарина, каким его воспринимают и рассматривают Г.О. Портнов и А.В. Жесткова, – это город, возникающий и существующий только и исключительно на книжных страницах, этими страницами исчерпывающийся и не выходящий за их пределы, тогда как городской текст возникает в силовом поле, располагающемся между эмпирическим и эстетическим. «Пора перейти от описания реальности к анализу художественного творения, – призывает в одной из своих работ В.Г. Щукин, – к городской по духу своему литературе, к образам города как такового и к образам, городским по духу» (Щукин 2022, с. 86). Согласимся с исследователем, но согласимся с оговоркой: именно это «пора перейти», совсем не тождественное «пора забыть о реальности и

её описаниях», и есть поле настоящей семиотики, плодородное и обещающее вывести исследователя к смыслам, важным как для тех, кто живёт в физике города, так и для тех, кто знакомится с этим городом через его метафизические знаки.

Ход исследования

В связи со сказанным нас будут интересовать городские локации, описанные Н.Г. Гариним-Михайловским на страницах очерков «В сутолоке провинциальной жизни». Что это за локации, насколько они важны для самого текста очерков, был ли автор точен в их описании или допускал какие-то вольности, отклоняясь от реального положения дел? И, наконец, какие из этих локаций, описанных на страницах гаринских очерков, сохранились до сегодняшнего дня и в каком они находятся состоянии? Попробуем ответить если не на все, то хотя бы на часть из этих вопросов.

Прежде всего, здесь следует сказать о том, что, очевидно, не ставя перед собой задачи дать развёрнутую картину самого города, в котором разворачивается значительная часть событий, описанных в очерках «В сутолоке провинциальной жизни», автор очерков в очень существенной части эту задачу всё-таки решил: не будучи главной героиней очерков, Самара с её домами, площадями и улицами изображается в тексте, определяет течение событий, прямо и косвенно воздействует на их характер. Если присмотреться к числу локаций, так или иначе изображённых или упомянутых Гариним в цикле очерков, то окажется, что их не так уж и мало. Прежде всего, это дворянский дом, гостиница (от настоящих апартаментов до весьма скромных), театр, «недавно отстроенный ресторан с электричеством, с новинками и ценами петербургских ресторанов» (Гарин 1958, с. 295), губернаторская квартира, квартиры фотографа и Абрамсона, Хлебная площадь и т.д. Одни из этих локаций, как и было сказано, описаны подробно, другие – вскользь упомянуты, но именно их соседство и рождает ту самую «сутолоку», которая была вынесена писателем в название цикла.

Дворянский дом (или Дворянское депутатское собрание) – локация, изображённая на страницах очерков Гарина наиболее подробно. Действие очерков возвращается в этот дом не один раз, и, соответственно, писатель, не спеша, сантиметр за сантиметром описывает внутренне устройство этого здания, одного из самых заметных и заслуживающих внимания в Самаре 1880-90-х гг. «Дворянский дом представлял необычное возбуждение... Швейцары в полных формах, вешалки, заваленные шубами, настежь раскрытые двери налево, в помещение хозяина дома – губернского предводителя, и направо, в залы собрания и буфетные комнаты. И везде, во всех комнатах стоял гул от говора большой толпы людей в самых

разнообразных мундирах. Но большинство из них были дворянские: с красными воротниками, красными обшлагами на рукавах <...> На боковых скамьях центральной избирательной залы заседали почтенные старцы в лентах и звёздах, с грудью, украшенной всевозможными орденами. Перед этими старцами как-то стихало бушующее море страстей. Проходя мимо, заговорщики обрывались, почтительно раскланивались и уходили в другие комнаты» (Гарин 1958, с. 297).

Несмотря на довольно подробное описание на страницах очерков дворянского дома, сегодня трудно говорить о том, насколько точен или не точен писатель в изображении внутренностей последнего: занятый вскоре после октябрьского переворота коммунальными квартирами, бывший особняк Дворянского депутатского собрания, находящийся на углу бывших же Казанской и Воскресенской (а нынешних – Алексея Толстого и Пионерской) улиц, и сегодня представляет собой помещение, разделённое на множество квартир, в которых проживают самарцы. Очевидно, что внутри это помещение подвергалось неоднократным перепланировкам, какие-то стены и перекрытия перестраивались, другие были уничтожены. Если ориентироваться на другие опубликованные источники, описание Гарина не во всём точно: так, Р.П. Поддубная в монографическом исследовании, посвящённом Г.С. Аксакову, пишет о том, что став губернским предводителем дворянства последний поселился на третьем этаже дворянского дома, а на втором находилась его канцелярия (Поддубная 2020, с. 343), следовательно, гаринские «налево» и «направо» требуют уточнения и пересмотра, но главное всё-таки не это. Главное, что дом дворянства, изображённый в очерках «В сутолоке провинциальной жизни», стал одной из тех локаций, с изображения которой во многом и начался «самарский» текст, о котором идёт здесь речь.

Другая изображённая Гариним локация – губернаторская квартира, также достаточно подробно описанная на страницах очерков. «В комнатах губернаторской квартиры царила обычная какая-то зловещая тишина. В полусвете абажуров гостиных, кабинета тонули мебель, ковры, картины. Проходили беззвучно всё те же знакомые фигуры; торопливо, но бесшумно проносили лакеем подносы с печеньями, чаем, фруктами; из игровой методично и сонно несло: «пики», «пас», «трефы», а в большой гостиной на первый взгляд казалось, что и хозяйка и все её гости спали <...> Губернатор скучал за всех и только занимался тем, что каждого нового гостя спешил сплавить то в гостиную жены, то в игральную, то в маленькие гостиные, где в уголках группами приютились менее сановные и более молодые гости» (Гарин 1958, с. 307-308).

Так как действие в очерках Гарина происходит в 1880-90-е гг., по всей видимости, речь идёт о той

самой квартире, которая была описана в мемуарах М.И. Семёнова (Блана), пишущего следующее: «Свербеев <губернатор – М.П.> жил в губернаторских апартаментах (что-то около 23-х комнат), на углу Алексеевской площади и Дворянской улицы, в одиночестве, если не считать окружавшей его многочисленной челяди. Изредка только наезжал к нему сын его, лицеист Мика, который вносил некоторое оживление в пустынные залы и гостиные папашы. Все комнаты его квартиры были увешаны и уставлены иконами. Иконы самых разнообразных размеров, типов и фасонов лежали также стопками на столах и даже на диванах» (Семёнов 1940, с. 17–18).

Следует учесть, что, скорее всего, мемуарист никогда не был в апартаментах губернатора и рассказывает о них просто понаслышке («что-то около 23-х комнат», «иконы самых разнообразных размеров, типов и фасонов»), хотя некоторые подробности из жизни губернатора ему определённо известны: «жил <...> в одиночестве, «изредка только наезжал к нему сын его, лицеист Мика» (А.Д. Свербеев стал самарским губернатором в октябре 1878 года и оставался на этом посту до декабря 1891-го; в 1858 году он вступил в брак с графиней В. Ф. Менгден, а в 1887 году их брак, от которого у супругов было двое детей, Дмитрий и Зинаида, был расторгнут, и губернатор, в самом деле, жил в одиночестве, «если не считать окружавшей его многочисленной челяди»). Но даже и с учётом этого обстоятельства надо признать, что описание губернаторских апартаментов, оставленное М.И. Семёновым (Бланом), не очень далеко от истины, если считать таковой изображение той же квартиры в очерках Гарина: «зловещая тишина» и «полусвет абажуров», описанные в очерках «В сутолоке провинциальной жизни», прекрасно рифмуются и с напряжённой обстановкой в доме губернатора (одна из дочерей, родившихся в семье ещё до расторжения брака, Вера, считалась в доме незаконнорождённой от связи жены губернатора с неустановленным лицом), и с совсем скорым губернаторским одиночеством.

Любопытно, что эта же губернаторская квартира была описана и самим А.Д. Свербеевым, правда это описание датируется самым началом 1879 года и, следовательно, всё то, что сохранила память автора очерков, было ещё впереди. Отсюда и тот приподнято-восторженный тон, который имеет место в сохранившемся дневнике только что назначенного в Самару нового губернатора А.Д. Свербеева: «Полицмейстером и чинами полиции привезён был в свой Губернаторский дом, тёплый, светлый и поместительный <...> Множество комнат, всё с иголки и чисто, даже вода проведена и есть ванна, так что помещение мне нравится, несмотря на проходной кабинет и отдаление от него моей спальни» (Классика 2019, с.

27). Из очерков Гарина читатель знает, что пройдёт несколько лет, и «тёплый, светлый и поместительный» дом станет скучным и «зловещим».

Двухэтажное здание на углу Алексеевской площади и Дворянской улицы, продолжавшее служить губернаторской канцелярией до постройки нового здания на Театральной площади (но уже без размещения в нём губернаторской квартиры, в 1905 году переместившейся в дом Субботиных-Шихобаловых на Казанской улице), сохранилось. После национализации в нём размещались клуб и библиотека водников, областное отделение общества «Знание», позже на первом этаже разместился ресторан, а второй был отдан Институту бизнеса и управления.

Переходим к следующей изображённой в очерках локации – квартире фотографа. Её описание довольно лаконично, и причины этого, в общем-то, прозрачны: небольшая и мало чем отличающаяся от многих других, подобных ей, квартир человека среднего достатка, это, конечно, не роскошный дворянский дом и не апартаменты губернатора. Было бы странно ожидать и детального изображения скромного жилья фотографа, в котором внимание автора привлекли только «маленькие комнаты, с дешёвой мебелью и фотографиями по стенам, тускло горели лампы и стоял гул от оживлённого говора» (Гарин 1958, с. 313).

Вопрос, который может и должен встать перед исследователем гаринских очерков в связи с рассматриваемой локацией, предельно прост: где именно находилась квартира фотографа, описанная Гариним? Если верно наше предположение о том, что «фотограф», изображённый в очерках, – это А.П. Васильев, значит, для ответа на этот вопрос следует проследить перемещение фотоателье Васильева по городу в 1880-90-х гг.

Известно, что первая фотография А.П. Васильева в Самаре открылась в июле 1880 года на улице Панской, в доме Петрова, близ аптеки Позерн. В дальнейшем предприятие Васильева постоянно росло – ателье меняло адреса, открывались его филиалы и т.д. Так, в 1886 году фотография Васильева переехала на Дворянскую, в дом Хреновой, а в 1900 году состоялся новый переезд – в дом Санина. Таким образом, скорее всего, речь идёт о втором из указанных адресов – в доме Хреновой на Дворянской улице.

Согласно иллюстрированной энциклопедии «Самара, улица Дворянская», дом мещанки А.С. Хреновой находился на улице Дворянской, 113–117 (сегодня это здание кинотеатра «Художественный» на улице Куйбышева, 103), и это она, владелица дома, «построила специальный фотографический павильон на своём дворе» (Алексушина 2009, с. 370), среди арендаторов которого был и А.П. Васильев. Если это так, то каждый желающий сегодня без труда может оказаться в этом здании,

описанном автором очерков «В сутолоке провинциальной жизни», вот только сможет ли он представить то, о чём рассказывает оказавшийся в квартире фотографа автор очерков – большой вопрос: так как здание не раз перестраивалось, вся его внутренняя планировка и интерьеры, конечно, не однажды менялись.

Наконец, последней локацией, изображённой Гариним, на которой мы бы хотели остановиться, является квартира Абрамсона. Действие очерков «В сутолоке провинциальной жизни» переносится в эту квартиру не однажды, но, как и в предыдущем случае, всё её описание носит очень фрагментарный и несколько сумбурный характер: «Он ввёл меня в свой маленький кабинет и показал рукой на белую, известкой выкрашенную стену, на которой на листе было написано: “О старости и тому подобных неприятных вещах просят не говорить в этом доме” <...> Столовая – маленькая комната, с крошечным столиком и другой надписью на стене. Крупно было написано: “конфеты, закуски, вина” и мелко “в магазине Иванова”. Когда мы перешли в третью и последнюю комнатку, – кушетка для сна стояла в кабинете, – Яков Львович сказал: “Ну, что ж, хорош салон? <...>”» (Гарин 1958, с. 317–318). А это – та же квартира, но уже спустя некоторое время: «По любезному приглашению Абрамсона, я остановился у него и мог ближе наблюдать эту оригинальную фигуру <...> Утром Абрамсон просунул голову в дверь моей комнаты <...> Я вышел к нему в столовую <...> Мы с художником подождали и вошли в его кабинет <...> Зрелище было очень тяжёлое, и я сейчас же вышел назад в столовую» (Гарин 1958, с. 430–431).

Как видим, автор очерков изображает всего три комнаты в доме Абрамсона-Тейтеля – кабинет хозяина (и он же – его спальня), столовую и, судя по всему, некую «гостиную». Была ли это и вся квартира, или в ней были ещё какие-то комнаты, хотя бы хозяйственного назначения, не изображённые автором – ответа на этот вопрос, увы, нет.

Что касается самого «дома Тейтеля», то и здесь есть несколько неясных моментов. Как пишет Р. Чумаш со слов племянницы Я.Л. Тейтеля Нины Исааковны Тейтель, первоначально Тейтели жили в Самаре в доме на углу Садовой и Предтеченской (сегодня – Садовая и Некрасовская, № 72/85), откуда в начале 1890-х гг. переехали в другой дом, находившийся на углу Садовой и Москательной (сегодня – Садовая и Льва Толстого) (Чумаш 1989, с. 3). Именно этот, последний, угловой дом, находящийся на пересечении улиц Льва Толстого и Садовой, отмечен сегодня специальной доской как дом, «в котором находилась квартира судебного следователя Я.Л. Тейтеля, у которого бывал В.И. Ульянов». Между тем, по словам той же Н.И. Тейтель, «дома на углу улиц Садовой и Льва Толстого, где с 1893 по 1897 гг. жил Яков Львович,

теперь не существует» (Чумаш 1989, с. 3). Более обширную географию перемещений семейства Тейтелей по Самаре рисуют обнаруженные нами в фондах СЛМ записки самарского старожила П. Мичурина, датирующиеся декабрём 1952 года: «По приезде в Самару Яков Львович и его жена Екатерина Владимировна проживали в 1886 году на Москательной улице, теперь улица Льва Толстого, в доме Субботина; в 1895 году они переселяются на Садовую улицу, занимают квартиру в доме Киль, № 103, и проживают в ней по 1898 год. В 1899 году они живут на Самарской улице в доме № 181. В годы с 1900 по 1902 занимают квартиру на Садовой улице в доме № 69. В 1903 г. проживают в доме № 88 на углу Самарской и Предтеченской, теперь Некрасовской, и, наконец, в последний год жизни в Самаре они живут на квартире в доме № 96/102 на углу Садовой и Предтеченской, ныне Некрасовской. Жили в Самаре они очень скромно» (Мичурин 1952).

А завершая эту часть наших размышлений о самарских локациях в очерках «В сутолоке провинциальной жизни», укажем на одну то ли писательскую, то ли редакторскую неточность, незаметную извне Самары, но зато бросающуюся в глаза читателю-самарцу. Чтобы было понятно, о чём идёт речь, приведём небольшую цитату из текста очерков: «Они и раньше знали этот город, когда в хорошие годы возили, бывало, сюда свой хлеб на продажу. Две-три тысячи подвод тогда изо дня в день выезжали на хлебную площадь, и с утра до вечера у конторок хлебных торговцев стояла толпа, ожидая очереди расчёта, или, вернее, обчёта, потому что у редкого всё сходило благополучно: того в весе обманут, того в качестве <...> Но если пуста хлебная площадь, заперты конторки, не пускают на постоянные дворы и бегут теперь прочь от голодных деревень тунеядцы, то широко отворяются двери каких-то других, до сих пор не известных деревне квартир и домов» (Гарин 1958, с. 335-336). В процитированном фрагменте дважды фигурирует выражение «хлебная площадь», причём оба раза первое слово написано со строчной буквы. Между тем самарцам хорошо известно, что Хлебная площадь – это название одной из старейших площадей города, где, в самом деле, в течение долгого времени продавали и покупали хлеб, а также и другие продовольственные и промышленные товары. Сохранилось это название и на сегодняшней карте города, и нет никаких сомнений в том, что подолгу живший в Самаре и хорошо знавший её географию Н.Г. Гарин-Михайловский имел в виду не одну из «хлебных» площадей, а совершенно конкретную, являющуюся приметой и в определённом смысле – визитной карточкой Самары, площадь с хлебным именем. Где и как произошла ошибка? Для ответа на этот вопрос необходимо познакомиться с рукописями Гарина, и право ответа на этот вопрос мы оставляем нашим последователям.

Заключение

Итак, рассмотрев некоторые из локаций, изображённых Н.Г. Гариным-Михайловским на страницах цикла очерком «В сутолоке провинциальной жизни», мы можем сделать следующие выводы.

Первое. Набрасывая «портрет» города, Гарин изображает его практически во всей географической протяжённости – с юго-запада, где располагается стрелка рек Волги и Самары, и до его северо-восточных окраин.

Второе. Стремление показать «всю» Самару в плане географической протяжённости сопровождается аналогичным стремлением показать разные социальные этажи городской жизни: здесь и высшая аристократия, которая концентрируется вокруг дома дворянства и губернаторской квартиры, и гораздо более демократические слои, являющиеся завсегдаемыми журфиксов, которые проводятся в квартирах фотографа и Абрамсона, и, наконец, Хлебная площадь – одна из торговых (а значит, многолюдных, в том числе полных самого простого люда) площадей Самары двух последних десятилетий XIX столетия.

Третье. Гарин изображает городские локаций не в виде статичных, удалённых и изолированных друг от друга объектов, – между ними существуют самые разнообразные связи и взаимоотношения. Так, одни из персонажей очерков закреплены за теми или иными локациями и не способны нарушать границ и перемещаться из одной локации в другую, либо могут передвигаться лишь по той или иной раз и навсегда обусловленной, например, их социальным положением траектории (такова траектория губернатора, перемещающегося по траектории «дворянский дом – губернаторская квартира» и не иначе). Напротив другие герои и персонажи свободно перемещаются как в горизонтали городского пространства – с юго-запада на северо-восток и обратно, так и с одного социального «этажа» на другой, – таков, прежде всего, рассказчик, объединяющий собой как различные районы города, так и социальные этажи, закреплённые за теми или иными локациями.

Всё это вместе позволяет рассматривать изображённый на страницах очерков Н.Г. Гарина-Михайловского город как «универсальный семиотический феномен, системно-смысловой универсум, интегрирующий разнообразие принципов жизни человека и общества в условиях своего пространства» (Касаткина 2017, с. 108). Понимаемый так, город выступает в качестве семиотической структуры, «сложнопостроенного смысла», декодируя который только и можно приблизиться к настоящему пониманию гаринской формулы, вынесенной в название цикла – «В сутолоке провинциальной жизни». Обратим внимание, что и в самой этой формуле спрятаны пространственные коннотации: сутолокой обычно называют беспо-

рядочное передвижение большого количества людей в ограниченном пространстве. Именно такой – суматошно-толкающейся на маленьком пятачке между реками Волгой и Самарой – увидел Гарин «провинциальную жизнь» Самары конца позапрошлого столетия. Правда, был в этом взгляде и ещё один существенный, с нашей точки зрения, хоть и малоразличимый аспект, также зафиксированный в языке и сохранившийся в северорусских диалектах, называющих «сутолокой» мучную смесь из различных хлебных злаков. Там, где есть мучная смесь, будет и хлеб – вот об этом-то будущем хлебе «провинциальной жизни» и написаны, на наш взгляд, очерки Н.Г. Гарина-Михайловского, ставшие первой буквой в алфавите «самарского текста».

Библиографический список

Алексушина Т.Ф., Алексушин Г.В., Буданова А.А. Самара, улица Дворянская. Иллюстрированная энциклопедия. Самара: ООО «Офорт», 2009.

Гарин-Михайловский Н.Г. Собрание сочинений: В пяти томах. Том 4. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958.

Жесткова А.В. «Провинциальный текст» Н. Г. Гарина-Михайловского (Очерки «В сутолоке провинциальной жизни») // Вестник СамГУ. 2011. № 4 (85).

Касаткина С.С. Семиотический подход к исследованию города как системы // Философская мысль. 2017. № 6. С. 101–109.

Классика самарского краеведения. Антология. Выпуск 6. Дневник и воспоминания самарского губернатора Александра Дмитриевича Свербеева. Сост. П.С. Кабытов, М.В. Батшев, Э.Л. Дубман, В.А. Тюрин, А.А. Мякотин. Самара: ООО «Слово», 2019.

Мичурин П. Яков Тейтель, 1952 г. // арх. Самар. лит.-мемор. музея им. М. Горького. КП-1148. 3 л. (машинопись).

Поддубная Р.П. Григорий Сергеевич Аксаков. Самара: Стандарт, 2020.

Портнов Г.О. Изображение пространства деревни и города в произведениях Н.Г. Гарина-Михайловского «Несколько лет в деревне» и «В сутолоке провинциальной жизни» // Коды русской классики: «провинциальное» как смысл, ценность и код: материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию заведующего кафедрой русской и зарубежной литературы СамГУ Сергея Алексеевича Голубкова (Самара, 29-30 ноября 2007 года). Самара: Изд-во «Самарский университет», 2008.

Семёнов (Блан) М.И. Революционная Самара 80–90-х годов. Куйбышев: Куйбышевское издательство, 1940.

Чумаш Р. «Ассамблеи» у Тейтеля // Волжская заря. 1989. 25 февраля.

Щукин В.Г. Город и миф: Исследования в области геопоэтики. Москва: Ленанд, 2022.

Davis, Mike (1999), *Ecology of Fear: Los Angeles and the Imagination of Disaster*, Picador, London, UK.

Lynch, K. (1960), *The Image of the Citi*, Technology Press, Cambridge, Massachusetts.

Żyłko, B. (1997), *Czytanie miasta, Tytuł*, Gdańsk, no. 3–4, pp. 22–39.

References

Aleksushina, T., Aleksushin, G., Budanova, A. (2009), *Samara, Dvoryanskaya street*, LLC «Ofort», Samara, Russia.

Garin-Mikhailovsky, N. (1958), *Collected works in five volumes*, vol. 4, State publishing house of fiction, Moscow, Russia.

Zhestkova, A. (2011), «Provincial text» by N. Garin-Mikhailovsky (Essays «In the hustle and bustle of provincial life»), *Vestnik SamGU*, no. 4 (85).

Classics of Samara local history. Anthology. Issue 6. Diary and memoirs of the Samara governor Alexander Dmitrievich Sverbeev (2019), Slovo, Samara, Russia.

Michurin, P. (1952), *Yakov Teitel. Typescript*, Archive of M. Gorky Samara Literary and Memorial Museum, Samara, Russia.

Poddubnaya, R. (2020), *Grigory Sergeevich Aksakov*, Standard, Samara, Russia.

Portnov, G. (2008), The image of the space of the village and the city in the works of N. Garin-Mikhailovsky «Several years in the countryside» and «In the hustle and bustle of provincial life», *Codes of Russian classics: «provincial» as meaning, value and code: materials of the II International scientific and practical conference dedicated to the 60th anniversary of the head of the department of Russian and foreign literature SamGU Sergey Alekseevich Golubkov* (Samara, November 29-30, 2007), Samara University Publishing House, Samara, Russia.

Semyonov (Blanc), M. (1940), *Revolutionary Samara of the 80-90s.*, Kuibyshev publishing house, Kuibyshev, USSR.

Chumash, R. (1989), «Assemblies» at Teitel's, *Volzhsкая Zarya*, February 25.

Shchukin, V. (2022), *City and Myth: Studies in Geopoetics*, Lenand, Moscow, Russia.

Davis, Mike (1999), *Ecology of Fear: Los Angeles and the Imagination of Disaster*, Picador, London, UK.

Lynch, K. (1960), *The Image of the Citi*, Cambridge, Technology Press, Massachusetts.

Żyłko, B. (1997), *Reading the City, Title (Gdańsk)*, no. 3-4, pp. 22–39.

Submitted: 10.03.2023

Revised: 03.02.2023

Accepted: 20.03.2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82.09

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-1-55-63

Дата поступления: 11.01.2023
рецензирования: 24.02.2023
принятия: 20.03.2023

К.А. Сундукова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: sundukova.ka@ssau.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3254-5761>

Мнемонический повествовательный метод в трилогии Аготы Кристоф («Толстая тетрадь», «Доказательство», «Третья ложь»)

Аннотация: в статье предпринят анализ трех романов венгерско-швейцарской писательницы Аготы Кристоф через призму поэтики памяти. Трилогия посвящена репрезентации сознания человека, чья судьба разрушена чередой исторических катаклизмов. Каждый из романов представляет несколько иную версию жизни братьев Лукаса и Клауса, их воспоминаний о травмирующих событиях прошлого. В воспоминаниях героя реальность искажена до такой степени, что само существование брата-близнеца из первого романа ставится под вопрос. На уровне художественного целого возможность реконструкции истинного хода событий постоянно проблематизируется. В этом отношении трилогия может быть рассмотрена с точки зрения реализации в ней мнемонического повествовательного метода – особого повествовательного метода, предполагающего создание фигуры романного героя, чья внутренняя жизнь обращена к прошлому. В основе этого метода лежат сознательная творческая установка на изображение вспоминающего сознания и установка на рефлексию над процессом и способами такого изображения.

Ключевые слова: Агота Кристоф; «Трилогия близнецов»; мнемонический повествовательный метод; поэтика памяти; двойничество; пространственная форма в литературе; метароман.

Цитирование: Сундукова К.А. Мнемонический повествовательный метод в трилогии Аготы Кристоф («Толстая тетрадь», «Доказательство», «Третья ложь») // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 1. С. 55–63. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-55-63>.

Благодарности: автор выражает благодарность Елене Валерьевне Абрамовских за идею применить разрабатываемое автором статьи понятие «мнемонический повествовательный метод» к романам Аготы Кристоф.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Сундукова К.А., 2023 – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

K.A. Sundukova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: sundukova.ka@ssau.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3254-5761>

Mnemonic narrative method in the trilogy by Agota Kristof (“The Notebook”, “The Proof”, “The Third Lie”)

Abstract: the article analyzes three novels by the Hungarian-Swiss writer Agota Kristof through the poetics of memory. The trilogy is dedicated to the representation of the consciousness of the person whose life is destroyed by a series of historical cataclysms. Every novel presents a slightly different version of Lucas and Claus brothers' life, their memories of the past traumatic events. In the hero's memories, the reality is distorted to such an extent that the very existence of the twin brother from the first novel is called into question. At the artistic level, the possibility of reconstructing the true course of events is constantly problematized. In this regard, the trilogy can be considered from the point of view of implementing the mnemonic narrative method in it - a special narrative method, which involves the creation of a novel hero character, whose inner life is

turned to the past. This method is based on a conscious creative approach to description of the retracing mind and an approach to reflection about the process and description methods.

Key words: Agota Kristof; Trilogy of Twins; mnemonic narrative method; poetics of memory; duality; spatial form in literature; metanovel.

Citation: Sundukova, K.A. (2023), Mnemonic narrative method in the trilogy by Agota Kristof (“The Notebook”, “The Proof”, “The Third Lie”), vol. 3, no. 1, pp. 55–63. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-55-63>.

Acknowledgments: the author expresses gratitude to Elena Valerievna Abramovskikh for the idea to apply the concept of the mnemonic narrative method developed by the article author to Agota Kristof’s novels.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Sundukova K.A., 2023 – Candidate degree in Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Вступление

Известные в исследовательской практике под именем «Трилогия близнецов» (“La trilogie de jumeaux”) романы Аготы Кристоф написаны в Швейцарии в интервале с 1986 по 1991 год на французском языке. Переведенные на русский язык в 1997 году, романы «Толстая тетрадь» (“Le grand cahier”) (Kristof 1986), «Доказательство» (“La preuve”) (Kristof 1988) и «Третья ложь» (“Le troisième mensonge”) (Kristof 1991) связаны единым сюжетом и общими персонажами. Полная трагедий и лишений жизнь близнецов Лукаса и Клауса разворачивается в неназванной, но узнаваемой Венгрии на фоне последнего года войны, коммунистической диктатуры, восстания 1956 года и вплоть до современной автору действительности.

Каждый из трех романов может быть прочитан отдельно, однако в общем контексте трилогии содержание каждого из произведений существенно проблематизируется: изменение повествовательных инстанций, неожиданные сюжетные повороты и явные противоречия в предлагаемой читателю истории заставляют воспринимать эти тексты так: *«une mosaïque de vérités et de mensonges qui tournent autour de trois manuscrits différents dans lesquels les auteurs se présentent à chaque fois sous des abords différents»* (Alfaro Amieiro 2011, p. 289); *«мозаика из правды и лжи, которая вращается вокруг трех разных рукописей, в которых авторы каждый раз представляются с разных сторон»* (перевод К.А. Сундуковой).

Постановка задачи

Большинство известных нам работ о трилогии, как русско-, так и франкоязычных (Alfaro Amieiro 2011; Trevisan 2006; Horváth 2012; Дмитриева 2016; Новиков 2005; Фотченкова 1998 и др.), так или иначе затрагивают тему двойничества и ставят одной из основных задач разгадать загадку судьбы героев, а также установить, какие из рассказанных братьями историй являются ложью, а какие истиной, и распутать сложный клубок пове-

ствовательных инстанций. Однозначного решения этих вопросов не предложено. Мы же попробуем подойти к трилогии как текстам, изображающим творческую работу вспоминающего сознания и содержащим рефлексию о творческой природе памяти, чтобы с этих позиций попробовать реконструировать фабулу каждого из трех романов, выявить противоречия в рассказанных братьями историях и с точки зрения имитации автором работы памяти героев объяснить очевидное мотивное сходство всех трех произведений.

Методология

На наш взгляд, продуктивным для понимания трилогии может быть использование понятия мнемонический повествовательный метод, предложенного нами ранее (Сундукова 2018) с опорой на целый ряд исследований о сюжете воспоминания (Аверин 2003, Рымарь 2009 и др.) и о мнемоническом дискурсе (Нюбина 2000, Колышева 2020 и др.). Мнемонический повествовательный метод предполагает, что память и рефлексия о памяти являются ведущим принципом организации художественного целого, ведь, поскольку деятельность памяти по способам обработки материала аналогична процессу мимезиса как творческого акта, память может становиться эстетической доминантой произведения (Сундукова 2013). Характерными чертами мнемонического повествовательного метода являются: 1) установка на поиск истины в прошлом героя и проблематизация возможности обрести эту истину; 2) трансформация творческим субъектом типичных черт мнемонического дискурса, характерного для литературы автосвидетельств; 3) жанровые признаки поэтологического романа, или метаромана (Зусева 2007); 4) авторское завершение процесса воспоминания героя (изображение активности сознания героя по отношению к содержанию его памяти, т.е. мимезис процесса непосредственного воспоминания или использование автором позиции внеаходимости сознанию героя, т.е. изображение пространства памяти героя как системы нечитаемых для героя

«знаков памяти»); 5) элементы пространственной формы (Frank 1945): спиральная композиция; фрагментарность; фабульные лакуны; кумулятивные ряды событий, связанных отношениями внутреннего тождества; возвращение к одним и тем же лейтмотивам-автобиографемам; работа с читательскими ожиданиями при помощи нарушения хронологии повествования, авторских предисловий, двойной мотивировки событий; двойничество в системе персонажей; 6) включение в текст фикциональных паратекстов – предисловий, послесловий и комментариев (Genette 1997); 7) творческое использование автобиографического материала. Большинство этих признаков свойственны и рассматриваемым нами романам Аготы Кристоф.

Ход исследования

1. Специфика повествования в романе

Для начала необходимо представить краткую характеристику повествовательных инстанций в трех романах трилогии. Этот вопрос в целом уже хорошо изучен, и мы будем опираться на существующие исследования (Абрамовских, Дмитриева 2021; Alfaro Amieiro 2011 и др.).

Достаточно просто решается вопрос о статусе первой истории, изложенной в романе «Толстая тетрадь». Роман представляет собой написанный в первом лице множественного числа дневник братьев Лукаса (Lukas) и Клауса (Claus).

Во втором романе оказывается, что содержание первой книги является выдумкой одного из героев, основанной на трансформации жизни одинокого, всеми покинутого ребенка, который, не в силах поддерживать собственную идентичность, придумывает себе брата-близнеца и любящих, но лишенных возможности участвовать в их судьбе родителей: повествователь, ведущий рассказ в третьем лице единственного числа настоящего времени, на первый взгляд кажется всезнающим автором, но в конце романа отождествляется с одним из братьев – автором написанного им текста – и оказывается ненадежным нарратором (Абрамовских, Дмитриева 2019). Однако кто из двух братьев придумал другого: Лукас, оставшийся в приграничном городке К., или Клаус, возвращающийся из-за границы в конце второго романа? Истории Лукаса (Lucas) и Клауса (Claus), развивающиеся параллельно с 1945 года, исключают друг друга, и одна из них должна непременно оказаться ложной, поскольку в них действуют персонажи с одинаковыми именами и схожими сюжетными функциями. Так, в одной из них Петер Н. – партийный работник, гомосексуалист и друг Лукаса; а в другой – человек, приютивший Клауса после бегства за границу; Клара – вдова революционера Томаса, участница восстания 1956 г., любовница Лукаса; и одновременно – жена Петера Н., научившая спасенного ими Клауса любви.

Вернувшийся на родину Клаус утверждает, что он лишь дописывает найденную рукопись своего пропавшего брата, однако приложенный к делу полицейский протокол гласит:

“Nous avons naturellement, pour des raisons de sécurité, examiné le manuscrit en possession de Claus T. Il prétend, par ce manuscrit, prouver l’existence de son frère Lucas qui en aurait écrit la plus grande partie, lui-même, Claus, n’ayant ajouté que les dernières pages, le chapitre numéro huit. Or l’écriture est de la même main du début à la fin et les feuilles de papier ne présentent aucun signe de vieillissement. La totalité de ce texte a été écrite d’un seul trait, par la même personne, dans un laps de temps qui ne peut remonter à plus de six mois, c’est-à-dire par Claus T. lui-même pendant son séjour dans notre ville” (Kristof 1988, p.185).

«Естественно, в целях безопасности мы изучили рукопись, находящуюся в распоряжении Клауса Т. Он утверждает, что эта рукопись доказывает существование его брата Лукаса, который будто бы написал ее большую часть, тогда как он, Клаус, добавил только последние страницы, главу восемь. Но почерк совершенно одинаковый от начала до конца, и листы бумаги не обнаруживают признаков старения. Весь текст написан одновременно, одним и тем же человеком, в период времени, не превышающий шести месяцев, то есть самим Клаусом Т. во время его пребывания в нашем городе» (Кристоф 2018, с. 305–306).

Роман «Доказательство» содержит восемь глав, таким образом, мы читаем именно ту рукопись, о которой идет речь в протоколе. Впрочем, упоминание “la grand-mère prétendue de Claus T.” (Kristof 1995, p. 189) – «так называемой бабушки Клауса Т.» (Кристоф 2018, с. 306) – создает ощущение, что текст рукописи может включать и дневник братьев. (Отметим в скобках, что полицейский протокол, которым завершается роман «Доказательство», в терминологии Жерара Женетта может быть рассмотрен в качестве фиктивного акториального послесловия; подобные паратексты, по нашим наблюдениям, довольно часто используются для проблематизации недостоверности памяти в мнемоническом повествовании.)

В следующем романе мы узнаем, что и сам герой отдает себе отчет в том, что никогда не жил в городке К. с братом и приехал туда один, из приюта, где лечился от хромоты, вызванной непонятной болезнью. Клаус Т. вспоминает, что при переходе границы он солгал:

“L’enfant sige le procès-verbal dans lequel se trouvent trois mensonges. L’homme avec qui il avait traversé la frontière n’était pas son père. L’enfant n’a pas dix-huit ans, mais quinze. Il ne s’appelle pas Claus” (Kristof 1991, p. 91).

«Мальчик подписывает протокол, в котором содер- жится тройная ложь. Человек, с которым он

перешел границу, не был ему отцом. Мальчику не восемнадцать лет, а пятнадцать Его зовут не Клаус» (Кристоф 2018, с. 372).

Последний роман, имеющий знаковое название «Третья ложь», усложняет имеющиеся противоречия. Отметим что в переводе предыдущего цитируемого нами отрывка, выполненном А. Беляевой, упущена важная деталь, которая проливает дополнительный свет на смысл заглавия третьего романа: фразу «dans lequel se trouvent trois mensonges» дословно следует переводить не «тройная ложь», а «три лжи», в таком случае фраза «Il ne s'appelle pas Claus» («Его зовут не Клаус») в этом контексте оказывается как раз «третьей ложью» («Le troisième mensonge»). Наряду с Клаусом-Лукасом, удваивавшим историю своей жизни, в последнем романе возникает еще одно «Я» – Клаусс (Klaus), поэт, публикующий свои стихи (в романе они не приводятся) под псевдонимом Клаусс Лукас (Klaus Lucas). Встретившись с Клаусом Т., он старается скрыть от того правду об их родстве и об истории разлучения братьев, которая гораздо более прозаична, чем рассказанная в «Толстой тетради» романтическая версия о спасении братьев-близнецов от бомбежек вдали от столицы, в доме у бабушки-ведьмы. Уличив Отца в измене, Мать стреляет в него и убивает, но случайно ранит и одного из своих сыновей. Потерявшая рассудок от горя, женщина не в состоянии следить за судьбой Лукаса, помещенного в лечебницу, и после одной из бомбардировок он теряется из вида. Вина в трагедии, мать может теперь любить лишь потерянного сына, а взявший на себя все заботы о матери Клаусс является постоянным предметом ее раздражения. В пятьдесят лет, при встрече с братом-близнецом, Клаусс инсценирует для него совершенно иную версию событий своей счастливой жизни, чтобы не допустить воссоединения брата с матерью.

Третий роман разделен на две части, каждая из которых в повествовании от первого лица прошедшего времени репрезентирует взгляд одно-

го из братьев (в первой части – Лукас-Клаус Т. (Lucas-Claus), во второй – Клаусс (Klaus)). Однако стиль, упоминаемые локации и образный ряд этих частей, написанных якобы разлученными в четырехлетнем возрасте братьями, идентичны. В связи с этим возникает серия текстов, якобы написанных разными субъектами, реальность и достоверность которых последовательно проблематизируется и которые не могут быть однозначно соотнесены с текстом, непосредственно нами читаемым. Для наглядности представим повествовательные инстанции романа в виде таблицы (табл. 1).

2. Проблема реконструкции фабулы трех романов

Каждый из романов предлагает свой вариант произошедших с братьями событий. Попробуем последовательно представить варианты истории близнецов в виде таблицы, при этом важно отметить, что границы версий не всегда соотносимы с границами того или иного романа (табл. 2).

Возникает ситуация принципиальной невозможности непротиворечиво пересказать текст романа. По наблюдению исследователей, «типологические ряды можно продолжать и продолжать, при этом рассказать содержание трех романов практически невозможно, так как ухватившись за одну линию, будешь неизбежно сбиваться и оговариваться до тех пор, пока пересказ не станет цепью оговорок и пояснений. В этом смысле три романа, объединенные судьбой Клауса-Лукаса, вообще трудно назвать трилогией, ибо связь друг с другом всех трех текстов весьма условна. Перед нами, по сути дела, роман-тройчатка, все ходы которого повторяются в новом смысловом поле по несколько раз, чем достигается иллюзия кружения над одними и теми же неразрешимыми вопросами, такими, например, как смысл жизни, память, любовь во всех ее проявлениях, смерть, преступление, творчество» (Матвеева, Ахмадулина 2020, с. 238). Более того, каждая из представленных версий также внутренне противоречива. Станным представляется, например, что в выдуманной версии

Таблица 1

Повествовательные инстанции в трилогии

Table 1

Narrative instances in the trilogy

«Толстая тетрадь»	Дневник близнецов (коллективный повествователь, «мы»)
«Доказательство»	Повествование ведется от третьего лица. Роман рассказывает о жизни Лукаса, его исчезновении и возвращении в город Клауса Т. (которого многие принимают за самого Лукаса). Упоминаются записки героя, текст которых содержит 8 глав, как и текст самого романа.
«Третья ложь»	Записки Клауса Т. (на самом деле это Лукас), переданные Клауссу и продолженные им. Повествование ведется от первого лица, но в каждой части повествователь меняется. Воспоминания о прошлом Клауса Т. излагаются от третьего лица.

Таблица 2

Варианты истории братьев в разных частях трилогии

Table 2

Variants of the history of the brothers in different parts of the trilogy

«Толстая тетрадь»	«Доказательство»	«Третья ложь»		
		Часть 1	Часть 2	
1939–1944 годы				
Детство в Большом Городе, разлучение в школе. Воссоединение; отъезд Отца на фронт.		Уход Отца, убийство. Жизнь Клаусса с Антонией, любовь к Саре. Поездка к родителям Сары в К., возвращение в Большой Город.		
Братья живут у Бабушки.	Лукас болен и находится в лечебнице. Клаусс остается в городе.	Лукас живет в больнице, после бомбардировки уезжает в К.		
1945–1980-е годы				
Лукас остается в К., усыновляет Матиаса, убивает Ямину, покупает книжный магазин. Революция 1956 года. История с Klarой. После самоубийства Матиаса исчезает, возможно, живет в лесу. Клаус переходит границу, хитроумно воспользовавшись гибелью Отца, и отправляется за границу, вернувшись в К. – дописывает рукопись Лукаса.	Лукас живет в К. и выдумывает себе брата Клауса, чтобы пережить травмирующее одиночество в прошлом. Усыновляет Матиаса, убивает Ямину, покупает книжный магазин. Революция 1956 года. История с Klarой. После самоубийства Матиаса уезжает из страны, а вернувшись, представляется Клауссом и создает записки от имени двух братьев.	Клаус (на самом деле Лукас Т.) переходит границу вместе с мужчиной, которого потом выдаст за своего отца, живет за границей, вернувшись в К. – выдумывает Лукаса и пишет роман. Узнав о своей смертельной болезни, встречается с Клауссом и кончает с собой, бросившись под поезд.	Клаусс женится на Саре, у них рождаются дети, живущие в К.	Клаусс отталкивает Сару, так как она является его сестрой, работает в типографии и ухаживает за матерью.
			Клаусс пишет стихи под псевдонимом Клаусс-Лукас. Лукас кончает с собой.	

LITERATURE STUDIES

Клаусса-Лукаса его жизнь с Сарой разворачивается в декорациях того же города, где прожил часть своей жизни Лукас, и перекликается с историей Лукаса, которая Клауссу Т. не может быть известна. С другой стороны, признавая одну из версий подлинной, мы отказываем части персонажей и событий в истинности, в то время как они внутренне убедительны. Эти факты заставляют нас предполагать, что подлинной в художественном мире романа не является ни одна из рассказанных историй, все они в художественном мире трилогии обладают равной убедительностью.

3. Повествование «Трилогии близнецов» как вариант мнемонического повествовательного метода

При всех различиях между предлагаемыми нам историями нельзя не обратить внимание и на их сходство. Нарочитая противоречивость разных вариантов истории подчеркивает единство содержащихся в них мотивов и образов, которое не может объясняться только лишь единством сюжета (табл. 3).

Рассматривая «Трилогию близнецов» как метатекст, нетрудно увидеть, что ее скрепляет не столько единство фабулы, сколько система лейт-

мотивов, и при различии событий каждой из версий истории сохраняются и разрабатываются одни и те же проблемные ситуации и яркие образы. Это соответствует принципам работы памяти, сближающей по ассоциативному принципу события, между собой не связанные. В результате сложной системы со- и противопоставлений у читателя возникает ощущение, что, возможно, события одной из версий могли послужить прототипом для создания других, или же мы имеем дело с чередой искаженных воспоминаний о некоей первоначальной истории, которая нам неизвестна.

Важным для понимания трилогии является и тот факт, что в разных версиях истории Клаус (или Клаусс) создает прозаический или поэтический текст о Лукасе, он ищет утраченного Лукаса, причем зачастую Лукас – это он сам. Характерен в этом отношении сон героя третьего романа, в котором он путает себя и брата (в духе стоппардовской трагикомедии, где Розенкранц и Гильденстерн никак не могут разобраться, кто из них кто):

“Je dis:
– C’est moi, Claus.
– Claus, quell Claus?”

– *Vous avez bien un fils nommé Claus?*
 – *Notre fils et ici, dans la maison. Avec nous. Allez-vous-en.*
L'homme s'éloigne de la porte. Je recommence à sonner, je frappe, je crie:
 – *Père, père, laissez-moi entrer. Je me suis trompé. Mon nom est Lucas. Je suis votre fils, Lucas*” (Kristof 1992, p.102)
 «Я говорю:
 – Это я, Клаусс.
 – Клаусс, какой Клаусс?
 – У вас ведь есть сын по имени Клаусс?
 – Наш сын здесь, в доме. С нами. Уходите. Мужчина отходит от двери. Я снова звоню, потом стучу, я кричу:
 – Отец, Отец, впустите меня. Я ошибся. Мое имя Лукас. Я ваш сын Лукас» (Кристоф 2018, с. 380)

Страшные сны в романе «Третья ложь» погружают нас в подсознательное героя. Они демонстрируют не только вытесненные его памятью страхи, но также и странное сходство первой и второй частей романа, которые мыслятся как тексты, принадлежащие перу двух братьев. Сон и явь сливаются, так, Лукасу снится, что он убивает ударом по голове Клаусса, а Клаусс, ничего не знаящий о сне брата, рассказывает о падении на ступеньках дома и ране на голове. Существование двух братьев в романе последовательно ставится под сомнение, а стилистическое и мотивное сходство всех версий вербализуется, как, например, в цитированном выше полицейском отчете и ряде других эпизодов. Хочет ли автор, чтобы мы поверили, будто описанная последней биография Клаусса отражается во всех «зеркала» трилогии, или, быть может, и сам

Таблица 3

Единство мотивов и образов романов трилогии «Третья ложь»

Table 3

The unity of motives and images of the novels of the trilogy "The Third Lie"

«Толстая тетрадь»	«Доказательство»	«Третья ложь»
Заячья Губа – девочка, родившаяся уродливой	Матиас, родившийся калеккой, так как Ясмينا скрывала беременность	Лукас Т., проведенный несколько лет в больнице и ставший калеккой после ранения
Самоубийственный поступок Заячьей губы, добровольно отдающей солдат	Самоубийство Матиаса	Самоубийство Лукаса
	Виктор (писатель-алкоголик, убивший сестру, мешавшую ему работать и считавшую его неудачником)	Лукас-Клаус, отмечающий невозможность писать без алкоголя и сигарет; Клаусс, подвергающийся постоянным нападениям матери как неудачник
Заячья губа, заботящаяся о немощной матери		Клаусс, работающий по ночам, так как днем заботится о матери
Бабушка, убившая своего мужа много лет назад и ухаживающая за его могилкой. Имя деда – Клаусс-Лукас Т.		Мать, убившая отца из ревности. Имя на могиле отца – Клаусс-Лукас Т.
	Ясмينا, родившая Матиаса от отца	Любовь Сары и Клаусса
Отъезд из Большого Города братьев у Бабушки в К.		Бегство Антонии, Сары и Клаусса в К. к родителям Антонии
Клаус и Лукас, играющие на губной гармошке в забегаловках	Лукас, зарабатывающий игрой на гармошке в К.	Хромой мальчик с губной гармошкой, которого видит Клаусс в К.
Мать, вернувшаяся за близнецами с любовником и с младенцем на руках		Антония и ее высокопоставленные «друзья» и новые дети
Бабушка не отдает близнецов в школу, рассказывая вымышленный случай о том, что они ослепли и оглохли в результате бомбардировки в больнице		Бомбардировка больницы, где Лукас лечится после выстрела, гибель
Лукас, подмешивающий Отцу снотворное накануне перехода границы, чтобы подготовиться к побегу		Клаусс, подмешивающий Матери снотворное, чтобы она не встрети-лась с Лукасом

Клаусс – фантом, порождение сознания неизвестного нам Лукаса или какого-то другого вспоминающего сознания? Последнее представляется более вероятным.

В любом случае перед нами «двуплановая художественная структура, где предметом для читателя становится не только “роман героев”, но и мир литературного творчества, процесс создания этого “романа героев”» (Зусева 2007, с.36). И, что типично для мнемонического повествовательного метода, рефлексия о творческом процессе является одновременно и рефлексией о границах и возможностях памяти. Общность и различия, связывающие существующие версии жизни близнецов, предстают в трилогии как результат длительной редактуры, трансформации событий, о которых невозможно забыть, но и вспоминать о них невыносимо. Отменяя и подтверждая друг друга, дwoящиеся события и персонажи разных версий создают сложную пространственную форму, когда смысл произведения постигается через одновременное восприятие в пространстве фрагментов, которые при обычном последовательном чтении кажутся не связанными друг с другом (Frank 1945). Травма, лежащая в основе каждой из версий, становится все более острой по мере изложения событий. Так, разлука с любимыми оказывается уже не результатом трагических внешних обстоятельств, а следствием измены Отца и нелюбви Матери к одному из сыновей, а также ее вины в инвалидности второго.

Рефлексия о возможности поиска истины через воспоминание становится, таким образом, одной из ключевых тем трилогии. Герои-мнемонисты, создавая мемуары, не скрывают того факта, что они изменяют прошлое, корректируют его, исходя из разных задач – практических (как Клаусс), эмоционально-психологических (Клаус-Лукас). Переписывание, трансформация становится основной творческой стратегией читаемого нами произведения:

“Je lui dis que j’essaie de raconter mon histoire, mais que je ne le peux pas, je n’en ai pas le courage, elle me fait trop mal. Alors, j’embellis tout et je décris les choses non comme elles se sont passées, mais comme j’aurais voulu qu’elles se soient passées” (Kristof 1992, p.14)

«Я говорю, что пытаюсь рассказывать свою жизнь, но не получается, не хватает мужества, мне слишком больно. Тогда я начинаю приукрашивать, описываю вещи не так, как они происходили, а так, как мне хотелось бы, чтобы они произошли» (Кристоф 2018, с. 312)

Возникает ощущение, что воспоминание рождается непосредственно на глазах читателя, который, погружаясь в пучину противоречивых вариантов истории о разлучении близнецов, все лучше усваивает стоящую за ними трагедию одиночества и покинутости, невозможности единства личности

(Horváth 2012), «кризис личности в эпоху войны, когда нарушаются все привычные причинно-следственные связи» (Дмитриева 2016, с. 99). Это и есть то главное, что не может подвергнуться редактуре.

“Il y en avait beaucoup plus au départ, mais ils le reprenait, les corrigeait, éliminant tout ce qui n’était pas indispensable. S’il en avais eu le temps, je crois qu’il aurait tout éliminé.

Claus secoue la tête:

- Non, pas tout. Il en aurait gardé l’essentiel. Pour moi” (Kristof 1995, p.188-189).

«Вначале их было гораздо больше, но он все время перечитывал их, исправлял, выбрасывал все, что не было необходимым. Если бы у него хватило времени, я думаю, он бы выбросил все.

Клаус качает головой:

– Нет не все. Он бы оставил главное. Для меня» (Кристоф 2018, с.296).

Пикантность этой цитаты состоит в том, что собеседник героя уверен, что отдает дневники самому автору, вернувшемуся в город инкогито, а вовсе не его мифическому брату. Однако так ли это в действительности, читатель не знает. Двойничество, пронизывающее всю систему персонажей «Трилогии близнецов», по нашим наблюдениям, также является элементом пространственной формы и одним из важнейших приемов, которым самые разные авторы (от Пруста до Набокова) пользуются, чтобы добиться позиции вненаходимости по отношению к памяти. Дробление пережитого опыта, передача его другому лицу – способ объективировать произошедшее, посмотреть на него со стороны.

Переработка опыта памяти через создание произведения – то, что изображено в романе Аготы Кристоф. Однако это происходит не только с героями романа. Мнемонический повествовательный метод зачастую формируется как авторская рефлексия над проблемами индивидуальной (Сундукова 2020) и исторической (Сергеева, Сундукова 2022) памяти. Трилогия Аготы Кристоф не является исключением. Существуют свидетельства о том, что история близнецов является художественной трансформацией непосредственно пережитого автором опыта. Биографическая конкретика, связанная с судьбой братьев, вымышленна, однако она в гиперболизированной форме отражает реальный детский опыт автора и ее поколения: «В целом ряде своих высказываний А. Кристоф признается, что начала писать, чтобы рассказать о собственном детстве в Венгрии своим детям, причем изначально в качестве героев выступала сама рассказчица и ее старший брат Яно, оставшийся в Венгрии. Но вскоре нарративная конструкция «я и мой брат» ей показалась громоздкой, тяжелой, так родилась мысль о близнецах. Упомянув о брате, Кристоф, что чрезвычайно важно для понимания ее творчества, несколько раз говорит о том, что он тоже писал романы, причем писал о тех же самых людях, о том же

самом времени, которое было для них общим временем военного и послевоенного детства. Так что «близнецы» в действительности оказываются такими даже больше, чем это можно было бы ожидать» (Матвеева, Ахмадуллина 2020, с. 234-235.). Но история разлученных братьев, испытывающих друг к другу такие сложные чувства, в конечном счете оказывается реализацией не личной травмы, запечатленной в чьей-то индивидуальной памяти, а разработкой травмы коллективной, метафорой раздела Венгрии в результате Трианонского договора, последующего опыта политической истории Венгрии XX века, драмы эмиграции. Создавая историю Лукаса и Клаус(с)а, чье детство прошло в городе К., так похожем на родной город писательницы – Кёсег, заставляя их на собственном опыте пережить драматические события венгерской истории XX века, Агота Кристоф запускает процесс фикционализации прошлого, и этот процесс не останавливается и в рамках художественного целого романа, герои которого продолжают пересоздавать прошлое в своих мнемонических текстах в поисках истины.

Заключение

Таким образом, текст «Трилогии близнецов» Аготы Кристоф, с одной стороны, имитирует процесс непосредственного воспоминания, опираясь на мнемонические жанры дневника и записок; с другой стороны – проблематизирует достоверность воспоминания. Это дает нам возможность описать повествовательный метод трилогии как «мнемонический повествовательный метод», то есть способ художественного постижения реальности, внутреннего мира романного героя и творческих аспектов процесса воспоминания, когда на всех уровнях произведения осуществляется подражание механизмам работы памяти, а сюжет, композиция, система персонажей, повествовательная структура такого романа являются элементами поэтики памяти.

Библиографический список

Kristof, A. (1986), *Le Grand Cahier*; Editions du Seuil, Paris, France.
 Kristof, A. (1995), *La Preuve*, Editions du Seuil, Paris, France.
 Kristof, A. (1991), *Le Troisième mensonge*, Editions du Seuil, Paris, France.
 Alfaro Amieiro, M. (2011), *Gémellité, dédoublement et changement de perspectives dans la trilogie d'Agota Kristof: Le Grand cahier, La Preuve, Le Troisième mensonge, Revista de estudios franceses, Monografias 2*, pp. 283–306.
 Genette, G. (1997), *Paratexts. Thresholds of interpretation* (Translated by Jane E. Lewin), *Literature, Culture, Theory* (20), Cambridge University Press, DOI: <http://doi.org/10.1017/SVO9780511549373>.

Trevisan, C. (2006), *Les enfants de la guerre: Le Grand Cahier d'Agota Kristof, Amnis*, no. 6, [online], available at: <http://journals.openedition.org/amnis/952> (Accessed 30 January 2023), DOI: <http://doi.org/10.4000/amnis.952>.

Horváth, C. (2012), *L'impossible intégrité de l'individu : sur la trilogie d'Agota Kristof, Études romanes de Brno*, vol. 33, iss. 1, pp. 295–302.

Frank, J. (1945), *Spatial Form in Modern Literature: An Essay in Two Parts, The Sewanee Review*, vol. 53, no. 2 (Spring, 1945), pp. 221–240.

Кристоф А. Толстая тетрадь / пер. с фр. А. Беляк. Санкт-Петербург: Азбука, 2017.

Абрамовских Е.В., Дмитриева Ю.А. Энигматическая интрига в «Трилогии близнецов» А. Кристоф // Поволжский педагогический вестник. 2019. №4 (25). С. 26–32.

Аверин Б.В. Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. Санкт-Петербург, 2003. 399 с.

Дмитриева Ю.А. Разрушение личности в условиях войны (на примере романа А. Кристоф «Толстая тетрадь») // Филологические этюды. Сборник научных статей молодых ученых. Саратов, 2016. С. 95–99.

Зусева, В. Б. Инвариантная структура и типология метаромана // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2007. № 7. С. 35–44.

Колышева О.Н. Нарратив как мнемонический текст (на материале нарративов «детей войны») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. N 2. С. 398–411. DOI: <http://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-398-411>.

Матвеева Ю.В., Ахмадуллина А.С. Поколение 1956 года в венгерской литературе: феномен Аготы Кристоф // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 1 (196). С. 230–243. DOI: <http://doi.org/10.15826/izv2.2020.22.1.016>.

Новиков В. Под знаком близнецов // Кристоф А. Толстая тетрадь. Санкт-Петербург, 2005. С. 5–10.

Нюбина Л.М. Воспоминание и текст. Смоленск, 2000. 161 с.

Роганова И.С. Историческое прошлое в романах Петера Вайса, Уве Йонсона, Марианны Фриц и Аготы Кристоф // Вопросы гуманитарных наук. 2007. № 6 (33). С. 88–89.

Рымарь Н.Т. Воспоминание и повествование. К проблеме аутентичности художественного высказывания // Поэтика русской литературы: сб. статей. Москва, 2009. С. 15–26.

Сергеева Е.Н., Сундукова К.А. Границы исторического в современной отечественной романистике (В. Шаров, Л. Улицкая, Д. Быков, Е. Водолазкин) // Филология и культура. 2022. № 3 (69). С.

161–167. DOI: <http://doi.org/10.26907/2074-0239-2022-69-3-161-167>.

Сундукова К.А. Память как поэтологический принцип в искусстве романа (на материале творчества Г.И. Газданова, В.В. Набокова, Ю.В. Трифонова): дис. канд. филол. наук. Самара, 2018. 217 с.

Сундукова К.А. Память об отце как память о Другом: «Отблеск костра» Ю. В. Трифонова и «Дар» В. В. Набокова // Другой в литературе и культуре: сборник научных трудов. 2021. Т. 2. С. 185–205.

Сундукова К.А. Поэтика и поэтология памяти: проблема отражения вспоминающего сознания в художественном тексте // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. Т. 15. № 2–4. С. 1056–1059.

Фотченкова Е. Агота Кристоф. Толстая тетрадь. Страшные сказки для взрослых // Знамя. 1998. № 10. С. 220–222.

References

- Kristof, A. (1986), *Le Grand Cahier*, Editions du Seuil, Paris, France.
- Kristof, A. (1995), *La Preuve*, Editions du Seuil, Paris, France.
- Kristof, A. (1991), *Le Troisième mensonge*, Editions du Seuil, Paris, France.
- Alfaro Amieiro, M. (2011), Gémellité, dédoublement et changement de perspectives dans la trilogie d'Agota Kristof: Le Grand cahier, *La Preuve, Le Troisième mensonge, Revista de estudios franceses*, Monografías 2, pp. 283–306.
- Genette, G. (1997), Paratexts. Thresholds of interpretation (Translated by Jane E. Lewin), *Literature, Culture, Theory* (20), Cambridge University Press, DOI: <http://doi.org/10.1017/CBO9780511549373>.
- Trevisan, C. (2006), Les enfants de la guerre: Le Grand Cahier d'Agota Kristof, *Amnis*, no. 6, [online], available at: <http://journals.openedition.org/amnis/952> (Accessed 30 January 2023), DOI: <http://doi.org/10.4000/amnis.952>.
- Horváth, C. (2012), L'impossible intégrité de l'individu : sur la trilogie d'Agota Kristof, *Études romanes de Brno*, vol. 33, iss. 1, pp. 295–302.
- Frank, J. (1945), Spatial Form in Modern Literature: An Essay in Two Parts, *The Sewanee Review*, vol. 53, no. 2 (Spring, 1945), pp. 221–240.
- Abramovskikh, E.V., Dmitrieva, I.A. (2019), Enigmatic intrigue in the “Trilogy of the Twins” by A. Kristof, *Volga Pedagogical Bulletin*, no. 4 (25), pp. 26–32.
- Averin, B.V. (2003), *The gift of Mnemosyne: Nabokov's novels in the context of the russian autobiographical tradition*, Saint-Petersburg, Russia.
- Dmitrieva, I.A. (2016), Destruction of personality in war (on the example of A. Christoph's novel "Thick Notebook"), *Philological Etudes. Collection of scientific articles of young scientists*, Saratov, pp. 95–99.
- Fotchenkova, E. (1998), Agota Christoph. The Notebook. Scary Tales for Adults, *Znamya*, no. 10, pp. 220–222.
- Kolysheva, O.N. (2020), The Narrative as a Mnemonic Text (Based on “Children of War” Narratives), *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, no. 11(2), pp. 398–411, DOI: <http://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-398-411>.
- Matveeva, Yu.V., Akhmadullina, A.S. (2020), Generation 1956: The Phenomenon of Ágota Kristóf, *Izvestia. Ural Federal University Journal, Series 2: Humanities and Arts*, vol. 22, no. 1 (196), pp. 230–243, DOI: <http://doi.org/10.15826/izv2.2020.22.1.016>.
- Novikov, V. (2005), *Under the sign of twins, Christoph A. Thick notebook*, Saint-Petersburg, pp. 5–10.
- Nyubina, L.M. (2000), *Memory and text*, Smolensk, Russia.
- Roganova, I.S. (2007), The historical past in the novels of Peter Weiss, Uwe Johnson, Marianne Fritz and Agota Christoph, *Issues of the Humanities*, no. 6(33), pp. 88–89.
- Rymar, N.T. (2009), Memory and narration. On the problem of the authenticity of artistic expression, *Poetics of Russian Literature: Sat. articles*, Moscow, pp. 15–26.
- Sergeeva, E.N., Sundukova, K.A. (2022), Boundaries of the historical in modern russian novelistics (V. Sharov, L. Ulitskaya, D. Bykov, E. Vodolazkin), *Philology and Culture*, no. 3 (69), pp. 161–167, DOI: <http://doi.org/10.26907/2074-0239-2022-69-3-161-167>.
- Sundukova, K.A. (2018), *Memory as a poetological principle in the art of the novel* (based on the work of G.I. Gazdanov, V.V. Nabokov, Yu.V. Trifonov): PhD thesis, Samara.
- Sundukova, K.A. (2021), The memory of the father as a memory of the Other: “The bonfire reflection” by Yu. V. Trifonov and “The Gift” by V. V. Nabokov, *Another in description and culture: a collection of scientific papers*, vol. 2, pp. 185–205.
- Sundukova, K.A. (2013), Poetics and poetology of memory: the problem of reflecting the memory of consciousness in a literary text, *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, vol. 15, no. 2–4, pp. 1056–1059.
- Zuseva, V.B. (2007), Invariant structure and typology of the metanovel, *Vestnik RSUH. Series: History. Philology. Culturology. Oriental studies*, no. 7, pp. 35–44.

Submitted: 11.01.2023

Revised: 24.02.2023

Accepted: 20.03.2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82.9

DOI: 10.18287/

Дата поступления: 11.01.2023
рецензирования: 13.02.2023
принятия: 20.03.2023

С.В. Лелюхин

АНО ДПО «НОЦ «Компас»
г. Саратов, Российская Федерация
E-mail: s.lel@list.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2919-9506>

Учитель и власть: эволюция профессиональных требований в 1920–1930 годы

Аннотация: изучение начального советского этапа истории общего образования важно как для понимания преобразовательных процессов в советском обществе в целом, так и в сравнительной перспективе советского и постсоветского обществ. Особую актуальность этой теме придаёт тот факт, что в соответствии с указом президента России 2023 год объявлен Годом педагога и наставника. Определив в качестве предмета исследования воздействие государства на формирование приоритетов профессиональной деятельности в общем образовании, автор выделил воспитательное и учебное направление работы. Проведён анализ архивных документов, хранящихся в фондах Государственного архива новейшей истории Саратовской области. Изучены документы с 1918 года по 1941 год в рамках двух исторических периодов. Первый период от принятия положения «О единой трудовой школе» до 1930 года, возврата к стабильным программам и учебникам, а второй период с 1930 года до начала Великой Отечественной войны (1941 г.). В результате исследования установлено, что на смену лояльности к содержанию образовательных программ в двадцатых годах пришло усиление контроля в тридцатых годах. Для этого периода характерно расширение спектра объектов контроля деятельности учителей, среди которых были и успеваемость учащихся, и санитарное состояние школ, работа персонала школы, включая оценку соблюдения правил каллиграфии учителями при выставлении оценок в тетрадях учеников. Приоритетной оставалась воспитательная работа, поскольку учебная программа по любой дисциплине была связана с коммунистическим воспитанием. Социалистическое соревнование в школе стало инструментом контроля профессиональной деятельности учителей. В социалистическое соревнование образовательные учреждения были вовлечены наряду с предприятиями производственной сферы. Для школ это явилось объединением в одном инструменте обоих векторов контроля деятельности учителей, воспитательной и учебной работы. Широко распространенная практика игнорирования выполнения условий социалистического соревнования свидетельствует о его видимости. Это подтверждают сохраненные в областном архиве данные о случаях сознательного нарушения установленного порядка работы, имитации социалистического соревнования.

Ключевые слова: учитель; контроль государства; социальная история; неовеберизм; социалистическое соревнование.

Цитирование: Лелюхин С.В. Учитель и власть: эволюция профессиональных требований в 1920–1930 годы // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 1. С. 64–71. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-64-71>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Лелюхин С.В., 2023 – кандидат социологических наук, доцент, заместитель директора по научно-методической работе, Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «Научно-образовательный центр «Компас», 410012, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Университетская, д. 36, стр. 1, к. 417.

SCIENTIFIC ARTICLE

S.V. Lelyukhin

Scientific and Educational Centre – Compass,
Autonomous Non-profit Organization
of Additional Professional Education,
Saratov, Russian Federation
E-mail: s.lel@list.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2919-9506>

Teacher and power: the evolution of professional requirements in the 1920–1930s

Abstract: the study of the initial Soviet stage of the general education history is important both for understanding the transformative processes in the Soviet society as a whole, and for comparing the Soviet and post-Soviet societies. This issue is particularly topical due to the fact that, in accordance with the decree of the President of Russia, 2023 has been declared the Year of Teacher and Mentor. Having defined the impact of the state on the formation of priorities for professional activities in general education as the subject of research, the author highlights the educational and pedagogic course of work. An analysis of archival documents stored in the funds of the State Archive of Recent History of the Saratov Region was carried out. 1918 - 1941 Documents were studied within the framework of two historical periods. The first period started with the adoption of the "On a unified labor school" provision and ended in 1930 with return to stable programs and textbooks, the second period started in 1930 and ended with the beginning of World War II (1941). As a result of the study, it was found that loyalty to the content of educational programs in the twenties was replaced by increased control in the thirties. This period is characterized by the of teachers' activities monitoring expansion that included student performance, the sanitary condition of schools, the school staff performance, assessment of the calligraphy rules observing by teachers when putting grades in students' notebooks. Educational work remained a priority, since the curriculum in any discipline was associated with the communist education. The socialist competition in the school became a tool for controlling the professional activities of teachers. Educational institutions were involved in the socialist completion along with industrial enterprises. For schools the competition combined both vectors of teachers' activities control and educational and pedagogic work in one tool. The widespread practice of ignoring the fulfillment of socialist competition conditions testifies to its visibility. The data, stored in the regional archive, on cases of conscious violation of the established work order, socialist competition imitation confirm that.

Key words: teacher; state control; social history; Neoveberianism; socialist competition.

Citation: Lelyukhin, S.V. (2023), Teacher and power: the evolution of professional requirements in the 1920-1930s, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 3, no. 1, pp. 64–71, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-64-71>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Lelyukhin S.V., 2023 – Candidate degree in Sociology, Associate Professor, Deputy Director for Scientific and Methodological Works, “Compass” Research and Educational Center” Further Professional Education Autonomous Non-profit Organization, 36, building 1, room 417, Universitetskaya Street, Saratov, 410012, Russian Federation.

Введение

Общее образование (Система общего образования в России включает в себя три этапа: начальное общее, основное общее и среднее (полное) общее образование. В советский период (до 1985 г.) стандартная продолжительность общего образования составляла 10 лет) является той сферой социальной жизни страны, которая одной из первых вовлекается в реформационные процессы, особенно если ставится задача идеологического воздействия на подрастающее поколение. Если реформы вызваны революционными изменениями, то учителя, как проводники новой политики, вынуждены меняться, отказываясь от привычных условий профессиональной деятельности. Изучение начального советского этапа истории общего образования важно как для понимания преобразовательных процессов в советском обществе в целом, так и в сравнительной перспективе советского и постсоветского обществ. Особую актуальность этой теме придаёт тот факт, что в соответствии с указом президента России 2023 год объявлен Годом педагога и наставника. Цель мероприятий,

которые будут проведены, состоит в признании особого статуса педагогических работников, в том числе осуществляющих наставническую деятельность.

Особый интерес для исследователей представляет изучение реакции учителей на диктат государства и партии в сфере их профессиональной деятельности в условиях усиления полномочий административных и политических властей. Хотя эта проблема и рассматривается в социально-исторических исследованиях советской школы в работах российских (Белова 2010, Долгова 2020, Елефренко 2010, Кальсина 2010, Леонтьева 2004, Пепелина 2013, Ромашова 2007) и зарубежных учёных (Келли 2004, Юинг 2011), здесь по-прежнему остается еще значительное пространство для дискуссии.

Определив в качестве предмета исследования воздействие государства на формирование приоритетов профессиональной деятельности в общем образовании, мы выделили воспитательное и учебное направление работы. Обратившись к историческим аспектам регионального опыта

учителей Саратовской области, мы изучили документы с 1918 года по 1941 год в рамках двух исторических периодов. Первый период от принятия положения «О единой трудовой школе» до 1930 года, возврата к стабильным программам и учебникам, а второй период с 1930 года до начала Великой Отечественной войны (1941 г.).

Мы ставили своей задачей понять, каковы были рамки профессиональной свободы советского учителя в изучаемый исторический период и каковы были формы индивидуальной и коллективной реакции учителей на принимаемые к ним методы бюрократического контроля их профессиональной деятельности. Гипотеза исследования отталкивалась от неовеберовской идеи дистанцирования профессионалов от влияния бюрократических структур и стремления к профессиональной автономии в деятельности (Мансуров, Юрченко 2009). Она показалась нам весьма плодотворной, поскольку выделяет взаимоотношения профессионалов и государства, часто несущие в себе конфликт столкновения интересов по поводу компетенций и власти в организации и предоставлении услуг (Романов, Ярская-Смирнова 2009). Это направление представляет интерес для целей нашего исследования и тем, что характеристики профессиональной деятельности в сфере общего образования сходны с так называемыми традиционными профессиями в сфере образования и науки, юридических услуг и услуг здравоохранения. В то же время учителя общеобразовательных школ в особенно сильной степени зависимы от бюрократических организаций. Определенную зависимость профессий от крупных организаций, их бюрократизированность, отмечала М. Ларсон, одна из наиболее известных исследователей неовеберовского направления в социологии профессий. Так, характеризуя школьное образование, она отметила концентрацию административных и управленческих функций школьными руководителями при отсутствии независимого профессионального статуса (Larson 2013).

В нашем исследовании мы предполагали, что практика отстаивания свободы в профессиональной деятельности существовала в период становления структур советской системы образования, принимая латентные формы протеста учителей против бюрократического давления. Опираясь на анализ доступных архивных данных, мы хотели разобраться в характеристиках, содержании и распространенности этих форм среди учителей в период первых лет становления советской образовательной системы.

В данном исследовании мы опирались также на метод социальной истории (Sieder 1990), который позволяет изучать историю под социальным углом зрения. Крупный вклад в становление социальной истории как направления зарубежной

историографии внесла школа «Анналов», представители которой изменили подход к истории как хронологии политических событий. Они придавали большое значение социальным процессам и социальным структурам в историческом объяснении для раскрытия социокультурного пространства в его исторической перспективе.

Это наглядно иллюстрирует позиция одного из основоположников школы «Анналов» М. Блока, который высказал идею, что постижение прошлого должно основываться не на описании исторических источников, а на основе диалога с ними и их последующей интерпретации. Он отметил, что «отношения, завязывающиеся между людьми, взаимовлияния и даже путаница, возникающая в их сознании – они-то и составляют для истории подлинную действительность» (Блок 1986).

Такой подход, по оценке Б. Миронова, позволяет «понять тенденции, смысл и значение исторических событий в контексте истории, рассмотренной под социальным углом зрения» (Миронов, 1999). Он пояснил (акцентируя идею Э. Дюркгейма о том, что история и социология обречены стать единой наукой), что социальный историк, изучая историю, отталкивается не от государства и великих людей, а от общества, помещая в центре внимания социальные группы, их взаимоотношения, их роли в экономических и культурных структурах и процессах (Миронов 2004). Обращаясь к исследованию реакции учителей на диктат государства и партии в сфере их профессиональной деятельности, мы были сосредоточены на действиях конкретной социальной группы в условиях усиления полномочий административных и политических властей.

Ход исследования

Мы провели анализ архивных документов, хранящихся в фондах Государственного архива новейшей истории Саратовской области. Этот архив начал свою работу в Саратове в 1920 году для собирания региональных материалов коммунистической партии и развивался в течение нескольких десятилетий как партийный архив Саратовского обкома КПСС. В 1991 году он был преобразован в «Центр документации новейшей истории Саратовской области», и из Государственного архива Саратовской области были переданы фонды губернских и областных профсоюзных, оборонно-спортивных и других общественных организаций. В 2005 году на базе Центра документации новейшей истории (ЦДНИСО) и был создан Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО).

Объектами нашего изучения стали архивные документы Саратовского губернского отдела профсоюза работников просвещения (количество дел – 621, период 1919-1932 гг.) и Саратовского обкома

профсоюза работников начальной и средней школы (количество дел – 192, период 1935-1948 гг.). Было изучено содержание протоколов заседаний (N=291), отчетов о работе профсоюза (N=103), переписки профсоюза с учреждениями (N=63), циркуляров (N=41) и постановлений (N=35) ЦК союза работников школы и губернского отдела Рабпроса, коллективных договоров учреждений профсоюза работников просвещения (N=18), архив вырезок из районных газет (N=15).

Исследование мы начали с анализа «Положения о единой трудовой школе», принятого государственной комиссией по просвещению в 1918 году (Основные, 1988). Эта концепция образовательной политики ставила задачу создания системы учреждений от детского сада до университета, позволявшей всем детям поступать в один и тот же тип школы и начинать своё образование одинаково, продвигаясь далее по «образовательной лестнице» до её наивысших ступеней. Трудовая школа требовала ввести в процесс обучения труд как основу преподавания.

Главным профессиональным требованием для учителей единой трудовой школы была политическая активность человека (Юинг 2011). Отсутствие диплома об образовании по специальности не являлось препятствием к занятию должности, а особым фильтром на пути к профессии стали рекомендации советских, партийных, профессиональных или иных общественных организаций, стоявших на платформе Советской власти. Для обучения принципам единой трудовой школы в 1918 году начали функционировать 100 краткосрочных педагогических курсов, а в каждой губернии создавались образцовые школы для передачи передового опыта (Штамм 1985). Для понимания особенностей личности учителя, востребованной в свете концепции единой трудовой школы, следует отметить его способность обучать, в том числе моральным, гражданским образцам, на основе своего личного примера:

«Целью воспитания является воспитание человека-гражданина в самом общепринятом значении этого слова. Как на один из способов воспитания было указано на организацию самоуправления и самообслуживания учащихся. Как на средства воспитания школьные работники указали на личный пример учителя, на пример учащихся, на моральное внушение».

Из протокола заседания школьной секции «Рабпроса» от 17.02.1920 г. Саратовского губернского отдела профсоюза работников просвещения ГАНИСО. Ф. 6107. Оп. 1. Д. 7. Л. 2

Революционные изменения, произошедшие в стране, привнесли дух революционной свободы и в школьное образование. В двадцатые годы допускалась свобода в содержании образовательных

программ. Отсутствовали четкие инструкции из центра по вопросам методологии и учебного плана. Народный комиссариат просвещения («Наркомпрос»), как координирующий и направляющий центр руководства народным образованием, предоставлял местным департаментам образования и отдельным школам значительную свободу, что привело к возникновению огромной разницы между школами в разных регионах (Fitzpatrick 1979), а особым проявлением свободы стал отказ от обязательности домашних заданий (Кейрим-Маркус 1980).

Органы управления образованием поощряли мобилизацию профессионального мастерства учителей на поиск новых приемов обучения, позволявших «выйти из душных классных комнат царской школы» (Леонтьева 2008). Революция открыла дорогу новым теориям и методикам преподавания, поскольку новаторски настроенные педагоги стремились преодолеть глубоко укоренившийся консерватизм царской школы. Они нашли поддержку со стороны новой власти, стремившейся «превратить школу в орудие борьбы с прежними ценностями» (Юинг 2011). Но одна важная особенность школы, унаследованная ею ещё со времён царского строя, была всё-таки сохранена. Это муштра и зубрёжка, позволявшие выстраивать политически ангажированную систему, отличавшуюся догматизмом и ориентированностью на подготовку кадров, готовых к мировой революции (Куркин 2012).

Выявленные нами факты свидетельствуют, что в период с 1918 года по 1930 год воспитательное направление как по отношению к ученикам, так и к самим учителям в профессиональной деятельности учителей было приоритетным. Учитель на основе личного примера был обязан воспитывать молодого гражданина советской страны, но существовала профессиональная свобода учителей в части формирования содержания учебных программ и методологии.

Когда в 1930 году реформы образования потребовали стабильных программ и учебников (Пепелина 2013), это не изменило внедряемых властями приоритетов в воспитательных функциях учителей. При проведении уроков учитель был обязан руководствоваться задачами коммунистического воспитания:

«Изучая ту или иную дисциплину, мы должны пронизывать и вклинивать в изучаемый материал вопросы коммунистического воспитания. Мы должны развивать в детях любовь к родине, вождем страны, к героям и стахановцам, чтобы у детей явились желания быть похожими на этих людей. Я часто делаю обход домов учащихся. Это даёт мне возможность создать ребятам нормальные условия для выполнения домашних заданий».

Из статьи учителя Н. Никулиной «Что может поднять успеваемость учащихся в школе», газета «Сталинец», 25.01.1939 г., г. Петровск Саратовской губернии ГАНИСО. Ф. 6150. Оп. 1. Д. 29. Л. 59

В эти годы усиливается дисциплина в школе и требования к дисциплине учителей, контроль над ней. Школьный инспектор при проведении проверки обращал внимание на успеваемость учащихся, санитарное состояние школ и работу персонала школы. Без внимания проверяющего инспектора не оставался даже такой аспект, как соблюдение учителем правил каллиграфии при выставлении отметок в тетрадях:

«В Сестренской начальной школе ученики имеют хорошую успеваемость. В школе чистота и уют. Коллектив школы работает добросовестно. Все учителя тщательно готовятся к урокам, аккуратно проверяют тетради. Отметки ставят, соблюдая все правила каллиграфии».

Из статьи школьного инспектора РОНО А. Сазиковой «После январского совещания учителей», газета «Ленинское знамя», 02.02.1939 г., Ивантеевский район Саратовской губернии. ГАНИСО. Ф. 6150. Оп. 1. Д. 29. Л. 59

В том же отчете школьный инспектор описал случаи «вольного» поведения учителей, нарушавших установленный порядок:

«В Кожевской школе успеваемость «дутая». Причина такой «дутости» успеваемости кроется в преступном отношении самих учителей к своим обязанностям. Заведующая школой и учительница тов. Рогова часто делают прогулы. Занятия вместо полдевятого начинают в 10 часов. Вместо 4-х уроков они часто делают три урока. Нередко в пятницу уезжают в село Клевенку, к родным, на выходной и срывают целый день занятий. Все январские каникулы они проводили в Клевенке и не сочли нужным явиться на районное совещание учителей».

Из статьи школьного инспектора РОНО А. Сазиковой «После январского совещания учителей», газета «Ленинское знамя», 02.02.1939 г., Ивантеевский район Саратовской губернии. ГАНИСО. Ф. 6150. Оп. 1. Д. 29. Л. 58

Эти факты не были единичными в масштабах страны, что повлияло в 1939 году на принятие мер, нацеленных на повышение дисциплинарной ответственности. Например, за отсутствие на рабочем месте в школе в течение одного дня предусматривалась санкция тюремного заключения (Юинг 2011), и эти меры существенно изменили поведение работников школы, вселяя в них чувство

страха. В то же время формировались протестные настроения. Их проявлением было формальное отношение к установкам в сфере воспитательной деятельности, проводимым властями с помощью такого метода, как социалистическое соревнование.

В тридцатые годы социалистическое соревнование пронизало все сферы хозяйственной жизни СССР, включая школу, где оно проводилось под контролем профессионального союза работников начальной и средней школы. Соревнование было организовано на нескольких уровнях. На личном уровне между учениками в классе и учителями в школе, на групповом уровне между классами в школе и школами в районах и городах, на уровне регионов соревновались между собой различные области. Мы выявили архивные документы, которые свидетельствуют о его невыполнении. В мае 1939 года была осуществлена проверка хода социалистического соревнования учителей Сталинградской и Саратовской области. В ходе проверки было установлено, что рядовые учителя даже не знали о существовании межобластного социалистического соревнования:

«Проверка результатов социалистического соревнования между учителями Сталинградской и Саратовской области показала, что профсоюзные организации и органы образования систематически не руководили этим замечательным движением. Учителя Саратовской области не обсуждали социалистического договора с учителями Сталинградской области. В беседе с учителями 15 школ города и районов, посещенных бригадой, а также на городском собрании актива учителей города и председателей районов выяснилось, что учителя Саратовской области не знали, что они соревнуются с учителями Сталинградской области».

ГАНИСО. Ф. 6150. Оп. 1. Д. 53. Л. 10-10 об

Анализ ещё одного документа, письма Центрального комитета профсоюза работников начальной и средней школы от 1 июня 1941 года, адресованного региональным подразделениям, позволил нам сделать вывод, что из года в год руководители областных органов управления образованием игнорировали соблюдение сроков предоставления отчетов о социалистическом образовании. Это письмо представляет собой специально заготовленный шаблон, отпечатанный на машинке, в котором оставалась незаполненной информация об адресате (она вписывалась вручную), а текст был единым:

«Несмотря на указания Центрального Комитета союза, от Вас до настоящего времени не поступило никаких сведений о ходе и подведении итогов республиканского соревнования школ, т.е. повторяются недостатки прошлого года»

ГАНИСО. Ф. 2496. Оп. 1. Д. 84. Л. 14

Систематическое несоблюдение сроков предоставления отчётности о соревновании, неосведомленность о существовании межобластного соревнования (случай Сталинградской и Саратовской областей) – все эти выявленные нами в архивных документах особенности свидетельствуют о создании всего лишь видимости социалистического соревнования в школе, «советские люди играли с властью в кошки-мышки» (Юинг 2011, 191).

Президиум ЦК Союза работников начальной и средней школы РСФСР боролся с выявленными недостатками, что доказывает постановление этого органа от 13 мая 1938 года:

«Осудить практику заключения договоров на социалистическое соревнование, ориентирующихся только на количественные показатели, без показателей качества учебно-воспитательной работы учителей, их политического и делового роста, общественной активности и педагогического мастерства. Разъяснить, что показатели успехов социалистического соревнования среди учителей должны являться достижения в повышении качества образования, обучения и воспитания учащихся и полная ликвидация второгодничества на основе постановлений партии и правительства о школе».

ГАНИСО. Ф. 6150. Оп. 1. Д. 29. Л. 76

Учителя корректировали свои обязательства, примером чего является документ, подписанный 29 июня 1938 года учителем русского языка Вольского района Саратовского края Е. Лыковой, вскоре после «спущенного сверху» постановления:

«1. Добиться 100% успеваемости учащихся, неустанно ведя борьбу за чистую тетрадь с каллиграфически и орфографически правильным письмом.

2. Воспитывать сознательную дисциплину учащихся, не оставляя без разъяснения ни одного дурного поступка.

3. Вести коммунистическое воспитание через учебный материал и через беседы о достижениях в соцстроительстве о героях и лучших людях нашей родины.

4. Без пропусков посещать политшколу и добросовестно выполнять задания».

ГАНИСО. Ф. 6150. Оп. 1. Д. 21. Л. 90-90 об

В этих четырёх пунктах есть не только количественные (обеспечение стопроцентной успеваемости) и качественные (борьба за чистую тетрадь, каллиграфию и орфографию) показатели оценки профессиональной деятельности, но и ее воспитательный аспект (обязательство связывать темы уроков с коммунистическим воспитанием).

Для контроля выполнения социалистических обязательств были использованы новые механиз-

мы: проверка классных журналов, производственные совещания в трудовых коллективах школ, стенные школьные газеты, поощрение победителей путём размещения фото на школьной доске почёта:

«Как проверять договора соревнования и вести учет:

а) Классный журнал как основной вид учёта работы.

б) Заслушивание итогов выполнения соц. договоров на производственных совещаниях.

в) Освещение в стенной газете школы хода выполнения соц. договоров среди учителей.

г) Введение в школах досок почёта, на которых в фотоснимках показывать лучших работников школы с краткой характеристикой их работы».

ГАНИСО. Ф. 6150. Оп. 1. Д. 53. Л. 3

Чтобы соответствовать предъявляемым требованиям, учителю было необходимо педантично заполнять классный журнал, готовить отчеты о выполнении договоров по соцсоревнованию для выступления на совещаниях. Поощрением для передовиков социалистического соревнования были фотографии на досках почёта и статьи в стенгазетах. Для нарушителей и отстающих в выполнении договоров стенгазеты они становились досками позора. До наших дней сохраняется ситуация со значительным объёмом нагрузки учителей, не связанной с преподаванием. Этот фактор наряду с большой долей социально неблагополучных и проблемных детей, низкой вовлечённостью в принятие решений на уровне школы и высокой нагрузкой в целом, создают риски выгорания учителей (Константиновский, Пинская, Звягинцев 2019). Реформы в современном образовании, фактически направленные на усиление вертикального управленческого контроля, породили негативные последствия: приоритет количественных показателей и рейтингов, «бумажный геноцид», «натаскивание» школьников при подготовке к ЕГЭ, вызывают острое неприятие учителями вплоть до ухода из профессии (Осипов 2018). Фактически образовательная политика сводится к набору бюрократически сформулированных проектов, которые не отвечают корпусу институциональных функций образования (Осипов 2022).

Полученные результаты и выводы

Подводя итог, мы приходим к выводу, что на смену лояльности к содержанию образовательных программ в двадцатых годах пришло усиление контроля в тридцатых годах. Для этого периода характерно расширение спектра объектов контроля деятельности учителей, среди которых были и успеваемость учащихся, и санитарное состояние школ, работа персонала школы, включая оценку соблюдения правил каллиграфии учителями при выставлении оценок в тетрадях учеников. Приоритетной оставалась воспитательная работа, поскольку учебная про-

грамма по любой дисциплине была связана с коммунистическим воспитанием. Социалистическое соревнование в школе стало инструментом контроля профессиональной деятельности учителей. В социалистическое соревнование образовательные учреждения были вовлечены наряду с предприятиями производственной сферы. Для школ это явилось объединением в одном инструменте обоих векторов контроля деятельности учителей, воспитательной и учебной работы. Широко распространенная практика игнорирования выполнения условий социалистического соревнования свидетельствует о его видимости. Это подтверждают сохраненные в областном архиве данные о случаях сознательного нарушения установленного порядка работы, имитации социалистического соревнования.

С одной стороны, такое положение дел стало следствием двойной легитимации, процесса формирования норм поведения как стороны власти, так и со стороны групп населения, в данном случае профессиональной, относящейся к общему образованию. Для официального уровня были характерны тенденции бюрократизации контроля деятельности учителей и приоритетность идеологических ценностей. В то же время официальная риторика не совпадала со скрытыми нормами профессиональной деятельности, формирование которых шло на неофициальном уровне в среде учителей.

С другой стороны, эти процессы можно рассматривать как следствие высокого уровня инерционности в образовании по отношению к реформам. В отказе от демократических свобод периода двадцатых годов, провозглашенных как отрицание традиций царской школы России, виден возврат к тому, что первоначально отрицалось. Именно черта инерционности объясняет и широко распространенное скрытое несоблюдение основ социалистического соревнования в школе, вместо открытого социального или политического протеста.

Мы живём в эпоху новых реформ, и, возможно, именно инерционные характеристики образовательной системы России сгладят непредсказуемые негативные последствия радикальных изменений.

Библиографический список

Fitzpatrick, S. (1979), *Education and Social Mobility in the Soviet Union 1921-1934*, Cambridge University Press, Cambridge.

Larson, M.S. (2013), *The Rise of Professionalism: Monopolies of Competence and Sheltered Markets*, Transaction Publishers, New Brunswick.

Sieder, R. (1990), Was heißt Sozialgeschichte? Brüche und Kontinuitäten in der Aneignung des «Sozialen», *Österreichische-Zeitschrift für Geschichtswissenschaften*, vol. 1, no. 1, pp. 25–48.

Белова Н.А. Общественная работа как характерная черта повседневности советского учителя

в 1920–1930-е годы (на примере Пермского края) // *Антропология советской школы: Культурные универсалии и провинциальные практики*. Пермь: Пермский гос. ун-т., 2010. С. 146–151.

Блок М. Апология истории или ремесло историка. Москва: Наука, 1986.

Долгова Е.А. Слушатели Института красной профессуры: рекрутирование, академическое движение, трудоустройство // *Социологический журнал*. 2020. Т. 26. № 1. С. 124–140. DOI: <http://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.1.7056>.

Кальсина А.А. Становление единой государственной трудовой школы в Пермской губернии (январь 1918 г.–1923 г.) // *Антропология советской школы: Культурные универсалии и провинциальные практики*. Пермь: Пермский гос. ун-т., 2010. С. 125–145.

Келли К. «Школьный вальс»: повседневная жизнь советской школы в послесталинское время // *Антропологический форум*. 2004. № 1. С. 104–154.

Кейрим-Маркус М.Б. Государственное руководство культурой. Строительство Наркомпроса (ноябрь 1917 – середина 1918 гг.). Москва: Наука, 1980.

Константиновский Д.Л., Пинская М.А., Звягинцев Р.С. Профессиональное самочувствие учителей: от энтузиазма до выгорания // *Социологические исследования*. 2019. № 5. С. 14–25. DOI: <http://doi.org/10.31857/S013216250004949-6>.

Куркин Е.Б. Как нам избавиться от старой школы? // *Народное образование*. 2012. № 5. С. 44–50.

Леонтьева С. Дискуссия о «живом слове»: к истории медиаобразования в советской школе // *Неприкосновенный запас*. 2008. № 2. С. 132–139.

Мансуров В.А., Юрченко О.В. Социология профессий. История, методология и практика исследований // *Социологические исследования*. 2009. № 8. С. 36–46.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX века). Т. 1. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1999.

Миронов Б.Н. Социология и историческая социология: взгляд историка // *Социологические исследования*. 2004. № 10. С. 55–63.

Осипов А.М. Учительство в контексте социологии образования: теоретические подходы и приоритеты исследований // *Социологические исследования*. 2018. № 3. С. 45–52. DOI: <http://doi.org/10.7868/S0132162518030042>.

Осипов А.М. К теории образовательной политики // *Социологические исследования*. 2022. № 2. С. 45–52. DOI: <http://doi.org/10.31857/S013216250018498-0>.

Основные принципы единой трудовой школы: От Гос. комис. по просвещению 16 окт. 1918 г. Минск: Университетское изд-во, 1988.

Пепелина Н.И. Из истории народного образования в СССР в 1930-х годах: работа над школь-

ным учебником отечественной истории // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия «История и политология». 2013. № 2. С. 19–32.

Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Мир профессий: пересмотр аналитических перспектив // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 25–35.

Ромашова М.В. «Раздельное обучение себя не оправдало?!...» Из социальной истории советской школы // Исторический вестник университетов Любляны и Перми. Ljubljana: Пермь: Ун-т в Любляне; Перм. гос. ун-т. 2007. С. 95–102.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. 2-е изд. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 336 с.

Штамм С.И. Управление народным образованием в СССР (1917–1936 гг.). Историко-правовое исследование. Москва: Наука, 1985.

Юинг Е.Т. Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. Москва: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.

References

Fitzpatrick, S. (1979), *Education and Social Mobility in the Soviet Union 1921-1934*, Cambridge University Press, Cambridge.

Larson, M.S. (2013), *The Rise of Professionalism: Monopolies of Competence and Sheltered Markets*, Transaction Publishers, New Brunswick.

Sieder, R. (1990), Was heißt Sozialgeschichte? Brüche und Kontinuitäten in der Aneignung des «Sozialen», *Österreichische-Zeitschrift für Geschichtswissenschaften*, vol. 1, no. 1, pp. 25–48.

Belova, N.A. (2010), Public work as a characteristic feature of the everyday life of a Soviet teacher in the 1920s and 1930s (on the example of the Perm Territory), *Anthropology of the Soviet school: Cultural universals and provincial practices*, Perm State University, pp. 146–151.

Block, M. (1986), *Apology of history or the craft of a historian*, Science, Moscow, Russia.

Dolgova, E.A. (2020), Students of the Institute of Red Professors: recruiting, academic movement, employment, *Sociological Journal*, vol. 26, no. 1, pp. 124–140, DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1.7056.

Kalsina, A.A. (2010), The formation of a unified state labor school in the Perm province (January 1918–1923), *Anthropology of the Soviet school: Cultural universals and provincial practices*, Perm State University, pp. 125–145.

Kelly, K. (2004), "School waltz": everyday life of the Soviet school in the post-Stalinist time, *Anthropological Forum*, no. 1, pp. 104–154.

Keirim-Marcus, M.B. (1980), *State Cultural Leadership. Construction of the People's Commissariat*

of Education (November 1917–mid-1918), Science, Moscow, Russia.

Konstantinovskiy, D.L., Pinskaya, M.A., Zvyagintsev, R.S. (2019), Professional well-being of teachers: from enthusiasm to burnout, *Sociological Research*, no. 5, pp. 14–25, DOI: <http://doi.org/10.31857/S013216250004949-6>.

Kurkin, E.B. (2012), How do we get rid of the old school? *Public Education*, no. 5, pp. 44–50.

Leontieva, S. (2008), Discussion about the "living word": to the history of media education in a Soviet school, *Inviolable Reserve*, no. 2, pp. 132–139.

Mansurov, V.A., Yurchenko O.V. Sociology of professions. History, methodology and practice of research, *Sociological Research*, no. 8, pp. 36–46.

Mironov, B.N. (1999), *Social history of Russia during the empire (XVIII - early XX centuries)*, vol. 1, Dmitry Bulanin, St. Petersburg, Russia.

Mironov, B.N. (2004), Sociology and historical sociology: the view of the historian, *Sociological Research*, no. 10, pp. 55–63.

Osipov, A.M. (2018), Teaching in the context of the sociology of education: theoretical approaches and research priorities, *Sociological Research*, no. 3, pp. 45–52, DOI: <http://doi.org/10.7868/S0132162518030042>.

Osipov, A.M. (2022), To the theory of educational policy, *Sociological Research*, no. 2, pp. 45–52, DOI: <http://doi.org/10.31857/S013216250018498-0>.

The main principles of a unified labor school: From the State. comis. on education on October 16, 1918 (1988), Minsk, Belarus.

Pepelina, N.I. (2013), From the history of public education in the USSR in the 1930s: work on a school textbook of Russian history, *Bulletin of Moscow State University named after M.A. Sholokhova, History and Political Science Series*, no. 2, pp. 19–32.

Romanov, P.V., Yarskaya-Smirnova, E.R. (2009), World of professions: revision of analytical prospects, *Sociological research*, no. 8, pp. 25–35.

Romashova, M.V. (2007), "Did not separate training justify itself?!..." From the social history of the Soviet school, *Historical Bulletin of the Universities of Ljubljana and Perm*, Un-t in Ljubljana, Perm, Gos. un-t, Ljubljana, Perm.

Fitzpatrick, Sh. (2008), *Everyday Stalinism. Social history of Soviet Russia in the 30s: city*, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); Foundation of the First President of Russia B.N. Eltsin, Moscow, Russia.

Strain, S.I. (1985), *Management of public education in the USSR (1917–1936). Historical and legal research*, Science, Moscow, Russia.

Ewing, E.T. (2011), *Teachers of the era of Stalinism: power, politics and school life of the 1930s*, ROSSPEN; Foundation "Presidential Center B.N. Yeltsin", Moscow, Russia.

Submitted: 11.01.2023

Revised: 13.02.2023

Accepted: 20.03.2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316.3/4

DOI: 10.18287/

Дата поступления: 11.01.2023
рецензирования: 13.02.2023
принятия: 20.03.2023

Н.А. Трибунская

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: dahati@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6012-3016>

А.А. Пустарнакова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: aa.pustarnakova@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5393-6249>

Особенности проявления дискурсивных доминант в процессе политической коммуникации

Аннотация: статья посвящена рассмотрению дискурсивных доминант, репрезентируемых в политическом Интернет-дискурсе и официальном политическом дискурсе. Проводится анализ субъектных (характерологической и аксиологической), акциональной и пространственной доминант. Устанавливаются закономерности выдвижения тех или иных компонентов ситуации.

Цель настоящего исследования заключается в анализе выдвижения тех или иных дискурсивных доминант в зависимости от типа политической коммуникации. Для ее достижения авторами поставлены следующие задачи: изучение теоретического материала по проблематике, анализ частотности проявления дискурсивных доминант в политической коммуникации, выявление особенностей реализации интенции говорящего в политическом Интернет-дискурсе и официальном политическом дискурсе.

Материалом для анализа послужили высказывания президента США в социальной сети, а также официальные документы Presidential Actions, размещенные на сайте Правительства США.

Авторами статьи используются методы наблюдения и описания, сравнительно-сопоставительный метод, контекстуальный анализ, дискурс-анализ. Научная новизна исследования заключается в сопоставлении двух различных сфер политической коммуникации. В процессе взаимодействия дискурсов проявляются те или иные дискурсивные доминанты. В высказываниях политиков в социальных сетях чаще всего актуализируется субъектная доминанта, позволяющая оказать воздействие на восприятие информации реципиентом. При этом в текстах официальных документов на первый план выдвигается акциональная доминанта, которая напрямую связана с действиями участников.

Ключевые слова: дискурсивные доминанты; политическая коммуникация; политический дискурс; Интернет-дискурс; официальный дискурс; компоненты ситуации.

Цитирование: Трибунская Н.А., Пустарнакова А.А. Особенности проявления дискурсивных доминант в процессе политической коммуникации // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 1. С. 72–78. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-72-78>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Трибунская Н.А., 2023** – старший преподаватель кафедры иностранных и латинского языков СамГМУ, экстерн кафедры английской филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© **Пустарнакова А.А., 2023** – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

N.A. Tribunskaya

Samara National Research University
Samara, Russian Federation
E-mail: dahati@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6012-3016>

A.A. Pustarnakova
Samara National Research University
Samara, Russian Federation
E-mail: aa.pustarnakova@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5393-6249>

Features of the discursive dominants in the political communication

Abstract: the article considers the discursive dominants represented in the political Internet discourse and official political discourse. Subjective (characteristic and axiological), actional and spatial dominants are analyzed. The patterns of foregrounding certain situation components are established.

The aim of the present study is to analyze foregrounding of certain discursive dominants depending on the political communication type. The authors set the following tasks to achieve this goal: to study the subject-related theoretical material, to analyze the frequency of the discursive dominants in the political communication, to identify the realization features of the speaker's intention in the political Internet discourse and in the official political discourse.

The material for the analysis were the US President's utterances in the social network, as well as official documents of the *Presidential Actions*, posted on the website of the US Government.

The authors of the article use various methods, including observation and description, comparative method, contextual analysis, discourse analysis. The study scientific novelty lies in the comparison of two different spheres of the political communication. In the process of discourse interaction certain discursive dominants appear. Politicians' statements in social networks often contain an actualized subjective dominant, which allows to affect the information perception by the recipient. At the same time, in the texts of official documents, the actional dominant is brought to the forefront, which is directly related to the participants' actions.

Key words: discursive dominants; political communication; political discourse; Internet discourse; official discourse; situation components.

Citation: Tribunskaya, N.A. and Pustarnakova, A.A. (2023), Features of the discursive dominants in the political communication, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 3, no. 1, p. 72–78, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-72-78>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Tribunskaya N.A., 2023** – senior teacher of the Department of Foreign and Latin Languages, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© **Pustarnakova A.A., 2023** – Candidate degree in Sociology, associate professor of the Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

В условиях цифровых и социально-политических трансформаций, происходящих в современном обществе, особенно актуальным становится изучение политической коммуникации, осуществляемой в виртуальном пространстве. Несмотря на множество научных подходов, можно говорить о недостаточной изученности особенностей политической коммуникации в условиях социальных изменений и усиления роли взаимодействий, происходящих в социальных сетях Интернет-пространства и официально-политическом дискурсе. Вместе с этим без учета и анализа политической коммуникации невозможно получить ответы на значимые вопросы социально-политического дискурса, например, каковы средства воздействия политиков на интернет-аудиторию, каковы последствия тех или иных высказываний высокопоставленных политических деятелей, каково влияние Интернет-коммуникации на предвыборные кампании и международные отношения.

С помощью научного анализа высказываний и текстовых сообщений политиков в виртуальном пространстве можно обратить внимание научного сообщества на проблемы политической коммуникации и особенности функционирования Интернет-дискурса в целом. Существуют различные примеры ресурсов, где может происходить политическая коммуникация, например, сайты органов власти, сайты и социальные сети политических деятелей различного уровня, блоги, сайты политических партий и т.д.

В настоящей статье мы обратились к изучению высказываний президента США в социальной сети, а также проанализировали официальные документы *Presidential Actions*, размещенные на сайте Правительства США. В процессе работы нами были выявлены особенности выдвижения дискурсивных доминант в зависимости от типа политической коммуникации.

Ход исследования

Для изучения особенностей политической коммуникации в нашем исследовании применяется дискурс-анализ текстов, в центре внимания находится описание и анализ дискурсивных доминант, оценка их использования и проявления в различных контекстах. Методологической основой исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых, в том числе посвященные политическому дискурсу (Шейгал 2004, Демьянков 2002, Русакова 2008, Шапочкин 2018, Юдина 2001); изучению контекста (Dijk 1998 2008, Касавин 2008) и др.

Под доминантами в нашем исследовании мы понимаем выдвигаемые на первый план компоненты внеязыковых ситуаций, которые имеют особое значение для автора. В связи с этим отправитель сообщений акцентирует внимание читателя на отдельных смыслах в тексте, связанных с этими доминантами. Другими словами, прагматическая цель автора заключается в выделении данных доминант при помощи выбора лексических единиц, структуры текста, смыслов, коннотаций и т.п.

По мнению Т.А. ван Дейка, в процессе восприятия текста в сознании коммуникантов выстраиваются репрезентации не только текста и контекста, но и репрезентации событий и действий, о которых идет речь в дискурсе (Dijk 1998, p. 18). Когнитивные модели ситуаций обладают достаточно сложными структурами и, как правило, включают в себя такие составляющие, как время, место, участники, их характеристики, обстоятельства, действия участников, причинно-следственные связи, средства, результат действий. Как отмечает В.Д. Шевченко, интенция говорящего выступает как средство создания иерархии этих компонентов, т.е. в зависимости от авторской воли одна (или несколько) составляющих как самой ситуации, так и когнитивной модели, начинают приобретать для него особую значимость, становясь доминантами в рамках конкретной ситуации. (Шевченко 2010, с. 59).

При взаимодействии дискурсов в качестве основных выступают субъектные доминанты (характерологическая, аксиологическая), а также пространственная, акциональная и хронологическая доминанты. Они способны актуализироваться посредством повтора соответствующих лексических единиц, имплицитного и эксплицитного выражения, использования различных языковых средств и т.д.

Рассмотрим проявление субъектной доминанты в текстах. По мнению исследователя М.В. Батюшкиной, в качестве адресантов и адресатов законодательного текста позиционируются не только индивидуальные языковые личности, но и группы людей, коллективные субъекты (общество, органы власти, организации). Хотя, без-

условно, с позиции речемыслительного процесса законодательный текст воспринимается и интерпретируется человеком индивидуально (Батюшкина 2022, с. 72), (Батюшкина 2017).

В ходе анализа установлено, что субъектная доминанта присутствует в политической коммуникации как социальных сетей, так и официальных документов. Например, в документе, содержащем обращение президента США ко дню сельского хозяйства, на первый план выдвигаются участники – люди, связанные с занятостью в сельском хозяйстве и пищевом секторе:

*“On National Agriculture Day, we recognize the invaluable contributions of **American farmers, farmworkers, ranchers, fishers, foresters, and other agricultural workers**, who have practiced their craft for generations and touch the lives of Americans every day. Their tireless efforts growing crops, raising livestock, and distributing food, fuel, and fiber sustain America and the entire world. They put meals on our plates, clothes on our backs, and roofs over our heads. Along the way, America’s agricultural workers serve as stewards of the land; ensure the safety and health of animals, plants, and people; and strengthen our rural communities with economic opportunities.”* (A Proclamation on National Agriculture Day, 21.03.2022).

Аксиологическая доминанта проявляется в отношении автора к труду работников сельского хозяйства, которое демонстрируется при помощи словосочетаний: *the invaluable contributions* – неоценимый вклад, *their tireless efforts* – их неустанные усилия. Используются позитивно окрашенная лексика, в том числе глаголы *serve* – служить, *ensure (the safety and health)* – обеспечивать (безопасность и здоровье), *strengthen* – укреплять и др.

Следует отметить, что характеристика субъекта очень часто используется в высказываниях политиков в социальных сетях. Так, президент США Д. Трамп в одном из своих сообщений дает нелицеприятную оценку Хиллари Клинтон, называя ее бесчестной: *“So, if Comey & the top people in the FBI were **dirty cops** and cheated on the FISA Court, wouldn’t all of these **phony** cases have to be overturned or dismissed? They went after me with **the Fake Dossier, paid for by Crooked Hillary & the DNC, which they illegally presented to FISA...**”* (Trump, Donald "President Trump @POTUS" 10.12.2019).

В этом же примере содержится целый ряд негативно маркированных оценочных определений: *dirty cops* (грязные полицейские), *phony cases* (фальшивые дела), *the Fake Dossier* (поддельное досье), что транслирует читателю крайне отрицательное отношение автора к сложившейся ситуации. Дело доходит до прямого обвинения (*They went after me with the Fake Dossier, paid for by Crooked Hillary*). А из контекста мы понимаем, что возмущение вызвано попыткой объявления

импичмента президенту США Д. Трампу. Данный фрагмент воспроизводит элементы бытового дискурса в рамках политического высказывания государственного деятеля, актуализируя тем самым интердискурсивность политического дискурса (использование в сообщении официального лица разговорной лексики, вопросительного предложения, частицы *So* в начале предложения и т.д.).

В следующем примере мы видим моделирование ситуации бытового скандала: «...*They want to Impeach me (I'm not worried!), and yet they were all breaking the law in so many ways. How can they do that and yet impeach a very successful (Economy Plus) President of the United States, who has done nothing wrong? These people are Crazy!*» (Trump, Donald "President Trump @POTUS" 10.12.2019).

Произносятся обвинения в адрес группы людей, которую Д. Трамп определяет при помощи местоимения *they*, формируя собирательный образ противника, которому дается ёмкое определение *Crazy* (сумасшедшие). В высказывании посредством намерений и действий этих людей (*They want to Impeach, they were all breaking the law*) также проявляется акциональная доминанта. Автором дается оценка самому себе как очень успешному, в том числе в сфере экономики, президенту (*a very successful (Economy Plus) President of the United States*), который не сделал ничего плохого (*who has done nothing wrong*). Таким образом, политиком предпринимается попытка защитить свою репутацию и оказать влияние на общественное мнение.

Пространственная доминанта связана, прежде всего, с местом событий (названия стран, городов, территорий, улиц и т.п.). Она активно проявляется во внешнеполитическом и внутривнутриполитическом дискурсах, а также дискурсе безопасности, экономическом и других видах дискурсов, конституирующих политическую коммуникацию. Пространственная доминанта служит связующим звеном между различными событиями, на которых автор акцентирует внимание реципиентов. При этом чаще пространственная доминанта воспроизводится в политическом дискурсе социальных сетей, по всей видимости это связано с необходимостью лаконично и доступно передать информацию о событии.

Примеры актуализации пространственной доминанты во внешнеполитическом дискурсе и дискурсе безопасности политических текстов в социальных сетях:

“*When I announced our drawdown in April, I said we would be out of Afghanistan by September. Our military mission in Afghanistan will in fact conclude on August 31st. And the drawdown is proceeding in a secure and orderly way, prioritizing the safety of our troops as they depart.*” (Biden, Joe "President Biden @POTUS" 31.08.2021)

“*We are repositioning our resources to meet terror threats where they are now: across South Asia, the Middle East, and Africa. But make no mistake: we have the capabilities to protect the homeland from any resurgent terrorist challenge emanating from Afghanistan.*” (Biden, Joe "President Biden @POTUS" 31.08.2021)

“*Russia, Syria, and Iran are killing, or on their way to killing, thousands of innocent civilians in Idlib Province. Don't do it! Turkey is working hard to stop this carnage* (Trump, Donald "President Trump @POTUS" 26.12.2019).

Примеры реализации пространственной доминанты во внутривнутриполитическом дискурсе в Twitter президента США:

“*The Democrats have to start enforcing Law and Order in their cities and states. New York City, Chicago and Portland are a total DISASTER!*” (Trump, Donald "President Trump @POTUS" 19.08.2020).

“*Kate Brown, Governor of Oregon, isn't doing her job. She must clear out, and in some cases arrest, the Anarchists & Agitators in Portland!*” (Trump, Donald "President Trump @POTUS" 30.07.2020).

При упоминании о месте событий в официальных документах речь в основном идет о Соединенных Штатах Америки или отдельных странах (Украина, Российская Федерация). Так, в Постановлении президента о Национальной неделе предотвращения отравлений (медицинский дискурс) говорится о том, что каждый год в Соединенных Штатах Америки регистрируется более двух миллионов случаев отравления, которые заканчиваются трагически со смертельным исходом: “*Each year, more than 2 million poisoning cases are reported in the United States – some of which are tragically fatal, but many of which are preventable*”. (A Proclamation on National Poison Prevention Week 18.03.2022). В другом документе пространственная доминанта заключена в самом названии: “*A Proclamation on Read Across America Day*”(A Proclamation on Read Across America Day 01.03.2022). Речь идет об обращении президента ко Дню чтения к гражданам всей страны. В документе содержится призыв к повышению читательской грамотности, в том числе среди взрослого населения, а также благодарность педагогам, которые вкладывают силы в обучение детей.

В следующем документе, связанном с решением экономических вопросов, касающихся продажи нефти из Стратегического нефтяного резерва США, встречается многократное указание на место происходящего, при этом автором - субъектом коммуникации дается оценка событий: “*On February 21, 2022, the Russian government initiated a further invasion of Ukraine. On February 23, 2022, Russia launched missile strikes, air raids, and the movement of tanks and troops into broad swaths of Ukrainian territory. Since then, fighting has*

intensified along Ukraine's northern, eastern, and southern borders, and in major cities and at critical facilities. Russia's actions in Ukraine have resulted in energy supply shortages of significant scope and duration and have already caused a substantial increase in oil prices worldwide that threatens to slow United States economic growth at this critical point in our economic recovery". (Memorandum on the Finding that a Drawdown and Sale of Petroleum from the Strategic Petroleum Reserve is Required by U.S. Obligations Under the International Energy Program Implemented by the International Energy Agency 01.03.2022). Здесь же мы видим проявление хронологической доминанты (*On February 21, 2022, On February 23, 2022*), которая подчеркивает причинно-следственные связи событий. Логика такова, что вторжение на Украину привело к перебоям в поставках энергоносителей и значительному росту цен на нефть на мировом рынке, что, в свою очередь, может повлиять на замедление экономического восстановления США. Выражение *a substantial increase in oil prices worldwide that threatens to slow United States economic growth* (значительный рост цен на нефть во всем мире, который угрожает замедлить экономический рост Соединенных Штатов) маркирует присутствие черт экономического дискурса. Одновременно данный пример демонстрирует присутствие черт военного дискурса, который актуализируется посредством лексических единиц: *invasion* (вторжение), *launched missile strikes, air raids, and the movement of tanks and troops* (нанесение ракетных ударов, авианалетов и передвижение танков и войск). Таким образом, проявляется полидискурсивность политической коммуникации.

Необходимо отметить, что в зависимости от типа официального документа изменяются и дискурсивные доминанты. Так, в типе Proclamation довольно часто выдвигается субъектная доминанта, включающая характерологическую (характеристика участников) и аксиологическую (оценочный компонент) доминанты. А в типах Президентских актов Executive Order и Memorandum прежде всего актуализируется акциональная доминанта, связанная с действиями участников.

Примеры выдвижения акциональной доминанты мы находим в документе, посвященном вопросам военного вознаграждения (Memorandum on Fourteenth Quadrennial Review of Military Compensation 31.01.2023).

1) **Review** military compensation and benefits... (Пересмотреть военные компенсации и льготы).

2) **Review** the military basic pay table... (Пересмотреть таблицу основных выплат вооруженным силам).

3) **Evaluate** military compensation and its current benchmark... (Оценить военное вознаграждение и его текущий ориентир).

4) **Review** the statutory requirements and current methodologies... (Пересмотреть законодательные требования и текущие методологии).

5) **Review** military compensation relative to anticipated future requirements in technology and other fields that are critical to the Department of Defense (Пересмотреть военное вознаграждение относительно ожидаемых будущих потребностей в технологиях и других областях, имеющих решающее значение для Министерства обороны).

В указанном примере мы наблюдаем, как выраженная глагольными формами акциональная доминанта находит композиционную поддержку в структуре текста.

Заключение

Таким образом, в процессе взаимодействия дискурсов в политической коммуникации проявляются различные дискурсивные доминанты. Другими словами, на первый план при помощи языковых средств выдвигаются те или иные компоненты.

В ходе анализа было обнаружено, что в высказываниях политиков в социальных сетях чаще всего актуализируется субъектная доминанта. При этом аксиологическая доминанта содержит оценку происходящего говорящим субъектом, а характерологическая доминанта включает в себя характеристику участников. Это напрямую связано с манипулятивным компонентом в политике, позволяющим оказывать воздействие на реципиента посредством оценочных суждений либо присвоения определенных характеристик некому субъекту или объекту.

Что касается текстов официальных документов, то в них на первый план выдвигается акциональная доминанта, которая напрямую связана с действиями участников. Это обусловлено, прежде всего, назначением самого нормативно-правового документа, призванного предписывать совершение неких действий, закреплять права и обязанности субъектов – участников политического дискурса. Следует отметить, что в зависимости от типа официального документа изменяются и дискурсивные доминанты. Так, в типе Proclamation довольно часто выдвигается субъектная доминанта, включающая характерологическую (характеристика участников) и аксиологическую (оценочный компонент) доминанты. А в типах Президентских актов Executive Order и Memorandum прежде всего актуализируется акциональная доминанта, связанная с действиями участников.

По наблюдению авторов, пространственная доминанта активнее проявлена в сообщениях политиков в социальной сети, чем в текстах официальных документов, что объясняется потребностью субъекта речи в социальной сети фиксировать внимание реципиента на месте событий, тогда

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316.3/4

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-1-79-89

Дата поступления: 11.01.2023
рецензирования: 13.02.2023
принятия: 20.03.2023

Е.С. Баева

Самарская городская общественная
организация «Исследовательская группа
«Свободное мнение»
E-mail: esbaeva@gmail.com

В.Ю. Бочаров

Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: vlad.bocharov@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3915-2189>

О.А. Малаканова

Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: malakanova@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1607-0930>

Информационная открытость некоммерческого сектора: общероссийские и региональные тенденции

Аннотация: статья посвящена вопросам внедрения в практику работы НКО цифровых технологий. Авторы рассматривают общероссийские и региональные тенденции показателей информационной открытости и цифровой компетентности некоммерческого сектора. Основная цель анализа – показать, каким образом информационная открытость влияет на уровень цифровизации институтов гражданского общества, прежде всего некоммерческого сектора. Информационной базой для написания статьи выступили данные исследовательских проектов, проведенных ранее по данной проблематике, а также результаты социологического исследования, инициированного Общественной палатой Самарской области с участием региональных экспертов (представителей органов власти разного уровня, НКО, общественных палат и общественных советов). Эмпирическое исследование проводилось в 2 этапа. На первом проводился опрос в онлайн-формате путем рассылки электронных писем с подробным инструктированием респондентов (всего было опрошено 50 человек). На втором этапе для уточнения собранной эмпирической информации было проведено 2 глубинных интервью с экспертами, отобранными из числа участвовавших в опросе ранее и имеющими опыт работы с цифровой средой и некоммерческими организациями Самарской области. В ходе анализа данных описывается текущая ситуация в сфере информационной открытости НКО, результатов и рисков цифровизации в третьем секторе.

Ключевые слова: информационная открытость; показатели информационной открытости; цифровизация; гражданское общество; институты гражданского общества; некоммерческая организация (НКО).

Цитирование: Баева Е.С., Бочаров В.Ю., Малаканова О.А. Информационная открытость некоммерческого сектора: общероссийские и региональные тенденции // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 1. С. 79–89. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-79-89>.

Благодарности: исследование выполнено при поддержке Общественной палаты Самарской области.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Баева Е.С., 2023 – кандидат социологических наук, доцент, Самарская городская общественная организация «Исследовательская группа «Свободное мнение», 443100, Российская Федерация, г. Самара, пр. Ленина, 12, оф. 1.

© Бочаров В.Ю., 2023 – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34; ассоци-

роанный научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, 190005, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., 25/14.

© **Малаканова О.А., 2023** – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

E.S. Baeva

Samara City Public Organisation
“Research group “Free Opinion”,
Samara, Russian Federation
E-mail: esbaeva@gmail.com

V.Yu. Bocharov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: vlad.bocharov@gmail.com,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3915-2189>

O.A. Malakanova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: malakanova@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1607-0930>

Publicity of the non-profit sector: federal and regional trends

Abstract: the article is devoted to the introduction of digital technologies into the practices of non-profit organizations. The authors consider the all-Russian and regional trends of data of the non-profit sector publicity and digital competence. The main purpose of the analysis is to show how the publicity affects the digitalization level of civil society institutions, primarily the non-profit sector. The article was based on the data of research projects conducted earlier on this issue, as well as the results of a sociological study initiated by the Public Chamber of the Samara region with regional experts involved (representatives of authorities at various levels, non-profit organizations, public chambers and public councils). The empirical study was carried out in 2 stages. At the first stage, a survey was conducted in an online format by sending emails with detailed instructions for respondents (total 50 people were interviewed). At the second stage, to clarify the collected empirical information, 2 in-depth interviews were conducted with the experts selected among those who participated in the survey earlier and who had experience in working with the digital environment and non-profit organizations of the Samara region. The data analysis describes the current situation in the field of the publicity of non-profit organizations, the results and risks of digitalization in the third sector.

Key words: publicity; publicity indicators; digitalization; civil society; civil society institutions; non-profit organization.

Citation: Baeva, E.S., Bocharov, V.Yu., Malakanova, O.A. (2023), Publicity of the non-profit sector: federal and regional trends, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 3, no. 1, pp. 79–89, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-79-89>.

Acknowledgments: the study was carried out with the support of the Public Chamber of the Samara region.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Baeva E.S., 2023** – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Samara City Public Organization «Research Group «Free Opinion», 12, Lenin Avenue (Prospekt), Samara, 443100, Russian Federation.

© **Bocharov V.Yu., 2023** – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation; Research Associate, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS branch, 25/14, office 524, 7th Krasnoarmeyskaya str., St.-Petersburg, 190005, Russian Federation.

© **Malakanova O.A., 2023** – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

В России сформировано законодательное поле, в котором за некоммерческим сектором в целом и некоммерческими организациями (далее – НКО) в частности закреплена роль института, придающего легитимность действиям органов государственной власти. Третий сектор участвует в процессе принятия решений на совещательной основе в форме общественных палат, экспертных советов, общественных/инициативных групп, НКО и других форм общественных объединений. В сложившейся ситуации НКО могут проявлять себя как пассивный участник управленческого процесса в сообществе (принятие директивы «сверху»), но могут выступать и как активный субъект социально-экономического и политического действия.

Как показывает практика, российские НКО выступают посредником, диалоговой площадкой, объединяющей интересы и потребности общества, бизнеса и государства. Активные организации сотрудничают с региональной властью и органами местного самоуправления, ориентированы на сотрудничество с бизнесом, взаимодействуют с целевыми группами населения.

Взаимодействие НКО с ключевыми участниками общественной жизни строится не только в общественно-политическом, но и в информационном поле. Указанный факт актуализирует проблему информационной открытости и социального капитала НКО. Цель данной статьи – дать оценку уровня информационной открытости современных НКО, рассмотреть общероссийские и региональные тенденции (на примере Самарской области). Информационной базой для написания статьи выступили данные исследовательских проектов, проведенных ранее по данной проблематике, а также результаты социологического исследования, инициированного Общественной палатой Самарской области с участием региональных экспертов – представителей органов власти разного уровня, НКО, представителей общественных палат и общественных советов, созданных при региональных органах исполнительной государственной власти, общественных палат и общественных советов муниципальных образований Самарской области).

Информационная открытость как объект социологических исследований

В настоящее время среди исследователей уже стало конвенциональной научной традицией рассматривать информационную открытость в качестве одного из важных показателей взаимодействия общества и власти и уровня развития гражданского общества (Boserup, Christensen 2008, Chun et al. 2010). Понятие «информационная открытость» рассматривают наряду с такими понятиями, как «открытые инновации», «открытые данные», «открытое образование», «открытая

стратегия», «открытое государство» и т. п. (Толпыгина, Малаканова 2016; Schlagwein, Conboy, Feller et al. 2017). Современная информационная открытость глубоко укоренена в информационных технологиях (ИТ) и может быть как их движущей силой, так и результатом (Кастельс 2000). На основе ИТ-технологий осуществляется информационный обмен в современном обществе, который способствует формированию новой среды обитания, социальных и моральных ценностей, образа жизни и принципов управления (Mergel 2010). Проведенный анализ данных международных исследований наглядно показал, что НКО чаще всего используют цифровые технологии в сфере коммуникаций и пока не имеют достаточного количества успешных кейсов по комплексному внедрению различных цифровых инструментов в деятельность соответствующих организаций (Global NGO... 2019, The Charity Digital... 2019, p. 6, The Charity Digital... 2020, p. 23–27).

В современной исследовательской практике признается, что неотъемлемым аспектом информационной открытости, обеспечивающим взаимодействие институтов гражданского общества и власти, является готовность акторов входить в контакт и взаимодействовать друг с другом (Открытость в условиях пандемии... 2020, с. 7–8).

В связи с этим исследователями рассматривается проблема доверия сторон такого диалога. Доверие общества к некоммерческому сектору является необходимым условием формирования социального капитала и во многом определяется степенью информационной открытости некоммерческих организаций.

Еще один аспект анализа касается зависимости уровня информационной открытости от степени цифровизации институтов гражданского общества (Скокова, Корнеева, Краснополянская и др. 2021). Е.В. Чикова и А.П. Кузьмина подчеркивают, что именно «цифровизация, ускоренная кризисом COVID-19, коренным образом перестраивает взаимодействие местных СО НКО с подопечными, донорами, волонтерами, партнерскими организациями, государственными учреждениями социального обслуживания и ведомственными структурами власти» (Чикова, Кузьмина 2022, с. 147). Несмотря на очевидные преимущества процесса цифровизации, ряд авторов обоснованно акцентируют внимание на рисках этого процесса для прав граждан (Чернышева 2019, Бурьянов 2020, Ревякин 2021). Наличие таких распространенных явлений, как кибербуллинг и мошенничество в сети Интернет, во многом ограничивает информационный обмен, подрывая доверие к информации в цифровой среде, в том числе и к информации, которую хотят донести организации некоммерческого сектора. Тем не менее, данные всероссийских социологических опросов показывают, что

большинство российских граждан (около 2/3) уже сегодня готовы к технологиям взаимодействия в рамках цифровой среды с коммерческими и некоммерческими структурами (Права человека... 2021, с. 14). Следовательно, информационная открытость и готовность к диалогу с гражданами являются обязательными элементами стратегии развития структур гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций.

Эмпирическая база и дизайн исследования

В качестве эмпирического объекта исследования выступили ключевые агенты цифровизации гражданского общества в Самарской области – эксперты в области цифровых технологий, являющиеся представителями органов власти разного уровня и госбюджетных организаций (17 экспертов), представителями НКО (16 экспертов) и представителями общественных советов при региональных органах исполнительной власти, общественных палат и общественных советов муниципальных образований Самарской области (17 экспертов) (рис. 1).

Рис. 1. Распределение экспертов эмпирического исследования по группам опрошенных, в % (N=50)
 Fig. 1. Grouping of empiric study experts in pollees, as % (N=50)

На первом этапе проводился опрос в онлайн-формате путем рассылки электронных писем с подробным инструктированием респондентов о специфике ответов на содержащиеся в гайде вопросы. Выборочная совокупность носила целевой характер и составила 50 человек. Учитывая небольшой объем выборки для статистического анализа, использовались инструменты пакета Microsoft Excel. Дополнительный семантический анализ полученной от экспертов информации относительно ключевого для нашего доклада понятия «информационная открытость» осуществлялся с помощью бесплатных онлайн-программ: 1) <https://wordcloud.online/ru> (Онлайн-сервис «Облако слов», позволяющий создать облако слов (облако тегов) из любого текста (при этом слова текста приводятся к нор-

мальной форме – лемматизируются) и 2) <https://advego.com/text/seo/> (Семантический анализ текста «Адвего» – профессиональный онлайн инструмент для оценки качества текстов, оптимизации статей и поиска ключевых слов в тексте).

На втором этапе для уточнения собранной эмпирической информации было проведено 2 глубинных интервью с экспертами, отобранными из числа участвовавших в опросе на первом этапе и имеющими опыт работы с цифровой средой и некоммерческими организациями Самарской области: эксперт в сфере цифровых технологий, имеющая опыт работы с НКО Самарской области; эксперт в сфере организационного развития НКО, разработки и оценки социальных проектов и взаимодействия с органами власти Самарской области.

Сбор эмпирических данных производился в декабре 2022 года.

Ход эмпирического исследования и его результаты

Анализ отечественных и зарубежных исследований, аналитических докладов в сфере оценки информационной открытости позволил прийти к выводу, что чаще всего применительно к некоммерческому сектору под информационной открытостью понимают *открытость и доступность информации об НКО в сети Интернет*. В ходе проведенного опроса экспертов Самарской области участникам предлагалось определить содержание понятия «информационная открытость», ответив на открытый вопрос: *«Что Вы, как эксперт, вкладываете в это понятие?»*.

Эксперты, являющиеся представителями органов власти разного уровня, представители госбюджетных организаций интерпретировали «информационную открытость», главным образом, как *«доступность информации»* и *«возможность коммуникации»* в информационном пространстве. Эта группа экспертов акцентировала внимание на важности темпоральной характеристики получения информации (*«возможность за приемлемое время получить требуемую информационную услугу»*), необходимости поддержания информации в актуальном состоянии (*«регулярное ее обновление»*), доступности для *«любых категорий заинтересованных лиц, в т.ч. не пользующихся в силу различных причин цифровыми ресурсами»*, а также на необходимости наличия информационных ресурсов у НКО для распространения информации.

Эксперты-представители НКО интерпретировали информационную открытость как *«доступность информации»*, дополняя параметр доступности *«достоверностью информации»*, *«прозрачностью»*, *«достаточностью»*, а также *удобным форматом для ее поиска*: *«Это доступность информации о деятельности НКО в*

Статистика текста

Наименование показателя	Значение
Количество символов	6747
Количество символов без пробелов	5892
Количество слов	840
Количество уникальных слов	320
Количество значимых слов	259
Количество стоп-слов	257
Вода	69.2 %
Количество грамматических ошибок	5
Классическая тошнота документа	6.32
Академическая тошнота документа	11.3 %

Семантическое ядро

Фраза/слово	Количество	Частота, %
информация	40	4.76
доступность	20	2.38
деятельность	18	2.14
нко	18	2.14
доступность информации	15	1.79 / 3.57
возможность	14	1.67
открытость	14	1.67
сеть	13	1.55
интернет	12	1.43
организация	11	1.31
открытость доступность	9	1.07 / 2.14
открытость доступность информации	9	1.07 / 3.21
сети интернет	9	1.07 / 2.14
информации нко	7	0.83 / 1.67
информационный	7	0.83

Рис. 3. Статистика проанализированных текстов и выделенное программой «Адвего» семантическое ядро
 Fig. 3. Statistics of analyzed texts and the semantic kernel, distinguished by «Адвего» software

Слова

Слово	Количество	Частота, %
информация	40	4.76
доступность	20	2.38
деятельность	18	2.14
нко	18	2.14
возможность	14	1.67
открытость	14	1.67
сеть	13	1.55
интернет	12	1.43
организация	11	1.31
информационный	7	0.83
источник	6	0.71
получать	6	0.71
разный	6	0.71
гражданин	5	0.60
мероприятие	5	0.60

Рис. 4. Частота слов, использованных в суждениях экспертов относительно понятия «информационная открытость»

Fig. 4. Frequency of the words, used in experts' opinion regarding «publicity»

СОЦИОЛОГИЯ

участника социального взаимодействия, обеспечивающий любым участникам этого взаимодействия возможность получать необходимый и достаточный объем информации (сведений) о своей структуре, целях, задачах, финансовых и иных существенных условиях деятельности. (Информационная открытость НКО... 2017).

Для обеспечения информационной открытости организации формируют открытые и общедоступные информационные ресурсы, содержащие информацию об их деятельности, обеспечивают доступ к таким ресурсам посредством размещения их в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе на официальном сайте организации в сети Интернет.

К основным информационным блокам, которые НКО обязательно должна размещать в открытом доступе, относят информацию:

- о дате создания организации, об учредителе (учредителях) организации, о месте нахождения организации и ее филиалов (при наличии), режи-

ме, графике работы, контактных телефонах и об адресах электронной почты,

- о структуре и об органах управления организации,
- о руководителе, его заместителях, руководителях филиалов (при их наличии), о персональном составе работников (с указанием с их согласия уровня образования, квалификации и опыта работы),
- о материально-техническом обеспечении (в т. ч. о наличии оборудованных помещений),
- о финансово-хозяйственной деятельности организации,
- о видах услуг, предоставляемых организацией, порядке и условиях их предоставления,
- о численности получателей услуг, обучающихся, благополучателей,
- о количестве имеющихся мест для получателей услуг, обучающихся и т. п.,
- о реализуемых программах, направлениях и результатах деятельности,

- о наличии лицензий на осуществление деятельности, подлежащей лицензированию в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Дополнительно к обязательной информации специалисты в области информационных технологий рекомендуют размещать:

- информацию о постоянных добровольцах (с указанием с их согласия уровня образования, квалификации и опыта работы),
- оперативную информацию о деятельности организации (новости, информацию о мероприятиях),
- информацию об участии организации в мероприятиях других НКО, общественных структурах, форумах и конференциях,
- отзывы получателей услуг и благополучателей.

Для оценки уровня информационной открытости НКО Самарской области были использованы методические и практические рекомендации, разработанные в соответствии с действующим Стандартом информационной открытости НКО (Стандарт рекомендован Фондом Президентских грантов) и положением Всероссийского конкурса публичных годовых отчетов СО НКО «Точка отсчета» (Информационная открытость некоммерческих организаций... 2020).

В соответствии с этими рекомендациями выделяется **3 уровня информационной открытости**: базовый, расширенный и полный. Каждый после-

дующий уровень включает в себя предыдущий, но с добавлением новых характеристик. Максимальное количество всех показателей информационной открытости – 31 позиция. Они состоят из трех основных блоков («Общая информация», «Деятельность», «Финансы»), позволяющих судить об уровне информационной открытости НКО в зависимости от наличия и подробности информации в каждом из этих блоков.

Анализ полученных ответов экспертов позволяет сказать, что около 3/4 экспертов (76%) считают, что НКО Самарской области по уровню информационной открытости находятся на первом («базовом») уровне: в том числе 58 % экспертов указали, что на этом уровне находится большинство НКО, 18 % опрошенных выбрали вариант ответа «практически все НКО находятся на этом уровне открытости» (рис. 5).

Каждый пятый эксперт (21 %) смог отнести «практически все» и «большинство» НКО Самарской области ко второму («расширенному») уровню информационной открытости, тогда как почти 60 % указали, что на втором уровне находится меньшинство НКО. Лишь 15 % экспертов смогли оценить уровень информационной открытости НКО Самарской области как высокий («полный»).

Один из участников исследования дал развернутое пояснение, почему одни организации размещают о себе минимально необходимую информацию («базовый» уровень), а другие – обеспечивают максимальную прозрачность ин-

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Как бы Вы оценили уровень НКО, действующих в Самарской области?» (в %, по всему массиву опрошенных)

Fig. 5. Allocation of answers to the question: «How would you assess the level of the Samara region non-profit organizations?» (as %, all over the pollees)

формации о своей деятельности («расширенный» и «полный» уровни): «Большинство НКО находится на первом уровне (базовом) – это требования законодательства... Что касается 2 уровня, то здесь уже данные о доходах, финансах, состав органов управления. Здесь, мне кажется, меньшинство находится на этом уровне открытости... И третий уровень я выбираю пятый вариант («практически нет НКО» – прим. интервьюера), потому что, на мой взгляд, у нас в регионе очень мало таких организаций, которые представляют свой регламент процедуры и сведения об органах надзора, и особенно активно свою деятельность публикуют. Третий уровень цифровизации практикуют в основном благотворительные фонды. Они по форме собственности тоже являются НКО. Они – да, публикуют. Такие крупные, как например, «Евита» (<https://bfevita.ru/>). Еще Светлана Полдамасова. Не могу назвать конкретное название благотворительного фонда («Благотворительный фонд Радость» / <https://vk.com/radostsamara> – прим.). Они активно ведут деятельность и публикуют тоже информацию. И все отчетные документы. Также и «Вторсырье на благотворительность». Еще Алексей Транцев, который НКО руководит «Инклюзивный центр добровольчества» (<https://inclusiacenter.ru/team/>). У них активно ведется деятельность».

Экспертная оценка уровня информационной открытости региональных НКО нуждается в дополнительной верификации. Для уточнения ситуации целесообразно провести дополнительное исследование НКО Самарской области, провести сегментацию региональных некоммерческих организаций по целям, специфике их аудитории, способам взаимодействия с внешней средой.

Анализ полученных данных позволяет с уверенностью сказать, что проблема повышения уровня информационной открытости актуальна для значительной доли организаций некоммерческого сектора Самарской области. Неслучайно, отвечая на открытый вопрос о факторах, препятствующих повышению уровня информационной открытости НКО Самарской области, эксперты обозначили достаточно широкий перечень «проблемных зон», препятствующих повышению информационной открытости и цифровых компетенций среди НКО.

Во-первых, НКО сталкиваются с управленческими и финансовыми проблемами, связанными с кадровым дефицитом, нехваткой финансирования, трудностями администрирования («несформированность кадрового потенциала (зачастую это происходит из-за отсутствия финансирования)»; «нехватка административного ресурса, денег дают только на проекты, поэтому нет возможности у большинства брать сотрудника для решения этой задачи»; «для осуществления каче-

ственного информационного сопровождения необходимо иметь специалистов, наличие сайта..., а это финансовые средства...»).

Во-вторых, эксперты считают, что барьером, препятствующим информационной открытости, выступает низкий уровень цифровой оснащенности некоммерческого сектора и дефицит IT-специалистов («не все НКО имеют собственные сайты, недостаточная компьютерная грамотность»; «отсутствие в команде НКО компетентных по вопросам информационной открытости и цифровизации деятельности специалистов»).

В-третьих, для НКО характерен низкий уровень цифровой грамотности и компетентности сотрудников НКО («недостаток общей цифровой и компьютерной грамотности у сотрудников НКО, сложности с освоением цифровых решений»).

В-четвертых, по мнению экспертов, сами НКО далеко не всегда готовы обеспечить информационную открытость, поскольку «воспринимают информационную открытость как формальную обязанность» («низкая ответственность или нежелание в открытости информирования о своей деятельности»).

Важно отметить, что в числе барьеров повышения информационной открытости и цифровых компетенций среди НКО был указан низкий уровень доверия граждан цифровой среде («боязнь утечки лишней информации. Недоверие интернету»).

Все субъекты, взаимодействующие и коммуницирующие друг с другом, составляют социальный капитал институтов гражданского общества. Важнейшим элементом социального капитала является **доверие** между участниками взаимодействия. Поскольку уровень информационной открытости связан с цифровой компетентностью некоммерческого сектора, экспертам задавался открытый вопрос: «Насколько, на Ваш взгляд, сегодня существует проблема доверия населения к практикам цифрового взаимодействия с НКО (например, через обратную форму связи на сайте НКО или через социальные сети и мессенджеры)?». По мнению большинства экспертов Самарской области, проблема доверия населения к практикам цифрового взаимодействия с НКО существует. Участники исследования указали две основные причины низкого доверия населения к практикам цифрового взаимодействия с НКО.

Первая причина связана с невысоким уровнем компьютерной грамотностью населения («на мой взгляд, проблема зависит от цифровой грамотности самого населения»; «...из-за низкой компьютерной грамотности и страха попасть «в лапы» мошенников»).

Вторая причина недоверия населения практикам цифрового взаимодействия с НКО обусловлена отсутствием надежных каналов он-

лайн-коммуникации и обратной связи между НКО и гражданами («сами НКО зачастую не дают обратной связи, и гражданину проще прийти на прием в организацию, чем ждать ответного сообщения на сайте или в мессенджере»).

Ряд экспертов высказали противоположную точку зрения: «Проблемы доверия населения в плане цифрового взаимодействия с НКО практически отсутствуют, особенно если надо задать вопрос или решить проблему, не оставляя своих персональных данных». Участники исследования отмечают, что «те граждане, которые постоянно взаимодействуют с НКО как представители их целевых групп, вполне доверяют практикам цифрового взаимодействия с НКО. Остальные граждане скорее будут испытывать недоверие. Эта проблема не возрастает, а готовности взаимодействия с НКО в целом».

Говоря о защите персональных данных в цифровой интернет-среде, практически все региональные эксперты согласились с обоснованностью опасений граждан. По мнению участников исследования, «защита персональных данных в сети интернет практически отсутствует. В интернете все может как подвергаться атакам киберпреступников, так и продаваться (целые базы данных)... Практически никто из пользователей не соблюдает цифровую гигиену». Ситуация усугубляется тем, что потребители IT-технологий зачастую используют нелегальные продукты

(«много несертифицированного и нелегального ПО и продуктов IT-технологий, чем хорошо пользуются мошенники»).

Эксперты акцентировали внимание на важности информационной и цифровой грамотности населения, поскольку это снижает риски компрометации личных данных в интернет-пространстве («Проблема не в опасности, а в неграмотности и плодящихся ею мифах. Цифровизацию надо развивать параллельно с цифровой и информационной безопасностью, формированием навыков осознанного и безопасного поведения»; «Повышение уровня цифровой грамотности будет способствовать снижению рисков доступа и использования данных мошенниками»).

Несмотря на имеющиеся проблемы и риски процесса цифровизации, подавляющее большинство региональных экспертов (более 9/10) в той или иной мере согласны с мнением, что цифровые информационные технологии в целом повысили социальный капитал и эффективность взаимодействия между институтами гражданского общества (рис. 6).

Заключение

Таким образом, информационная открытость понимается не только как доступность информации для любого гражданина (потенциального благополучателя, специалиста, добровольца и т. п.), но и как готовность входить в контакт и взаимодействовать с общественностью. По оценкам экспертного сообщества, большинство НКО Самарской области находятся на первом (базовом) уровне информационной открытости, то есть обеспечивают доступность информации о факте существования организации, ведения ею социально значимой деятельности. Лишь несколько наиболее крупных НКО Самарской области находятся на третьем (полном) уровне информационной открытости. Именно этой группе организаций, а также грантодающим организациям и IT-волонтерам принадлежит ключевая роль в развитии процессов цифровизации. Активность этих субъектов определяет потенциал развития социального капитала некоммерческого сектора.

Основными группами факторов, которые препятствуют повышению уровня информационной открытости и цифровой компетентности НКО, являются: 1) управленческие и финансовые проблемы НКО; 2) проблемы низкого доверия граждан к цифровой среде; 3) ресурсные проблемы цифровой оснащенности некоммерческого сектора и дефицит IT-специалистов; 4) нежелание и неготовность части самих НКО к информационной открытости; 5) низкий уровень цифровой грамотности и компетентности сотрудников НКО.

Подавляющее большинство региональных экспертов (более 90 %) считают, что цифровые

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «Можно ли сегодня, на Ваш взгляд, сказать в целом, что цифровые информационные технологии повысили эффективность взаимодействия между институтами гражданского общества?» (в %, по всему массиву опрошенных)

Fig. 6. Allocation of answers to the question: «Is it possible today to state that digital information technologies have improved interaction efficiency between civil society institutions?» (as %, all over the pollees)

информационные технологии повысили социальный капитал и эффективность взаимодействия между институтами гражданского общества. Одной из основных причин, тормозящих развитие социального капитала институтов гражданского общества Самарской области, является недоверие населения к цифровым технологиям и интернет-коммуникации. Причинами недоверия граждан являются: низкая компьютерная грамотность населения (особенно граждан пожилого возраста) и отсутствие надежных каналов онлайн-коммуникации и обратной связи между НКО и гражданами.

Среди практик, которые могут способствовать дальнейшей цифровизации некоммерческого сектора и развитию его социального капитала, выделяются готовые пакетные IT-решения для НКО, включение задач по цифровизации НКО в государственные программы развития и поддержки некоммерческого сектора; обучение по использованию конкретных цифровых инструментов, бесплатные или льготные IT-решения для НКО.

Расширением цифровых практик в деятельности НКО необходимо заниматься уже сегодня. Однако говорить о тотальной цифровизации некоммерческого сектора не следует. По итогам комплексного исследования выявлена неоднородность в практиках цифровизации НКО в Самарской области. В связи с этим целесообразно проведение сегментации некоммерческих организаций (по целям деятельности, целевым группам, источникам получения средств для реализации уставной деятельности и другим параметрам). Использование новых инструментов требует учета организационной специфики и направлений деятельности организации.

Источники фактического материала

Онлайн-сервис «Облако слов». URL: <https://wordcloud.online/ru> (дата обращения: 12.12.2022).

Профессиональный онлайн инструмент семантического анализа текста «Адвего». URL: <https://advego.com/text/seo/> (дата обращения: 12.12.2022).

Библиографический список

Boserup, L.K. and Christensen, J.P. (2008), *Introduction. Openness and Access to Information: Your key to public affairs*, Eds. by L.A. Pedersen & B. Lindsnaes, Danish Institute for Human Rights.

Chun, S. A. et al. (2010), Government 2.0: Making connections between citizens, data and government, *Information Polity*, vol. 15, no. 1–2, pp. 1–9, DOI: <http://doi.org/10.3233/IP-2010-0205>.

Global NGO technology report (2019), [Online], available at: <https://funraise.org/techreport> (Accessed 12 December 2022).

Mergel, I. (2010), Government 2.0 Revisited: Social Media Strategies in the Public Sector. *PA Times, American Society for Public Administration*, vol. 33, no. 3, pp. 7–10.

Schlagwein, D., Conboy, K., Feller, J. et al. «Openness» with and without Information Technology: A framework and a brief history, *Journal of Information Technology*, vol. 32, Issue 4, pp. 297–305, DOI: <http://doi.org/10.1057/s41265-017-0049-3>.

The Charity Digital Skills Report, (2019), [Online], available at: https://www.skillsplatform.org/charity_digital_skills_report_2019.pdf (Accessed 12 December 2022).

The Charity Digital Skills Report, (2020), [Online], available at: https://www.skillsplatform.org/uploads/charity_digital_skills_report_2020.pdf (Accessed 12 December 2022).

Бурьянов М.С. Глобальные цифровые права человека в контексте рисков цифровизации // Век глобализации. 2020. №3. С. 54–70. DOI: <http://doi.org/10.30884/vglob/2020.03.05>.

Информационная открытость некоммерческих организаций: методические и практические рекомендации / сост. А.Г. Дыганов, А.Д. Пашина, Л.М. Сафина, Р.Л. Фейфер, С.И. Галеев. Казань: Типография Конверс, 2020. 64 с.

Информационная открытость НКО (2017); Консультационно-методический центр СО НКО Самарской области. URL: <http://songob3.ru/2017/05/18/informatsionnaya-otkrytost-nko/> (дата обращения: 12.12.2022).

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Москва: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

Открытость в условиях пандемии COVID-19 / Дайджест. Москва: Счетная палата РФ, 2020. 37 с.

Права человека в эпоху цифровизации: общественное мнение // Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в РФ. 2021. № 2 (21). С. 14–19.

Ревякин С.А. Влияние процессов цифровизации на права человека и развитие гражданского общества // Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ. Москва: НИУ ВШЭ, 2021. 13 с.

Скокова Ю., Корнеева И., Краснопольская И. и др. Цифровизация некоммерческого сектора: готовность, барьеры и эффекты. Москва: ИППИ НИУ ВШЭ, Центр развития филантропии, Социальный навигатор, 2021. 80 с.

Толпыгина О.А., Малаканова О.А. Открытые данные как новый формат взаимодействия государства и общества // Экономика и социология. 2016. № 31. С. 17–22.

Чернышева Ю.А. Права человека в условиях цифровизации общества // Психология и право. 2019. Т. 9. № 4. С.90–102. DOI: <http://doi.org/10.30884/vglob/2020.03.05>.

org/10.17759/psylaw.2019090407.

Чикова Е.В., Кузьмина А.П. Особенности цифровизации региональных социально ориентированных НКО: кейсы Екатеринбурга // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2022. Т. 15. Вып.2. С. 137–154. DOI: <http://doi.org/10.21638/spbu12.2022.203>.

References

Boserup, L.K. and Christensen, J.P. (2008), *Introduction. Openness and Access to Information: Your key to public affairs*, Eds. by L.A. Pedersen & B. Lindsnæs, Danish Institute for Human Rights.

Chun, S. A. et al. (2010), Government 2.0: Making connections between citizens, data and government, *Information Polity*, vol. 15, no. 1–2, pp. 1–9, DOI: <http://doi.org/10.3233/IP-2010-0205>.

Global NGO technology report (2019), [Online], available at: <https://funraise.org/techreport> (Accessed 12 December 2022).

Mergel, I. (2010), Government 2.0 Revisited: Social Media Strategies in the Public Sector. *PA Times, American Society for Public Administration*, vol. 33, no. 3, pp. 7–10.

Schlagwein, D., Conboy, K., Feller, J. et al. «Openness» with and without Information Technology: A framework and a brief history, *Journal of Information Technology*, vol. 32, Issue 4, pp. 297–305, DOI: <http://doi.org/10.1057/s41265-017-0049-3>.

The Charity Digital Skills Report, (2019), [Online], available at: https://www.skillsplatform.org/charity_digital_skills_report_2019.pdf (Accessed 12 December 2022).

The Charity Digital Skills Report, (2020), [Online], available at: https://www.skillsplatform.org/uploads/charity_digital_skills_report_2020.pdf (Accessed 12 December 2022).

Buryanov, M.S. (2020), Global digital human rights in the context of digitalization risks, *Vek globalizacii = The age of globalization*, no. 3, pp. 54–70, DOI: <http://doi.org/10.30884/vglob/2020.03.05>.

Information openness of non-profit organizations: methodological and practical recommendations (2020), comp. by A.G. Dyganov, A.D. Pashina, L.M. Safina, R.L. Feifer, S.I. Galeev, Tipografiya Konvers, Kazan, Russia.

Information openness of NGOs (2017), *Consulting and Methodological Center of SO NGOs of the Samara region*, [Online], available at: <http://songo63.ru/2017/05/18/informatsionnaya-otkrytost-nko> (Accessed 12 December 2022).

Castells, M. (2000), *Information Age: Economics, Society and Culture*, HSE University Publishing House, Moscow, Russia.

Openness in the context of the COVID-19 pandemic (2020), *Digest*, Accounts Chamber of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Human rights in the era of digitalization: public opinion (2021), *Information and analytical bulletin on the development of civil society and the non-profit sector in the Russian Federation*, no. 2 (21), pp. 14–19.

Revyakin, S.A. (2021), *The impact of digitalization processes on human rights and the development of civil society*, Center for Research on Civil Society and the Non-Profit Sector of the Higher School of Economics, Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Skokova, Yu., Korneeva, I., Krasnopolskaya, I. and et al. (2021), *Digitalization of the non-profit sector: readiness, barriers and effects. IPPI NIU VShE*, Centr razvitiya filantropii, Social'ny`j navigator, Moscow, Russia.

Tolpygina, O.A. and Malakanova, O.A. (2016), Open data as a new format of interaction between the state and society, *Economics and sociology*, no. 31, pp. 17–22.

Chernysheva, Yu.A. (2019), Human rights in the conditions of digitalization of society, *Psychology and Law*, vol. 9, no. 4, pp. 90–102, DOI: <http://doi.org/10.17759/psylaw.2019090407>.

Chikova, E.V. and Kuzmina, A.P. (2022), The features of digitalization of regional socially oriented NPOs: Cases of Yekaterinburg, *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, vol. 15, issue 2, pp. 137–154, DOI: <http://doi.org/10.21638/spbu12.2022.203>.

Submitted: 11.01.2023

Revised: 13.03.2023

Accepted: 20.04.2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 8

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-1-90-102

Дата поступления: 11.01.2023
рецензирования: 13.02.2023
принятия: 20.03.2023

Н.В. Авдошина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: avdoshina.nv@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9117-7781>

В.Ю. Бочаров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: bocharov.vyu@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3915-2189>

Ю.В. Васькина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: vaskina.yuv@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0586-839X>

М.В. Хардин

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: khardin.mv@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5257-7125>

Приоритеты деятельности и перспективы роста авторитета российских профсоюзов среди вузовских работников

Аннотация: статья посвящена анализу деятельности университетского профсоюза в современных условиях. Авторы дают обзор сложившихся подходов к анализу профсоюзного движения в России, приводят данные социологического исследования, в ходе которого анализировалась востребованность различных направлений деятельности профсоюза работников Самарского университета, их освещение в университетских СМИ и на сайте профсоюза, а также предложения по улучшению работы профсоюзной организации. Делается вывод о том, что наиболее востребованы и положительно оценены сотрудниками университета организация профсоюзом отдыха и оздоровления сотрудников и их детей, проведение массовых мероприятий, предоставление социальных льгот и материальной помощи работникам. При этом респондентами достаточно критически воспринимается одна из главных задач профсоюза – возможность влиять на улучшение оплаты и условий труда работников Самарского университета. По итогам исследования сформулированы практические рекомендации профсоюзному комитету, среди которых важнейшими являются повышение активности в вопросах защиты заработной платы и в информационной деятельности профсоюза.

Ключевые слова: российские профсоюзы; профсоюзная деятельность; работники вуза; Самарский университет; анкетный опрос.

Цитирование: Авдошина Н.В., Бочаров В.Ю., Васькина Ю.В., Хардин М.В. Приоритеты деятельности и перспективы роста авторитета российских профсоюзов среди вузовских работников // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 1. С. 90–102. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-90-102>.

Благодарности: исследование выполнено в рамках гранта «Профсоюзные лидеры Самарского университета: сохраняем традиции – создаём инновации» в 2022 году.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Авдошина Н.В., 2023** – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, 190005, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., 25/14.

© **Васькина Ю.В., 2023** – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, 190005, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., 25/14.

© **Бочаров В.Ю., 2023** – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, 190005, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., 25/14.

© **Хардин М.В., 2023** – кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры обработки металлов давлением, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

N.V. Avdoshina

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation

E-mail: avdoshina.nv@ssau.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9117-7781>

V.Yu. Bocharov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation

E-mail: bocharov.vyu@ssau.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3915-2189>

Yu.V. Vas'kina

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation

E-mail: vaskina.yuv@ssau.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0586-839X>

M.V. Khardin

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation

E-mail: khardin.mv@ssau.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5257-7125>

Russian trade unions' activity priorities and prospects for the authority rise among university workers

Abstract: this article is devoted to the analysis of the university trade union activity in the modern context. The authors overview the existing approaches to the analysis of the trade union movement in Russia, give the sociological study data on the demand for various activities of the Samara University trade union, it's coverage in the university media and on the trade union website, and also proposals for improving the trade union activities. It is concluded that following activities are the most demanded and favorably evaluated by the university personnel: recreation and health improvement measures for employees and their children, organization of mass participation events, provision of social benefits and financial assistance. At the same time, the respondents question one of the main tasks of the trade union – the ability to improve wages and working conditions for the Samara University employees. Based on the results of the study, practical recommendations for the trade union committee were formed, including the most important recommendations: activity increase in wage security and the trade union information work.

Key words: Russian trade unions; trade union activity; university workers; Samara University; questionnaire survey.

Citation: Avdoshina, N.V., Vas'kina, Yu.V., Bocharov, V.Yu., Khardin, M.V. (2023), Russian trade unions' activity priorities and prospects for the authority rise among university workers, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 3, no. 1, pp. 90–102, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-90-102>.

Acknowledgments: the study was carried out as part of the grant "Samara University Trade Union Leaders: Preserving Traditions – Creating Innovations" in 2022.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Avdoshina N.V., 2023** – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation; Research Associate, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS branch, 25/14, office 524, 7th Krasnoarmeyskaya str., St.-Petersburg, 190005, Russian Federation.

© **Vas'kina Yu.V., 2023** – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation; Research Associate, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS branch, 25/14, office 524, 7th Krasnoarmeyskaya str., St.-Petersburg, 190005, Russian Federation.

© **Bocharov V.Yu., 2023** – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation; Research Associate, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS branch, 25/14, office 524, 7th Krasnoarmeyskaya str., St.-Petersburg, 190005, Russian Federation.

© **Khardin M.V., 2023** – Candidate degree in Engineering, Associate Professor, Department of Metal Forming, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Трансформация технико-технологического уклада, изменившая основания и характеристики трудовых отношений, повлияла на изменение места и роли профсоюзов в организациях всех сфер экономической деятельности. Общемировая тенденция сокращения членской базы профсоюзных организаций, наблюдавшаяся еще с конца XX века, особенно заметна на предприятиях обрабатывающих производств, но затрагивает и сектора учреждений государственных услуг (Crouch 2000; Большаков, Григорьев 2009). Кроме того, осуществляемая во многих западных странах неолиберальная политика в социально-трудовой сфере способствовала созданию иллюзорной картины того, что ответственность за жизненные успехи и неудачи лежит исключительно на самом наемном работнике. В результате институциональные и идеологические причины привели в настоящее время к наблюдаемым в мировом масштабе процессам дезинтеграции сообществ наемных работников и ослаблению коллективных действий, направленных на улучшение условий труда и занятости наемного персонала (Болтански, Кьяпелло 2010).

Тем не менее, если рассматривать государственный сектор образовательных услуг, то до сих пор именно в вузах профсоюзы сохраняют свое достаточно сильное влияние. Более того, исследователи отмечают наличие позитивного влияния на научную и учебную деятельность работников вузов, которое оказывает профсоюз, повышая у преподавателей и научных работников уровень обеспеченности социальными гарантиями и вли-

я в целом на их уверенность в будущем (Cassell, State 2014). И такая ситуация связана не только с исторически традиционными направлениями деятельности профсоюзов, ориентированными на повышение оплаты и улучшение труда работников высшего образования, но и с деятельностью, связанной с распределением пособий и материальной помощи, а также проведением культурных и спортивных мероприятий. В нашей стране это были основные аспекты деятельности советских профсоюзов, но и сегодня подобные практики успешно применяются профсоюзными организациями в зарубежных университетах и колледжах (Min Dou 2022).

Целью данной статьи является анализ основных направлений деятельности профсоюза работников вуза и их реальной востребованности среди преподавателей и научных работников на примере функционирования профсоюзной организации сотрудников Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева (далее – Самарский университет). Для достижения этой цели нами был рассмотрен опыт российских исследований профсоюзов, в том числе профсоюзов организаций высшего образования, и проведено комплексное эмпирическое исследование деятельности профсоюзной организации Самарского университета. Кроме того, решалась прикладная задача, связанная с формулированием практических рекомендаций по повышению эффективности деятельности университетского профсоюза и роста его авторитета среди вузовских работников.

Российские профсоюзы как объект социологических исследований

Социологический подход к анализу деятельности российских профсоюзов как субъекта трудовых отношений в новых условиях реформируемой России сформировался уже к середине 1990-х годов (Рогова 1994; Clarke, Fairbrother, Borisov 1995). При этом нередко с критической точки зрения рассматривался опыт функционирования советских профсоюзов и подчеркивалась необходимость формирования новых профсоюзных практик, связанных с рыночной экономикой и трансформацией самой профсоюзной структуры (Козина 2002; Щеглова 2004). В дальнейшем появляются работы, в которых рассматривается роль отечественных профсоюзов в формировании и развитии организационной культуры на предприятиях (Семенов 2008), регулировании системы трудовых отношений (Олимпиаева 2010), повышении качества трудовой жизни работников (Рушева 2016), модернизации социального института наемного труда (Бочаров 2017). Также в последнее время появился ряд работ, рассматривающих дальнейшие перспективы развития профсоюзного движения в России (Низамудинова, Рабцевич 2015) и факторы изменения положения российских профсоюзов (Рушева, Бекарев 2022).

Отметим, что немалую долю социологических исследований деятельности российских профсоюзов составляют региональные исследования. Так, например, роль самарских профсоюзов в социальном диалоге описывается в исследовании М.В. Карелиной (Карелина 2005), а в целом история самарских профсоюзов, входящих в Федерацию независимых профсоюзов России (далее – ФНПР), подробно описывается в монографии В.А. Заводчикова (Заводчиков 2002). Свой вклад в анализ деятельности самарских профсоюзов внесли и авторы этой статьи, причем рассматривая деятельность профсоюзов не только на промышленных предприятиях, но и в других сферах деятельности, например, в учреждениях общего образования (Бочаров 2014; Авдошина, Бочаров, Васькина 2015).

Наконец, отметим, что достаточно большое количество российских научных исследований посвящено непосредственно деятельности профсоюзов учреждений высшего образования. В этих работах рассматриваются правовые и организационные основания деятельности первичной профсоюзной организации работников вузов и инновационные программы, определяющие новые векторы ее развития (Забара, Малафеева, Садкина 2016), направления и формы деятельности профсоюзной организации и ее роль в заключении коллективного договора между администрацией и работниками вуза (Чупраков, Беляева 2009), опыт советских практик деятельности вузовских профсоюзов и перспективы их возрождения и

функционирования в современных условиях (Кузнецова 2018). О важности изучения деятельности российских профсоюзов учреждений высшего образования свидетельствуют научные конференции, посвященные изучению различных аспектов такой деятельности (Роль и место профсоюза в XXI веке... 2019), а также монографии, посвященные комплексному социологическому анализу деятельности профсоюзной организации какого-либо конкретного российского вуза (Харламов, Склярова, Сидоренко 2014).

Методология исследования и эмпирическая база

Опираясь на советскую традицию (Черкасов 1970), изучение профсоюза сотрудников Самарского университета мы осуществляем в рамках отраслевой социологической дисциплины – социологии труда. Используя методологию структурного функционализма, мы рассматриваем профсоюз как организационную систему (Саленко 2000), реализующую функции социального института наемного труда (Бочаров 2010). Соглашаясь с А.В. Шершуковым (одним из ведущих идеологов современного профсоюзного движения России), под профсоюзной организацией мы понимаем *«добровольное объединение работников, созданное ими для того, чтобы коллективно, за счет общих усилий (финансовых, организационных) добиваться повышения зарплаты, улучшения условия труда и пр.»* (Шершуков 2020, с. 14).

Применяя исследовательскую стратегию монографического описания, мы анализируем деятельность конкретной первичной профсоюзной организации работников Самарского университета. Эта организации имеет достаточно долгую историю (основана в 1942 году) и в настоящее время входит в ФНПР. Следует отметить, что на протяжении последних 5 лет наблюдается отрицательная динамика профсоюзного членства: на конец 2017 г. в профсоюзе состояло 1849 сотрудников Самарского университета, а на конец 2022 г. – 1448.

Объект эмпирического исследования – преподаватели университета, являющиеся членами профсоюза, ответственные работники профсоюза, а также сайты профсоюза работников Самарского университета и университетской газеты «Полёт».

Методы исследования – анкетный онлайн-опрос, свободное интервью, контент-анализ.

Эмпирическое исследование было проведено в сентябре-ноябре 2022 года и включало в себя несколько последовательных этапов сбора информации:

1. На первом этапе исследования был проведен анализ содержания сайта профсоюзной организации работников Самарского университета. Представленное на сайте Положение о профсоюзной организации работников «Самарского на-

ционального исследовательского университета имени академика С.П. Королёва», действовавшее до принятия в конце 2020 года новой редакции Устава Профсоюза, в качестве основных целей деятельности профсоюзной организации определяет следующие:

1) «представительство и защита индивидуальных и коллективных, социально-трудовых, профессиональных, экономических и иных прав и интересов членов Профсоюза;

2) реализация прав членов Профсоюза на представительство в коллегиальных органах управления Самарским университетом;

3) содействие созданию условий для повышения жизненного уровня членов Профсоюза и их семей».

В соответствии с этими целями нами было выделено 6 основных направлений деятельности рассматриваемой профсоюзной организации, а именно:

1) «организация летнего отдыха сотрудников и их детей»;

2) «профилактика заболеваемости и укрепление здоровья работника»;

3) «организация культурно-массовой работы»;

4) «повышение оплаты труда сотрудников»;

5) «улучшение условий и охраны труда»;

6) «ведение переговорного процесса с руководством университета по заключению коллективного договора».

Именно эти направления деятельности профсоюза в дальнейшем были использованы при контент-анализе материалов университетской газеты «Полёт» и включены в анкету для опроса работников Самарского университета.

2. На втором этапе нами был проведен контент-анализ содержания многотиражной газеты «Полёт», являющейся официальным периодическим печатным изданием Самарского университета. Контент-анализ осуществлялся с помощью методов частотного (программа Wordstat) и нечастотного (качественный анализ текстового и визуального контента) контент-анализа. Анализ проводился за период календарного года по номерам газеты, вышедшим в 2022 году (на момент исследования – 6 выпусков), а также дополнительно брался заключительный (№ 9) выпуск газеты за 2021 год. Общее количество слов, содержащихся в проанализированных выпусках газеты «Полёт», – 51 274.

По результатам частотного анализа выяснилось, что само слово «профсоюз» (а также его производные «профсоюзный, профсоюзное» и т.п.) практически не встречается в текстах газеты. Более того, в тех редких случаях, когда в газете говорится о профсоюзе, то речь идет о студенческом профсоюзе. Отметим, что ни разу не встречаются такие слова, как «профком», «профсоюзный комитет», а словосочетание «коллективный договор» встреча-

ется всего 1 раз и то в контексте «улучшения жизни студентов».

Проведя анализ в соответствии с выделенными ранее шестью направлениями деятельности профсоюза сотрудников Самарского университета, мы выяснили, что такие направления если и присутствуют в темах выпусков газеты «Полёт», то не рассматриваются в контексте деятельности профсоюза сотрудников Самарского университета. Более того, в выпусках газеты «Полёт» описано достаточно различных культурных, юбилейных, праздничных и спортивных мероприятий, но ни в одном случае не упоминается роль профсоюзного комитета в их проведении и организации. Профсоюзу не находится места ни с точки зрения ретроспективы, ни с перспективной точки зрения. Так, последний из проанализированных номеров газеты «Полёт» (№ 6–7, октябрь 2022 года), посвященный 80-летию юбилею Самарского университета и одновременно размышлениям о будущем развитии университета, ни в каком из контекстов не упоминал деятельность и роль профсоюза.

3. На третьем этапе исследования нами были проведены 10 интервью с лидерами и ответственными работниками профсоюзной организации работников Самарского университета, занимавшими эти должности в разные годы. Опрошенные делились своим опытом профсоюзной работы, сообщали о специфике и направлениях деятельности профсоюза, достижениях, проблемах, отношениях с преподавателями и руководителями университета.

4. Опираясь на собранную на первых трех этапах исследования информацию, мы составили анкету для массового опроса преподавателей и научных сотрудников университета, являющихся членами университетского профсоюза. Опрос проводился в ноябре 2022 года в онлайн формате заполнением анкеты, созданной в гугл-форме. В соответствии с утвержденным техническим заданием было опрошено 100 респондентов – членов профсоюза работников Самарского университета: пол – мужской (28 %) и женский (72 %); возрастные группы – моложе 30 лет (8 %), 31–45 лет (36 %), 46–65 лет (45 %), 66 и старше (11 %); сотрудники социально-гуманитарного института (далее – СГИ) – 25 %, сотрудники других институтов – 75 %).

Результаты анкетного опроса членов профсоюзной организации Самарского университета

Большинство (около 3/4) опрошенных респондентов более 10 лет состоят в рядах профсоюзной организации работников университета. Среди респондентов старших возрастных групп доля тех, чей стаж профсоюзного членства составляет более 10 лет, превышает 4/5 опрошенных. Респондентам, которые состоят в рядах университетского профсоюза преподавателей более 10 лет, задавался вопрос относительно динамики изменений в работе про-

фоюза за последние 10 лет. В целом по массиву опрошенных каждый третий (34 %) отвечавший на этот вопрос отметил изменения позитивного характера в деятельности профсоюза, 40 % – не заметили каких-то изменений, а около 1/4 (24 %) – затруднились дать свою оценку произошедшим за 10 лет изменениям. Лишь единицы (всего 2 %) респондентов указали на негативный характер изменений в деятельности профсоюза. Отметим, что опрошенные женщины вдвое чаще (40 %) сообщали об изменениях позитивного характера в деятельности профсоюза, чем респонденты-мужчины (20 %). Также более склонны позитивно оценивать характер изменений в деятельности профсоюза респонденты возрастной группы 46–65 лет (39 %).

Отвечая на вопрос о преимуществах нахождения в профсоюзе, респонденты чаще всего отмечали возможность для членов профсоюза получать материальную помощь (63 % ответов), пользоваться льготными путевками на отдых и лечение (59 %), получать детские подарки на Новый год (50 %) и иметь возможность бесплатного посещения театров, бесплатно заниматься физкультурой и спортом в нашем университете (46 %). Только 18 % отвечавших указали, что не видят никаких преимуществ от нахождения в рядах профсоюза (табл. 1).

кто обращался за помощью. Вторая по распространенности причина обращения в профсоюз – приобретение путевок в санатории по льготной цене (27 %). Существенно меньшие доли обращений по вопросам трудовых отношений (условий и охраны труда, несправедливости со стороны руководства) – 11 % и получения социальных льгот (например, бесплатного посещения спортивных сооружений университета) – 7 %.

На вопрос о том, была ли оказана помощь со стороны профсоюза, отвечали только те респонденты, кто обращался за помощью. И как оказалось, почти 4/5 из обратившихся (78 %) дали утвердительный ответ относительно получения помощи со стороны профсоюза. Только 4 % обратившихся профсоюз не смог помочь в решении их вопроса. Заметно чаще других сообщали о позитивном решении вопроса их обращения в профсоюз женщины (81 %) и работники 46–65 лет (96 %). Также стоит отметить, что среди сотрудников СГИ о благополучном решении их проблемы со стороны профсоюза сообщили 73 %, а вот среди сотрудников других подразделений университета – 93 %. А чаще всего жаловались на факт отсутствия помощи при обращении в профсоюз работники старше 66 лет (17 %).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Как вы считаете, у тех работников, которые входят в профсоюз, есть преимущества?» (в %)*

Table 1

Allocation of answers to the question: «Do you consider trade unionists to have advantages?» (as %)*

Варианты ответов	Доли ответов
Они имеют возможность получать материальную помощь	63
Они пользуются льготными путевками на отдых и лечение	59
Они получают детские подарки на новый год	50
Они имеют возможность бесплатного посещения театров, бесплатно заниматься физкультурой и спортом в нашем университете	46
Профсоюз защищает их интересы перед администрацией и добивается справедливости	19
Никаких преимуществ у членов профсоюза нет	18
У меня нет информации	1

* *Примечание: на этот вопрос можно было выбрать несколько вариантов ответа, поэтому сумма ответов превышает 100 %.*

Данные опроса свидетельствуют, что почти 2/3 опрошенных (63 %) обращались за помощью в профсоюзную организацию. Чаще это делали женщины (73 %) и респонденты возрастной группы 46–65 лет (70 %). Отметим, что среди мужчин только около 1/3 (35 %) обращались за помощью в профсоюзный комитет.

Вопросы, по которым работники обращались в профсоюз, прежде всего, касаются получения материальной помощи. Об этом сообщили 62 % тех,

Смысл существования профсоюзной организации, естественно, не только в оказании помощи в трудной жизненной ситуации и решении индивидуальных проблем обращающихся сотрудников. Прежде всего, это коллективная борьба за повышение уровня жизни своих членов и улучшение условий их работы. В этом плане деятельность профсоюзного комитета сотрудников университета оценивается респондентами достаточно критически. Только каждый десятый опрошенный (10%)

считает, что профсоюзная организация оказывает влияние на улучшение оплаты и условий труда работников Самарского университета. Еще 28 % опрошенных придерживаются мнения, что такое влияние профсоюз оказывает, но делает это слабо. А вот почти 1/3 опрошенных (30 %) уверены, что никакого влияния на улучшение оплаты и условий труда профсоюз не оказывает. Еще примерно 1/3 затруднились с ответом на этот вопрос, т. е. не владеют информацией о реальной деятельности профсоюза в этом направлении. Отметим, что наиболее велики доли респондентов, считающих, что профсоюз совершенно не оказывает влияние на улучшение оплаты и условий их труда, среди женщин (33 %), сотрудников СГИ (39 %) и среди респондентов 31–45 лет (45 %) (табл. 2).

и одновременно среди мер поддержки, в которых нуждаются члены профсоюза (30 %), – деятельность по организации летнего отдыха сотрудников и их детей (табл. 3 и 4).

В ситуации, когда немалые доли сотрудников скептически оценивают возможности своей профсоюзной организации по улучшению оплаты и условий их труда, не выглядит неожиданным, что достаточно большое количество опрошенных задумываются о выходе из профсоюзной организации. По данным опроса, такое желание иногда появляется у 42 % респондентов. При этом наиболее выражены доли таких респондентов среди возрастной группы 46–65 лет (46 %), среди работающих в СГИ (46 %) и среди респондентов-мужчин (50 %) (табл. 5).

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос «По Вашему мнению, оказывает ли влияние профсоюзная организация на улучшение оплаты и условий труда работников Самарского университета?» (в %)

Table 2

Allocation of respondents' answers to the question «Do you consider the trade union to improve wages and working conditions for the Samara University employees?» (as %)

Варианты ответов	Да, оказывает	Оказывает, но слабо	Совершенно не оказывает	Не знаю	Итого
Возрастные группы					
Моложе 30 лет	0	50	17	33	100
31–45 лет	7	14	45	34	100
46–65 лет	12	36	21	31	100
66 и старше	12	12	12	64	100
Гендерные группы					
Мужчины	5	30	25	40	100
Женщины	11	27	33	29	100
Структурные подразделения					
СГИ	7	22	39	32	100
Другие институты	17	44	6	33	100
В среднем все опрошенные	10	28	30	32	100

Достаточно тревожная ситуация со слабым влиянием профсоюза на улучшение оплаты и условий труда сотрудников университета усугубляется тем, что, по мнению опрошенных респондентов, именно это направление является наиболее важным в деятельности профсоюза (63 % ответов) и одновременно наиболее востребованным механизмом поддержки у членов профсоюза (73 % ответов). А на втором месте по важности для респондентов является деятельность профсоюза по улучшению условий и охраны труда (46 %), являясь также вторым по востребованности в настоящее время у членов профсоюза (43 %).

Отметим, что в тройке приоритетных направлений деятельности профсоюзного комитета (32 %

Подтверждают необходимость концентрации усилий профсоюза, прежде всего, на вопросах оплаты и условий труда и ответы респондентов на открытый вопрос: «Если бы Вы стали председателем профсоюзной организации сотрудников университета, то что бы Вы сделали в первую очередь?». Отвечая на этот проективный вопрос, чаще всего респонденты сообщали, что предприняли бы меры по увеличению заработной платы: «Добивался повышения заработной платы сотрудников университета»; «Активизировал рассмотрение вопроса о повышении оплаты труда сотрудников Университета»; «Повышение зарплат преподавателям».

Примерно такая же часть ответов касалась решения проблем улучшения условий и охраны

труда сотрудников: «...Нужно принимать меры по улучшению оборудования аудиторий. Мел и доска в XXI веке в большинстве аудиторий – это странно»; «Мной был бы поднят вопрос оснащенности аудиторий и кафедр. Явно не хватает МФУ, принтеров, учебников»; «...поднял вопрос о «ночной работе» в магистратурах».

При этом часть отвечавших о своих возможных действиях на посту председателя профкома планировала принять меры сразу по двум этим наиболее

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие направления деятельности профсоюза Самарского университета являются в настоящее время наиболее важными?» (в % от количества ответов, ранжировано по мере уменьшения доли ответов)*

Table 3

Allocation of respondents' answers to the question «What Samara University trade union activities are the most important nowadays?» (as % of the number of answers, ranged according to decrease of the amount of answers)*

Направления деятельности профсоюза	Доли ответов
По повышению оплаты труда сотрудников	63
По улучшению условий и охраны труда	46
По организации летнего отдыха сотрудников и их детей	32
По ведению переговорного процесса с руководством университета и заключению коллективного договора	29
По профилактике заболеваемости и укреплению здоровья работников	26
По организации культурно-массовой работы	15
Затруднились с ответом	13
«Другое»**	4

Примечания:

* на этот вопрос можно было выбрать несколько вариантов ответа, поэтому сумма ответов превышает 100 %.

** 4 % респондентов, отметивших вариант «другое», указали на важность работы профсоюза по решению «жилищного вопроса» и «снижению нагрузки на преподавателей».

Таблица 4

Распределение ответов респондентов на вопрос «А в каких мерах поддержки со стороны профсоюзного комитета Вы больше всего нуждаетесь в настоящее время?» (в % от количества ответов, ранжировано по мере уменьшения доли ответов)*

Table 4

Allocation of respondents' answers to the question «What trade union supporting measures do you need most at the present moment?» (as % of the number of answers, ranged according to decrease of the amount of answers)*

Направления деятельности профсоюза	Доли ответов
По повышению оплаты труда сотрудников	73
По улучшению условий и охраны труда	43
По организации летнего отдыха сотрудников и их детей	30
По профилактике заболеваемости и укреплению здоровья работников	28
По ведению переговорного процесса с руководством университета и заключению коллективного договора	13
По организации культурно-массовой работы	6
Затруднились с ответом	7
«Другое»**	6

Примечания:

* на этот вопрос можно было выбрать несколько вариантов ответа, поэтому сумма ответов превышает 100 %.

** 6 % респондентов, отметивших вариант «другое», указали, что больше всего в настоящее время нуждаются в деятельности профсоюза по решению «жилищного вопроса» и повышению авторитета преподавателей «на уровень выше, чем у студента и административного персонала».

Таблица 5

Распределение ответов респондентов на вопрос «Не появляется ли у Вас желание выйти из профсоюза?» (в %)

Table 5

Allocation of respondents' answers to the question «Do you happen to wish to withdraw from the trade union?» (as %)

Варианты ответов	Иногда появляется	Не появляется	Трудно сказать	Итого
Возрастные группы				
Моложе 30 лет	33	33	34	100
31–45 лет	44	48	8	100
46–65 лет	46	46	8	100
66 и старше	25	50	25	100
Гендерные группы				
Мужчины	50	40	10	100
Женщины	38	48	14	100
Структурные подразделения				
СГИ	46	37	17	100
Другие институты	28	72	0	100
В среднем все опрошенные	42	46	12	100

важным в настоящее время, по данным проведенного опроса, направлениям работы профсоюза – повышению оплаты и улучшению условий труда сотрудников университета: «Более активно проводила бы переговоры с руководством по поводу оплаты и условий труда преподавателей»; «Повышением заработной платы работников и улучшением условий труда»; «Действия, направленные на улучшение условий труда. Повышение справедливости оплаты труда: внесение изменений в критерии формирования нагрузки преподавателей (добавление в нагрузку преподавателя часов на подготовку статей, монографий, учебных пособий, увеличение количества часов на руководство курсовыми работами и ВКР)».

Респондентами предлагались и определенные меры по повышению эффективности работы профсоюзного комитета Самарского университета. Встречались предложения по изменению кадрового состава первичных профсоюзных ячеек в институтах и факультетах: «Провела перевыборы пассивных председателей первичных ячеек (в институтах и факультетах)», а также повышению информационной открытости профсоюзной деятельности:

«Сделала бы работу профсоюзной организации более прозрачной, чтобы работники знали, какую помощь могут получить, и кому помогает профсоюз»;

«Я бы организовал канал для распространения полезной информации среди всех членов и для быстрого и прямого общения с ассоциацией и между членами».

При этом в рамках повышения информационной открытости звучали конкретные развернутые

предложения по организации таких каналов прямой связи профкома с сотрудниками:

«Более прозрачную деятельность профсоюза, возможно сайт или вкладку более информативную на сайте университета, где бы легко можно было найти всю информацию и по разным направлениям деятельности профсоюза и разным возможностям его участников»;

«1. Профсоюз должен решать актуальные проблемы. Чтобы их выявить, нужно регулярно собирать предложения от членов профсоюза не в принудительном порядке ради галочки, а в добровольном. Возможно в гугл-форме. Когда предложения будут отобраны, их можно обсудить на общем собрании, о котором оповестить всех членов профсоюза. Затем, после обсуждения, вынести эти предложения на тайное голосование, в котором примут участие все члены профсоюза. Также, на общем собрании можно определить приоритетные направления работы профсоюза. 2. Чтобы связь с членами профсоюза не терялась можно в ВК и ТГ завести группу или чат. Так, возможно, получится минимизировать влияние "железного закона олигархизации власти"»;

«Считаю важным сбор конкретных предложений от сотрудников к администрации, лучше в анонимной форме и не через председателя профбюро»;

«Профсоюз проводит большую работу, но она, к сожалению, остается в тени, о ней мало кто знает. За счет специалистов информационных систем создала бы активную социальную сеть, где можно было бы рассказать о каждом проведенном мероприятии, о плюсах членства в

профсоюзной организации, о решении вопросов с администрацией университета. На всех экранах университета необходимо показать работу профсоюзной организации».

Тем не менее, даже в условиях очевидного информационного дефицита о деятельности профсоюза среди ответов респондентов были и такие, в которых звучало полное одобрение действий нынешнего руководства профсоюзного комитета:

«Считаю, что нынешний председатель справляется. Я бы в первую очередь обратилась к нему для того, чтобы перенять опыт и знания»;

«Я уверена, что председатель делает всё возможное для улучшения жизни работников».

Таким образом, наибольшей актуальностью для работников университета являются действия профсоюза по повышению заработной платы, а также условий и охраны труда. Но именно эти направления деятельности не так широко представлены в информационных каналах профсоюза.

Предоставляемая материальная помощь профсоюзом хорошо известна и востребована со стороны работников, она вполне соответствует запросам на повышение доходов, однако размер материальной помощи нельзя считать существенным вкладом в повышение уровня жизни работников. При этом надо понимать, что материальная помощь – это разовая выплата в экстренных случаях, она и не ориентирована на повышение уровня жизни, для этого надо повышать заработную плату.

Из всех направлений деятельности профсоюза организация оздоровления, отдыха и массовых мероприятий, а также предоставление ряда социальных льгот (в виде посещения спортивных объектов и учреждений культуры) наиболее известны, а также в наиболее полной мере соответствуют запросам работников.

Выводы и практические рекомендации

Проведенное эмпирическое исследование позволило, с одной стороны, увидеть положительную оценку сотрудниками университета ряда направлений работы профсоюза и их востребованность. Речь идет, прежде всего, об организации отдыха и оздоровления сотрудников и их детей, проведении массовых мероприятий, предоставлении социальных льгот и материальной помощи работникам. Эти направления и наиболее известны, и соответствуют интересам членов профсоюза.

С другой стороны, полученные результаты выявили относительно низкие оценки профсоюзной деятельности, к которым следует отнести, прежде всего, довольно скромную оценку деятельности профсоюза за последние 10 лет (только каждый третий опрошенный отметил изменения позитивного характера в деятельности профсоюза) и его возможности влиять на улучшение оплаты и ус-

ловий труда работников Самарского университета (об этом сообщает только 10% опрошенных и еще 28% говорят о слабом влиянии профсоюза). Такие оценки, безусловно, влияют на возникающие у 42% респондентов мысли о возможности покинуть ряды профсоюза. При этом, судя по данным опроса, более выражен скепсис по отношению к деятельности профсоюза среди сотрудников СГИ, 39% которых считают, что профсоюз не оказывает никакого влияния на улучшение их оплаты и условий труда, и в результате 46% опрошенных сотрудников СГИ задумываются о выходе из рядов профсоюза.

Обобщая рекомендации собранные в ходе интервью с бывшими и действующими работниками профсоюза работников Самарского университета, а также учитывая данные анкетного опроса и материалы контент-анализа сайта профсоюзного комитета и газеты «Полёт», мы можем сделать следующие выводы:

1. Наиболее востребованными направлениями деятельности профсоюзного комитета работников Самарского университета являются: 1) повышение оплаты труда сотрудников, 2) улучшение условий и охраны труда, 3) организации летнего отдыха сотрудников и их детей.

2. Необходимо преодолевать информационный вакуум о деятельности профсоюза сотрудников Самарского университета. *Во-первых*, для этого необходимы действия по коренной модернизации сайта профкома. Такая модернизация может включить как техническое обновление дизайна сайта и его наполнение графикой и визуальным контентом (за образец оболочки сайта вполне можно взять официальный сайт Самарского университета и пригласить тех же разработчиков), так и содержательное обновление устаревшей информации и устранения существующих пробелов в разделах сайта. *Во-вторых*, необходимо активнее использовать имеющиеся университетские СМИ для информирования о профсоюзной деятельности и успехах такой работы. Ситуация, когда главное университетское СМИ газета «Полёт» фактически игнорирует профсоюзную жизнь, не способствует повышению авторитета профсоюза и не формирует у молодых сотрудников желания вступать в его ряды. *В-третьих*, необходимо создание новых каналов для взаимодействия между руководством и рядовым профсоюзными членами. Таким каналом вполне может быть создание общего чата (например, в мессенджере Телеграм, как предлагали сами респонденты исследования). *В-четвертых*, необходимо уделить больше внимание организации совместных информационных проектов между профкомом и профсоюзным активом СГИ. Не исключено, что для разработки специального проекта, который может позволить объединить информационное пространство меж-

ду физически удаленными структурами, целесообразно провести специальное заседание комиссии по организационной работе при профкоме, на котором принять положение о сборе предложений по такому проекту и объявить соответствующий конкурс инициатив.

В целом, очевидно, что потребность в усилении информационной работы и создании постоянно действующих и доступных каналов обратной связи с рядовыми членами профсоюза должна быть реализована уже в ближайшее время. Такие меры помогут, с одной стороны, предотвратить рост негативных оценок и отток членов профсоюза, а с другой – создать условия для активизации участия рядовых членов в жизни профсоюза, вовлечения их профсоюзные программы и в конечном итоге способствовать повышению авторитета профсоюзной организации сотрудников Самарского университета. Подобная информационная компания позволит решить и еще одну актуальную задачу профсоюза – привлечь в свои ряды новых членов.

Источники фактического материала

WordStat – экспресс контент-анализ текста. URL: <http://content-analysis.ru/index.php/soft/wordstat-ekspress-kontent-analiz-teksta/> (дата обращения: 25.12.2022).

Официальный сайт профсоюза сотрудников Самарского университета. URL: <http://profkom.ssau.ru/index.php> (дата обращения: 25.12.2022).

Многотиражная газета Самарского университета «Полёт». URL: https://ssau.ru/events_news/news/polet/vipuski (дата обращения: 25.12.2022).

Библиографический список

Cassell, M. and State, K. (2014), The Impact of Unionization on University Performance, *Journal of Collective Bargaining in the Academy*, vol. 6, iss. 1, art. 3, DOI: <http://doi.org/10.58188/1941-8043.1314>, [Online], available at: <https://thekeep.eiu.edu/jcba/vol6/iss1/3> (Accessed 25 Desember 2022).

Clarke, S., Fairbrother, P., Borisov, V. (1995), *The Workers' Movement in Russia*, Brookfield, VT: Edward Elgar.

Crouch, C. (2000), The Snakes and Ladders of 21st-Century Trade Unionism, *Oxford Review in Economic Policy*, vol. 16, issue 1, pp. 70–83.

Min Dou, Innovation of Trade Union Work in Colleges and Universities Based on Mathematical Modeling and Multivariable Optimal Design (2022), *Mathematical Problems in Engineering*, DOI: <http://doi.org/10.1155/2022/6309282>.

Авдошина Н.В., Бочаров В.Ю., Васькина Ю.В. Состояние социально-трудовой сферы учреждений общего образования // Управление персоналом в инновационной среде: монография / под

ред. Шаталовой Н.И. Екатеринбург: УрГУПС, 2015. [Вып.2]. 275 с., С. 40–57.

Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. Москва: Новое литературное обозрение, 2010. 976 с.

Большаков С., Григорьев А. Профсоюзное движение в индустриально развитых странах: новые тенденции // Человек и труд. 2009. № 7. С. 50–53.

Бочаров В.Ю. Роль российских профсоюзов в модернизации института наемного труда // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2017. Т. 10. № 1. С.4–22. DOI: <http://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.101>.

Бочаров В.Ю. Состояние коллективно-договорной практики и деятельность профсоюзов в учреждениях общего образования // Современное общество и труд: сборник научных статей / ред. кол. Р.В. Карапетян (отв. ред.), А.А. Русалинова, О.А. Таранова. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2014. 909 с., С. 403–416.

Бочаров В.Ю. Социальный институт наемного труда в современной России. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2010. 640 с.

Забара Л.И., Малафеева С.Н., Садкина Т.М. Профсоюз педагогического университета: новые векторы развития // Педагогическое образование в России. 2016. № 5. С. 23–29.

Заводчиков В.А. Профсоюзы: история, люди, приоритеты, проблемы. Самара: Изд-во СГПУ, 2002. 460 с.

Карелина М.В. Региональные профсоюзы в социальном диалоге // Социологические исследования. 2005. № 3. С. 62–70.

Козина И.М. Российские профсоюзы: трансформация от ношений внутри традиционной структуры // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 75–93.

Кузнецова М.В. К вопросу об истории профсоюзной организации сотрудников иркутского государственного университета // Вестник факультета сервиса и рекламы Иркутского государственного университета. 2018. № 10. С. 129–135.

Низамутдинова Э.Р., Рабцевич А.А. Перспективы развития профсоюзного движения в России // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2015/02/9608> (дата обращения: 25.12.2022).

Олимпиева И.Б. Российские профсоюзы в системе регулирования социально-трудовых отношений: особенности, проблемы и перспективы исследования. Серия «Научные доклады: независимый экономический анализ», № 216. Москва: МОНФ; ЦНСИ, 2010. 150 с.

Рогова Г.В. Становление подлинного профсоюзного движения в России // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 2. С. 39–52.

Роль и место профсоюза в XXI веке: актуальные вопросы социального партнерства: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2019. 209 с.

Рушева А.В. Роль профсоюзной организации в повышении качества трудовой жизни работников // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 3 (43). С. 103–109.

Рушева А.В., Бекарев А.М. Факторы изменения положения российского профсоюза // Новая парадигма труда и развитие занятости: риски и возможности: сборник научных статей / отв. ред. Р. В. Карапетян. Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2022. С. 145–159.

Саленко В.Я. Профсоюзы как организационная система // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 4. С. 85–99.

Семенов Ю. Роль профсоюза в формировании и развитии организационной культуры предприятия // Человек и труд. 2008. № 6. С. 66–68.

Харламов Е.В., Склярова Е.К., Сидоренко Ю.А. Профсоюз Ростовского государственного медицинского университета. Ростов-на-Дону: Мини Тайп, 2014. 116 с.

Черкасов Г.Н. Социология труда и профсоюзы. Москва: «Профиздат», 1970. 192 с.

Чупраков А.М., Беляева О.И. Университетский профсоюз как гарант социальной стабильности в городе // Высшее образование в России. 2009. № 8. С. 74–79.

Шершуков А.В. Профсоюзная идеология. Москва: ООО «Редакция газеты “Солидарность”», 2020. 112 с.

Щеглова С.Н. Профсоюзы России. Особенности возникновения и начала деятельности // Труд и социальные отношения. 2004. № 4. С. 6–15.

References

Cassell, M. and State, K. (2014), The Impact of Unionization on University Performance, *Journal of Collective Bargaining in the Academy*, vol. 6, iss. 1, art. 3, DOI: <http://doi.org/10.58188/1941-8043.1314>, [Online], available at: <https://thekeep.eiu.edu/jcba/vol6/iss1/3> (Accessed 25 Desember 2022).

Clarke, S., Fairbrother, P., Borisov, V. (1995), *The Workers' Movement in Russia*, Brookfield, VT: Edward Elgar.

Crouch, C. (2000), The Snakes and Ladders of 21st-Century Trade Unionism, *Oxford Review in Economic Policy*, vol. 16, issue 1, pp. 70–83.

Min Dou, Innovation of Trade Union Work in Colleges and Universities Based on Mathematical Modeling and Multivariable Optimal Design (2022), *Mathematical Problems in Engineering*, DOI: <http://doi.org/10.1155/2022/6309282>.

Avdoshina, N.V., Bocharov, V.Yu. and Vaskina,

Yu.V. (2015), In the state of the social-labor sphere of general education institutions, *Personnel management in an innovative environment: monograph*, ed. by N.I. Shatalova, UrGUPS, Yekaterinburg, Russia, Issue 2, pp. 40–57.

Boltanski, L. and Chiapello, E. (2010), *The New Spirit of capitalism*, Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

Bolshakov, S. and Grigoriev, A. (2009), Trade union movement in industrially developed countries: new trends, *Chelovek i trud = Man and Labor*, no. 7. pp. 50–53.

Bocharov, V.Yu. (2017), The Role of Trade Unions to Modernize the Russian Wage Labor Institution, *Vestnik SPbSU. Sociology*, vol. 10, issue 1, pp. 4–22. DOI: <http://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.101>.

Bocharov, V.Yu. (2014), *The state of collective-contractual practice and the activities of trade unions in general education institutions*, *Modern society and labor: collection of scientific articles*, eds. by R.V. Karapetyan, A.A. Rusalina and O.A. Taranova. St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Bocharov, V.Yu. (2010), *Social Institute of wage labor in modern Russia*, Publishing house "Samara University", Samara, Russia.

Zabara, L.I., Malafeeva, S.N. and Sadkina, T.M. (2016), Pedagogical University Trade Union Organization: New Vectors of Development, *Pedagogical education in Russia*, no. 5, pp.23–29.

Zavodchikov, V.A. (2002), *Trade unions: history, people, priorities, problems*, Publishing house of the SSPU, Samara, Russia.

Karelina, M.V. (2005), Regional trade unions in social dialogue, *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, no. 3, pp. 62–70.

Kozina, I.M. (2002), Russian trade unions: Transformation of relations within the traditional structure, *Economic Sociology*, vol. 3, no. 5, pp. 75–93.

Kuznetsova, M.V. (2018), On the history of the trade union organization of employees of Irkutsk State University, *Bulletin of the Faculty of Service and Advertising of Irkutsk State University*, no. 10, pp. 129–135.

Nizamutdinova, E.R. and Rabtsevich, A.A. (2015), Prospects for the development of the trade union movement in Russia, *Humanitarian scientific research*, no. 2, [Online], available at: <http://human.snauka.ru/2015/02/9608> (Accessed 25 December 2022).

Olimpieva, I.B. (2010), Russian trade unions in the system of regulation of social and labor relations: features, problems and prospects of research, *Series "Scientific reports: independent economic analysis"*, no. 216, MONF; TSNSI, Moscow, Russia.

Rogova, G.V. (1994), The formation of a genuine trade union movement in Russia, *Mirovaya e'konomi-*

ka i mezhdunarodny`e otnosheniya = World Economy and International Relations, no. 2, pp. 39–52.

The role and place of the trade union in the XXI century: topical issues of social partnership (2019), *Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference*, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Rusheva, A.V. (2016), The role of trade union organizations in improving the quality of employees' working life, *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, no. 3 (43), pp. 103–109.

Rusheva, A.V. and Bekarev, A.M. (2022), *Factors of change in the position of the Russian trade union, A new paradigm of labor and employment development: risks and opportunities: a collection of scientific articles*, ed. by R.V. Karapetyan, Scythia-print, St. Petersburg, Russia.

Salenko, V.Ya. (2000), Trade unions as an organizational system, *Social`no-gumanitarny`e znaniya = Socio-humanitarian knowledge*, no. 4, pp. 85–99.

Semenov, Yu. (2008), The role of the trade union in the formation and development of the organization-

al culture of the enterprise, *Chelovek i trud = Man and Labor*, no. 6, pp. 66–68.

Kharlamov, E.V., Sklyarova, E.K. and Sidorenko, Yu.A. (2014). *Trade union of Rostov State Medical University*, Mini Type, Rostov-on-Don, Russia.

Cherkasov, G.N. (1970), *Sociology of labor and trade unions*, "Profizdat", Moscow, USSR.

Chuprakov, A.M. and Belyaeva, O.I. (2009), University trade union as a guarantor of social stability in the city, *Higher education in Russia*, no. 8, pp. 74–79.

Shershukov, A.V. (2020), *Trade union ideology*, LLC "Editorial Office of the newspaper "Solidarity"", Moscow, Russia.

Shcheglova, S.N. (2004), Trade Unions of Russia. Features of the emergence and beginning of activity, *Trud i social`ny`e otnosheniya = Labor and social relations*, no. 4, pp. 6–15.

Submitted: 11.01.2023

Revised: 13.02.2023

Accepted: 20.03.2022

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-1-103-105

НАУЧНАЯ РЕЦЕНЗИЯ
УДК 8

Дата поступления: 01.02.2023
принятия: 20.03.2023

А.С. Акимова
ФГБУН «Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН»,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: a.s.akimova@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0732-1854>

«Простой рядовой» от литературы. Рецензия на издание «Избранное» А.К. Гольдебаева (Семёнова)

Аннотация: статья представляет собой рецензию на издание: Гольдебаев (Семёнов) А.К. Избранное / сост., подгот. к публ., вступ. ст. М.А. Перепелкин, К.И. Морозова (Самара, 2022). Авторы-составители этой книги проделали огромную научно-исследовательскую работу по изучению биографии самарского писателя А.К. Гольдебаева и изданию трех его повестей, составивших своеобразную «автобиографическую трилогию»: «Подонки», «Подлое состояние» и «В степи» («Летний отдых»). Во вступительной статье предпринимается попытка не только обрисовать внешние и внутренние механизмы воздействия на становление личности писателя, но и определить место Гольдебаева в историко-литературном процессе рубежа XIX–XX вв. Таким образом, предваряя публикацию произведений Гольдебаева, составители стремятся понять, почему имя писателя было забыто в XX веке. Последовательное описание жизни незаслуженно преданного забвению писателя сочетается с тонким анализом его поэтики – все это призвано пробудить интерес читателя к личности и творчеству провинциального писателя, который мог бы остаться в памяти не только как современник и корреспондент А.П. Чехова, М. Горького или друг А.С. Неверова, но и как художник-мыслитель, постигавший через литературные образы свое трагическое время.

Ключевые слова: А.К. Гольдебаев (Семёнов); дневник писателя; «автобиографическая трилогия» Гольдебаева; «Газета для всех» («Самарская газета для всех»).

Цитирование: Акимова А.С. «Простой рядовой» от литературы. Рецензия на издание «Избранное» А.К. Гольдебаева (Семёнова) // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2023. Т. 3, № 1. С. 103–105. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-103-105>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Акимова А.С., 2023 – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья, ФГБУН «Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН», 121069, Российская Федерация, г. Москва, Поварская, 25а.

SCIENTIFIC REVIEW

A.S. Akimova
A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
E-mail: a.s.akimova@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0732-1854>

"Common soldier" of literature. Review of the publication "Selected" by A.K. Goldebaev (Semenov)

Abstract: the article reviews the publication: Goldebaev (Semenov) A.K. Selected / Compilation, preparation for publication, introductory article by M.A. Perepelkin, K.I. Morozova (Samara, 2022). The book compilers have done a great research work on the study of the biography of the Samara writer A.K. Goldebaev and the publication of his three stories, which made up a kind of "autobiographical trilogy": "Bastards", "Mean Condition" and "In the Prairie" ("Summer Vacation"). The introductory article attempts not only to outline the external and internal mechanisms of influence on the formation of the writer's personality, but also to determine the place of Goldebaev's in the historical and literary process at the turn of the 19th–20th centuries. Thus, preceding the publication of Goldebaev's works, the compilers are trying to understand why the writer's name was forgotten in the 20th century. A consequential description of the life of the undeservedly forgotten

writer is combined with a subtle analysis of his poetics. All this is intended to arouse the reader's interest in the personality and work of the provincial writer, who could remain in memory not only as a contemporary and correspondent of A.P. Chekhov and M. Gorky or a friend of A.S. Neverov, but also as an artist-thinker who comprehended his tragic time through literary images.

Key words: A.K. Goldebaev (Semenov); writer's diary; Goldebaev's "autobiographical trilogy"; "Newspaper for Everyone" ("Samara Newspaper for Everyone").

Citation: Akimova, A.S. (2023), "Common soldier" of literature. Review of the publication "Selected" by A.K. Goldebaev (Semenov), *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 3, no. 1, pp. 103–105, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-103-105>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Akimova A.S., 2023 – Candidate degree in Philology, Senior Researcher of the Department of Modern Russian Literature and Literature of the Russian Diaspora, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 25a, Povarskaya, Moscow, 121069, Russian Federation.

Введение

Проблема научной биографии, изучение жизненного и творческого пути писателя требует от исследователя привлечения большого и разнообразного материала: исследований по истории конкретного периода, периодических изданий и критических откликов, сохранившихся в архивах эго-документов для восстановления личных и профессиональных контактов. Наряду с изучением художественных текстов эти и другие источники позволяют не только воссоздать биографию писателя в историко-культурном и литературном контексте, но и показать процесс формирования художественного сознания. Возвращением в филологическое исследование историко-литературного подхода обусловлена актуальность издания, подготовленного М.А. Перепелкиным и К.И. Морозовой. О неразрывности двух составляющих гуманитарного знания, истории и литературы, свидетельствуют недавние публикации академических институтов (например, том 107 серии «Литературные Памятники», посвященный истории журнала «Русское богатство» и деятельности Н.К. Михайловского, и др.), а также международные научные конференции, которые проводят совместно ИРИ РАН и ИМЛИ РАН.

Основная часть

Изучение биографии и творчества малоизвестного самарского писателя, журналиста, корреспондента газеты «Русские ведомости», беллетриста, автора «Журнала для всех», журналов «Образование», «Русское богатство», «Наша жизнь» и других популярных изданий, редактора «Самарской газеты для всех» А.К. Гольдебаева (Семёнова) осуществлено с опорой на фундаментальные исследования, посвященные творчеству писателей-современников, а также эго-документы, большая часть которых не была опубликована и впервые приводится во вступительной статье «Вернувшийся из забытых. А.К. Гольдебаев на пути к читателю». Введение в научный оборот документов из архивов Москвы (РГАЛИ), Самары

(СЛМ) и семейного архива Н.Л. Вешневой-Белл, внучки дочери писателя М.А. Семеновской (Вешневой), является необходимым не только для написания биографии «простого рядового» от литературы, по определению С.А. Венгерова, но и важным этапом на пути объективного описания деятельности журналов и издательств рубежа веков, творчества М. Горького и писателей-«знамьецев». О значимости творчества писателя свидетельствует тот факт, что Горький неоднократно указывал его имя в списках книг для отправки в разные организации: в частности, в письме заведующему конторой издательства «Знание» С.П. Боголюбову рекомендовал для московского Народного Дома (Горький 2001, с. 208).

Во вступительной статье авторам-составителям удалось представить жизнь и творческий путь писателя как явление, типичное для эпохи рубежа веков, с одной стороны, и выявить особенности и своеобразие его поэтики, с другой, что позволило охарактеризовать и последовательно описать главное в мировоззрении писателя, – ощущение трагической обреченности мира, о чем он сам писал: «До того все скверно, что нам, старикам, сознательно пережившим 80-е годы, тогдашний мрак и удушье кажутся теперь чем-то сравнительно приемлемым, было невыносимо тяжело, но – верилось, хотелось верить. А теперь тупик. Вот и твори тут!» (Горький 2001, с. 348).

Описание истории архива писателя и его изучение привели составителей издания к выводу о разносторонности интересов писателя, что нашло отражение в философско-эстетической проблематике его прозы, насыщенной образами и мотивами, традиционными для русской литературы рубежа веков. Влияние книжной традиции и чрезмерное увлечение писателя художественными приемами позволило описать феномен «провинциального писателя-беллетриста» как «совокупность образа жизни, мышления, творческого наследия и осмысления самим человеком своего места в литературном процессе» (Морозова 2022, с. 15).

Небольшая по объёму вступительная статья является результатом колоссальной научно-исследовательской работы, основанной на тщательном отборе и изучении всех источников. Привлечение дневника и эпистолярного наследия Гольдебаева позволило охарактеризовать личность писателя, его круг общения, нравственно-эстетические взгляды, в частности, художественное своеобразие прозы писателя, формировавшееся под влиянием взглядов и творчества Г.И. Успенского, А.П. Чехова, А.И. Куприна, А.Р. Крандиевской и др. Авторы-составители по крупицам воссоздали биографию писателя и проследили трансформацию его мировоззрения, выделив влияние реалистической и модернистской литературной традиции. Выделенные во вступительной статье отдельные аспекты поэтики составляют единую художественную картину мира писателя, испытывавшего воздействие как известных в начале века авторов (Чехова, Куприна и др.), так и, по выражению М.В. Скороходова, «второстепенных персонажей» (Крандиевской). Таким образом, эта богатая с точки зрения источниковедческой и методологической статья является источником сведений не только о жизни и творчестве Гольдебаева, но и ценным материалом для составления летописей и персональных энциклопедий писателей первого ряда (Чехова, Куприна, Андреева, Горького и др.).

Основное содержание тома составила публикация трех повестей: «Подонки», «Подлое состояние», «В степи» («Летний отдых»), основанных на детских и юношеских впечатлениях писателя. Введение в научный оборот «автобиографических» произведений Гольдебаева, в которых раскрывается авторское понимание феномена «провинциальности» («В степи» («Летний отдых»)), вводится оппозиция «провинция–столица», «свой–чужой» («Подлое состояние») и создается образ Петербурга («Подонки»), безусловно, будет востребовано специалистами-филологами и всеми, кто интересуется историей русской литературы конца XIX – начала XX вв.

Заключение

Изучение жизни и творческого наследия малоизвестного самарского писателя Гольдебаева должно быть продолжено с тем, чтобы ответить

на вопросы о влиянии чеховской традиции на прозу писателя или роли «второго наставника» – Горького – в его судьбе. Действительно, Горький принимал участие в редактировании сборника Гольдебаева «Рассказы» (СПб.: Знание, 1910) и принимал его у себя на Капри в 1910-м. Другими перспективными направлениями исследования является жанровая специфика дневника Гольдебаева (см. с. 23 изд.), анализ тем и мотивов прозы Гольдебаева, который обращался к наиболее актуальным в XX веке проблемам («женскому вопросу», теме деревни и др.). С выходом «Избранного» Гольдебаева литературоведческие исследования получают новые научные основания и необходимую источниковедческую базу.

Источник фактического материала

Гольдебаев (Семенов) А.К. Избранное / сост., подгот. к публ., вступ. ст. М.А. Перепелкин, К.И. Морозова. Самара: ООО «Полиграфия», 2022. 400 с.

Библиографический список

Горький М. Полное собр. соч.: Письма: в 24 т. Т. 8. Москва: Наука, 2001. С. 208.

Морозова К.И. Творчество А.К. Гольдебаева (Семёнова). Феномен провинциального писателя-беллетриста в русской литературе конца XIX – начала XX вв. Дисс. ...канд. филологич. наук. Самара, 2022. 239 с.

References

Gor'kii, M. (2001), *Collected works: Letters: in 24 vols.* vol. 8, Nauka, Moscow, Russia.

Morozova, K.I. (2022), *Creativity of A.K. Goldebaev (Semenov). The phenomenon of "provincial writer" in Russian literature of the late XIX - early XX centuries: dissertation ... Candidate of Philology Sciences, Samara, 239 p.*

Submitted: 01.02.2023

Accepted: 20.03.2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 111

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-1-106-112

Дата поступления: 01.02.2023
принятия: 20.03.2023

Г. Шольц
Рурский университет,
г. Бохум, Германия
E-mail: gunter.scholtz@ruhr-uni-bochum.de

Корни спора о герменевтике*

Аннотация: в статье исследуются причины и предпосылки современных трудностей в герменевтике, вызванных смешением различных понятий интерпретации. Рассматриваются три тенденции, повлиявшие на трансформацию понятия интерпретации в 19 веке: 1) снижение роли автора, сопровождаемое увеличением роли интерпретатора, 2) расширение границ применимости интерпретации с текста до мира в целом, повлекшее за собой размывание предмета герменевтики, 3) вытеснение традиционной герменевтики текста герменевтическими философиями. Различаются жёсткая и мягкая интерпретации, являющиеся основанием для возникновения разных типов герменевтики.

Ключевые слова: герменевтика; интерпретация; жёсткая интерпретация; мягкая интерпретация; герменевтика текста; герменевтическая философия; Шлейермахер; Бёк; Дильтей; Хайдеггер.

Цитирование: Шольц Г. Корни спора о герменевтике // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2023. Т. 3, № 1. С. 106–112. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-106-112>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Шольц Г., 2023 – почетный профессор Рурского университета, GA 3/132, 44801, Германия, Бохум, Университетская улица, 150.

© Перевод Нестеров А.Ю., 2023 – доктор философских наук, доцент, директор социально-гуманитарного института, заведующий кафедрой философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

G. Scholtz
Ruhr Universität,
Bochum, Germany
E-mail: gunter.scholtz@ruhr-uni-bochum.de

Roots of disputes over hermeneutics**

Abstract: the article investigates reasons and preconditions for current difficulties in hermeneutics, caused by confusion of interpretation different concepts. The work considers three trends that affected the transformation of the interpretation notion in the 19th century: 1) the author role reduction followed by the interpreter role augmentation, 2) interpretation applicability expansion from the text to the world as a whole, resulting in the hermeneutics subject diffusion, 3) substitution of the text traditional hermeneutics by hermeneutic philosophies. Hard and soft interpretations are distinguished that base formation of hermeneutics different types.

Keywords: hermeneutics; interpretation; hard interpretation; soft interpretation; text hermeneutics; hermeneutic philosophy; Schleiermacher; Boeckh; Dilthey; Heidegger.

Citation: Scholtz, G. (2023), Roots of disputes over hermeneutics, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 3, no. 1, pp. 106–112, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-106-112>.

Information about conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Scholtz G., 2023 – Professor emeritus, Ruhr Universität Bochum, GA 3/132, 150, Universitätsstraße, Bochum, 44801, Germany.

© Translation Nesterov A.Yu., 2023 – Doctor of Sciences in Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute of Social Sciences and Humanities, Head of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

* Впервые статья опубликована в сборнике «Литературоведение и герменевтика. Феномен границы в литературе». Вып. 6. Научн. ред. А.Ю. Нестеров, Н.Т. Рымарь. «Самарская гуманитарная академия», 2010. Статья печатается с разрешения редакции сборника для расширения читательской аудитории.

** The article was first published in "Literaturvedenie i hermenevtika. Fenomen granicy, Literature Studies and Hermeneutics. Boundary phenomenon in literature". Issue 6. A.Yu. Nesterov, N.T. Rymar (ed.), Samara: "Samara Humanitarian Academy", 2010. The article is being published with the collection editor's consent in order to expand the readership.

Введение

Положение дел в среде специалистов по пониманию не радует, ведь именно они столь часто не понимают друг друга и увязают в разногласиях. Когда вышла первая критика на книгу Гадамера *Истина и метод*, автор ответил, что его неправильно поняли. До сих пор нет единства в вопросе о том, чем собственно является герменевтика: методологией гуманитарных наук или общей философией оснований, или тем и другим? Чтобы ориентироваться в этой дискуссии, я предложил в статье в *Дильтеевом Ежегоднике* различать как минимум три формы герменевтики: а) техническую или методическую герменевтику, устанавливающую правила обнаружения смысла текста; б) философскую герменевтику, занятую поиском условий понимания; и в) герменевтическую философию, истолковывающую жизненный мир, наличное бытие человека, его историю и т.д. Под именем герменевтики рассматриваются, таким образом, очень разные вопросы и проблемы, которые необходимо различать во избежание конфузов. Я рад видеть, что моё предложение нашло поддержку. И всё же здесь я хотел бы не повторять мои тезисы, а предпринять новую попытку исследования этих проблем. Сейчас я буду говорить скорее не о понятии герменевтики, а о понятии интерпретации и концентрироваться на понимании текстов.

Ход исследования

Начала герменевтики – это справедливо подчёркивается большинством учёных – лежат в языческой античности и иудаизме, когда определённые пассажи классических или священных текстов подвергались аллегорической интерпретации, помогавшей справиться с трудностями понимания. Если буквальный смысл тех текстов не соответствовал высокой нормативной задаче регулирования мышления и поведения, он расценивался как неистинный смысл; трудность разрешали, интерпретируя сказанное буквально в качестве образного выражения некоторого мыслимого глубинного смысла. Первая герменевтика была, таким образом, не теорией, но отрефлектированной практикой толкования, а задачей интерпретации было сохранение и подтверждение авторитета и значимости нормативных текстов. Несмотря на то, что подобная тенденция сохраняется вплоть до Гадамера, в светском мире герменевтика пошла совершенно иным путём. Важным в той древнейшей позиции мне здесь представляется лишь следующее: герменевтика возникла, когда понимание натолкнулось на препятствия и границы. Об этом сегодня нужно напоминать, ведь некоторые открывают происхождение герменевтики в провозглашении божественных посланий через посланника богов Гермеса, а иные полагают, что герменевтике вообще всё понятно. Нет: в начале герменевтики

стояло препятствие понимания, непонимание, на которое необходимо было реагировать.

Лишь в Новое время формируется понятие герменевтики, и лишь здесь она выступает под этим именем как собственно теория. Наряду с учениями об истолковании в теологии и юриспруденции, в 17-м и 18-м веках возникает «общая герменевтика», которая больше не подразумевает наличия у текстов законных истин, но исходит из того, что чтение и понимание литературы позволяют расширить знание. Поэтому данные теории истолкования часто находят своё место в приложении к логике. Значимыми представителями этой герменевтики Просвещения являются, например, Хладениус, Крузиус и Георг Фридрих Майер, которые сформулировали среди прочих следующие правила обнаружения смысла текста:

1. Чтобы правильно понимать текст, необходимо знать язык и литературные конвенции, находившиеся в распоряжении автора, настолько хорошо, насколько это возможно.

2. Необходимо выяснить как внешнюю, так и внутреннюю ситуацию автора, т.е. его точку зрения или его перспективу, необходимо пытаться самому встать на эту точку зрения, чтобы не приносить в текст собственные мысли, чуждые его автору.

3. Необходимо подразумевать наличие смысла в каждом тексте до тех пор, пока не потерпят неудачу все искренние попытки извлечения смысла из текста (принцип доверительной или благожелательной интерпретации).

Эти требования значимы по сей день. Ведь мы не будем интерпретировать текст автора, не владея хорошо его языком и не будучи знакомыми с формами его выражения; не будем никому приписывать то, что он в своей ситуации не мог сказать или написать; и мы не будем вправе поспешно объявить текст бессмысленным, подвергнув его несправедливому суждению. Поскольку эти правила действительно до сих пор, но в новой философской герменевтике не играют больше никакой роли, некоторое время назад возникло стремление к возвращению к общей герменевтике Просвещения (Werner 1993; Bühler 1994; Petrus 1997), сейчас по этому вопросу есть качественная литература. Данное стремление в Германии осуществляется как контрдвижение и критика герменевтики школы Хайдеггера.

Если Просвещение уже показало важнейшие принципы интерпретации, то почему его методы не сохраняются и не уточняются – как это делалось, например, Шлейермахером и Бёком, – почему герменевтика в 20 в. стала камнем преткновения в философии и во всех науках о культуре? Виновата ли в этом только бессодержательность мысли или односторонность некоторых теоретиков, сформировавших такое нерадостное положение дел; или виноваты проблемы, находящиеся в самом предме-

те, т.е. в текстах и в деле интерпретации? Мой тезис заключается в том, что имеет место и то, и другое. Чтобы это разъяснить, я буду далее говорить о многозначном понятии интерпретации. Начиная с 19-го в. можно установить три тенденции, существенно трансформирующие это понятие. 1. В деле обнаружения смысла значение автора постоянно уменьшалось, а значение интерпретатора возрастало. 2. Употребление понятия интерпретации вышло за границы интерпретации текста и начало использоваться в качестве общего понятия освоения мира, в качестве такого же мягкого понятия познания. 3. Новое мягкое понятие познания повлияло на интерпретацию текста, включило её в себя.

1. *Автор, чьи мысли в концепции герменевтики Просвещения должна была раскрывать интерпретация на основании его речи или письма, потерял значение во многих областях. Благодаря этому, как казалось, интерпретация потеряла определённый смысл.*

Уход автора со сцены имеет две базовых причины: а) тексты обнаружили избыток смысла, который не мог быть сведён к авторской интенции; б) интерес привлекли тексты, автор которых не был известен, которые вообще не имели индивидуального автора. Ещё в 18-м в. Хладениус открыл, что в случае некоторых текстов можно мыслить больше, нежели хотел выразить автор. Однако Хладениус не разобрался с этим феноменом и впал в противоречия. С одной стороны, он считал такие тексты особенно плодотворными, с другой стороны, он называл их непонятными, поскольку подлежащий раскрытию смысл для него был тем смыслом, о котором мыслил автор, интендированным смыслом. Его теория стремилась дать правила для «правильного истолкования разумных речей и писаний», как указывает само название его работы, т.е. для философских и исторических текстов. Следует согласиться с тем, что для этого жанра литературы на самом деле в первую очередь должен стоять вопрос о том, что именно полагал автор. Библия же была передана Хладениусом теологии, а поэзия лишь затронута. Однако чем больше интерпретация обращалась к поэзии и изображала её как продукт гения, тем больше признавалось, что смысл текстов способен перешагивать интенцию автора; философ Просвещения Кант утверждал, что гению предписывает правила *природа*. В контексте такого рода подхода поэтический текст не мог быть сведён к осознанной воле его создателя. Герменевтическое следствие из этого вывел Фридрих Шлегель. Чем более «классическим» и значимым является произведение литературы, тем большую полноту смысла оно в себе содержит, так что интерпретация не может прийти к завершению. Мы ни в коем случае не можем исходить из того, что гений отчётливо осознаёт эту полноту смысла. Т.к. все языковые выражения содержат нечто, что го-

ворящий или автор не знали. Шлегель и Шлейермахер по этой причине формулируют знаменитую формулу, согласно которой интерпретатор должен сначала понять текст настолько же хорошо, как автор, а потом понять его лучше, нежели он. Интерпретатор может и должен, таким образом, как перенимать горизонт автора, так и перешагивать его.

Однако учёные-гуманитарии в 19-м в. обратились к исследованиям литературных свидетельств, у которых был известен не автор, а в лучшем случае тот, кто эти свидетельства сохранил и передал, а именно к традиционным правовым нормам, сказкам, легендам и мифам. Встать здесь на точку зрения автора было безнадежным занятием. Но несмотря на то, что указать на создателя было нельзя, или в лучшем случае можно было обозначить в качестве создателя некоторый коллективный субъект, народ, культуру или определённый социальный слой, эти свидетельства были полны смысла и крайне интересны. Когда же убедились в том, что эти источники являются основанием позднейших произведений, созданных конкретными авторами, герменевтика Просвещения оказалась малопродуктивной. В этом может заключаться одна из причин того, что во второй половине 19-го в. интерес к герменевтике был потерян. Когда Дильтей начал свою отмеченную премией работу по истории герменевтики, он вынужден был объяснять своему отцу, священнику, что такое герменевтика вообще.

Когда автор перестаёт быть решающей инстанцией, конституирующей смысл, ей становится интерпретатор. Он предоставлен теперь самому себе, он один должен решать, что можно ответственно сказать о тексте; тем самым интерпретирование хоть и получает свободу, но необходимая цель потеряна, и начинается непримиримый спор интерпретаторов. Превосходство интерпретатора обнаруживает себя вскоре в новом убеждении, согласно которому понимание завершается лишь в истолковании, т.е. в речи интерпретатора. Старейшая герменевтика с полным основанием отличала понимание, *vis intelligendi*, от истолкования, *vis explicandi*. Потому что не всё, получаемое нами в сообщении и понимаемое, – что идёт дождь или что $2*2=4$, – мы истолковываем, а истолкования обычно ориентированы на определённых адресатов, на их язык и способность к восприятию. Поэтому Шлейермахер оставлял истолкование в стороне и говорил, что в его герменевтике речь идёт только о понимании, но не о сообщении того, что понято, другим субъектам. В новых концепциях это разграничение исчезает. Переформулируя оставленные Дильтеем намёки в теорию, Георг Миш представляет в начале 20-го в. точку зрения, согласно которой понимание завершается лишь в истолковывающей речи. Хайдеггер и Гадамер также представляют данную точку зрения. Если по Хайдеггеру понимание всегда подразумевает понимание *чего-то в качестве*

чего-то – свет в ночном небе *в качестве* луны – то можно догадаться, что для него понимание включает в себя собственный язык.

В 20-м в. вопрос об авторе, как известно, принял драматические формы. После того, как в переживании автора видели источник смысла его текста, была провозглашена «смерть автора», а теперь я слышу, что он совсем не мёртв и возвращается обратно. Даже в моём ближайшем окружении, в нашем институте в Бохуме, нет единства по вопросу о том, обладает ли интенция автора большим значением для герменевтики или нет. Поэтому я вкратце обрисую свою позицию по этому вопросу.

Основная ошибка большинства философов и теоретиков искусства, как мне кажется, заключается в том, что они рассматривают лишь те тексты, которые им интересны, создавая общую теорию на основании некоторого определённого феномена. Тот, кто занимается современной лирикой, легко приходит к тезису, согласно которому тексты не обладают никаким ясно ограниченным смыслом. Тот, кто читает научные доклады и участвует в дискуссиях, обращает внимание на интенцию авторов и говорящих и видит в общем именно в ней единственную цель истолкования. По этой причине классическая герменевтика учила различать жанры; ведь легко можно согласиться с тем, что письмо незнакомца мы читаем иначе, нежели античный миф, и что хорошая инструкция по эксплуатации не так открыта смыслу, как современное стихотворение. Самый мудрый ответ на вопрос о роли автора дали поэтому, как мне кажется, ещё Шлегель и Шлейермахер с упоминавшейся формулой понимания автора так же хорошо и лучше, причём они очень хорошо знали, что роль автора может колебаться и стремиться к нулю. Ведь даже открытые произведения задуманы и сделаны как таковые, так что автор не стал здесь безразличен. Тот, кто сомневается, следует ли принимать во внимание *intentio auctoris*, сможет, вероятно, согласиться с Умберто Эко в том, что существует как минимум *intentio operis* – нельзя же, например, считать, что сказка стремится сообщить нам исторические факты. Таким образом, смысл текста, если он вообще может быть понят, всегда ограничен и не является свободным полаганием интерпретатора.

Возможно, мне возразят, что продуктивность литературоведения заключается именно в том, чтобы постоянно прочитывать произведения по-новому и иначе, чтобы один и тот же роман интерпретировать *в качестве* примера литературы некоторой эпохи, *в качестве* выражения некоторой социальной ситуации, *в качестве* разработки психологического конфликта и т.д. Но я соглашусь здесь с Э.Д. Хиршем и это занятие отграничу от герменевтического понимания как «критику», для которой герменевтическое понимание является предпосылкой. Потому что как бы мы ни интер-

претировали роман, с точки зрения психоанализа, теории дискурса или деконструкции, – в любом случае мы должны его сначала прочитать и понять. Кроме того, литературные тексты, как правило, настолько сложны, что мы всегда можем концентрировать внимание на новых аспектах.

Итак, падение значимости автора и доминирование интерпретации являются первым важным корнем герменевтического разногласия. Потому что интерпретации, кажется, методически уже невозможно ограничить. Однако данный спор имеет и другие основания, находящиеся уже вне поля истолкования текстов.

2. *Понятие интерпретации было расширено, выведено за границы понимания текста и превращено в понятие, обозначающее познание мира. Благодаря этому предмет герменевтики оказался размыт.* Уже в 18-м в. под «герменевтикой» могла пониматься теория истолкования всех знаков, даже «естественных» (Г.Ф. Майер). Но лишь в 19-м в. она стала центральным учением о методе наук о культуре. Август Бёк объяснил герменевтику и критику в качестве ключа к пониманию всех видов деятельности человека и её результатов, т.е. всех областей культуры. Однако теория Бёка полностью располагалась внутри традиционного понимания герменевтики, поскольку она всё ещё была учением о методе, и она могла им быть, поскольку рассматривала предмет интерпретации как укоренённый в когнитивных способностях человека, как то, к чему человек стремится и осознанно воспроизводит (интерпретация есть «познание познанного, «воспроизведение произведённого»). Но рядом возникают совершенно новые интерпретации или новое понятие интерпретации.

Ещё Френсис Бэкон рассуждал об «интерпретации природы». Но он имел в виду при этом индуктивный метод, а его рассуждения не получили широкого распространения. В конце 18-го в. Кант обозначил теодицею «истолкованием мира», а телеологический взгляд на природу и историю – как было отчётливо показано (Makkeel 1997, p. 181) – был для него истолкованием или интерпретацией. Такого рода истолкование представляло собой для Канта не рациональное знание как достижение рассудка и не иррациональный образ, но достижение силы воображения и силы суждения. Интерпретация является здесь одновременно и мягким понятием познания, подразумевающим знание пусть и когнитивное, однако методически не выводимое и не проверяемое. Здесь формируется понятие истолкования или интерпретации, которое постепенно будет становиться всё более важным в философии в качестве основополагающего отношения к миру. Молодой Карл Маркс объявит в 11-м тезисе о Фейербахе, что философы лишь «интерпретировали» мир различным образом. У Дильтея читаем, что наша интерпретация мира

включается вместе с языком, и такого рода истолкование продолжается всё новыми способами в религии, поэзии и философском мировоззрении. Так уже у Дильтея появляется основополагающее определение человека как существа интерпретирующего; ведь поскольку мы не только живём, но и рефлектируем над жизнью, как-то относимся к ней, мы постоянно заняты истолкованием нашего наличного бытия. В особенности Ницше использовал это широкое понятие интерпретации и даже приписывал всем органическим живым существам эту деятельность интерпретации. Невозможность для человека существовать иначе, нежели понимая и истолковывая, Хайдеггера «Фундаментальная онтология» объясняет как «экзистенциал», фундаментальную характерную черту человеческого наличного бытия. Таким образом, начиная с 19-го в. всё больше и больше говорят не об интерпретации текстов и культурных феноменов, но об интерпретации мира, природы, жизни, собственного Я, наличного бытия и т.д. Теперь можно спорить о том, за какие именно истолкования вообще отвечает герменевтика. Герменевтика Гадамера говорит как о понимании текстов, так и о понимании мира.

Так как сегодня многие ошибки в области герменевтики суть результат смешения понятий интерпретации, необходимо прояснить различия между ними. Ещё для Бёка герменевтика была научным методом, его рассуждения по этому поводу были частью его *Энциклопедии и учения о методе филологических наук*. Те интерпретации мира не являются научным мероприятием; они суть – как мы сегодня говорим – *только* интерпретации, но не знание в строгом смысле. По этой причине их может быть много без того, чтобы возникал спор об истине; Ницше говорил, что мир допускает бесконечно много интерпретаций; Дильтей разъяснял, что спор между конкурирующими мировоззрениями неизбежен, ибо жизнь многозначна и может интерпретироваться по-разному. Бёк и герменевтика подразумевали, что подлежащий раскрытию смысл коренится в мысли создателя и может быть лишь извлечён, пусть даже и в процессе бесконечного приближения. Истолкование же мира не знает авторов, которые бы устанавливали или ограничивали смысл, смысл осуществляется впервые в интерпретации, т.е. интерпретатором, и поэтому нельзя говорить о приближении к смыслу. Герменевтическая интерпретация была уже Шлегелем обозначена как «реконструкция»; а интерпретации мира были установлениями или конструкциями. Так как в герменевтике интерпретируемое всегда восходит к человеческому создателю, к ней может присоединяться критика как суждение и оценка сказанного и сделанного. Когда же истолковываются природа или жизнь, критика отпадает; мы не критикуем космос или природу или человека как человека. Всякая интерпретация текста способна

к цитированию, т.е. к включению элементов интерпретируемого в свой собственный язык, однако интерпретация мира на это, естественно, не способна. Такое широкое понятие интерпретации оказалось связано с науками только благодаря тезису о том, что в основании наук уже лежат фундаментальные предварительные установки или истолкования мира. (В этом смысле Ницше говорил, что не существует фактов, лишь интерпретации.)

Чтобы отделить друг от друга эти два очень различных понятия интерпретации, мы можем более старое научное понятие из гуманитарных наук назвать «жёстким», новейшее же понятие «мягким» понятием интерпретации, т.к. интерпретация теперь является *только* интерпретацией, уже не научным познанием. В том, что у Хайдеггера и Гадамера называется герменевтикой, мы видим все признаки этого позднейшего мягкого понятия: отсутствуют автор, критика и метод. Если спросить, как вообще можно говорить об истолковании или интерпретации мира или жизни, последует ответ: как и в интерпретации текста, так и в интерпретации наличного бытия или мира речь постоянно идёт о взаимосвязи части и целого, где целое, как правило, не дано, а воображается силой воображения. (Это можно разъяснить на примере рассматривавшихся Дильтеем мировоззрений. Если материалист типа Гольбаха интерпретирует весь мир как переплетение каузальных законов, он включает в это переплетение и осознанное решение, принимаемое человеком. Тот же, кто, будучи идеалистом типа Фихте, исходит из свободного Я, будет весь мир понимать в качестве его продукта.)

Однако Хайдеггер настаивал на том, что его истолкование наличного бытия является строгим методом, а, поскольку он первым и развязал философский спор вокруг герменевтики, я должен вкратце разъяснить его позицию. Уже Дильтей показал, что метод требуемой им «описывающей и расчленяющей психологии» должен быть интерпретативным: так же, как мы понимаем предложения, жесты и поступки лишь в соответствующем контексте, «во взаимосвязи целого», нужно и психологии интерпретировать отдельные психические факты в их взаимосвязи. Таким образом, уже у Дильтея психологическое «описание» является, в конечном счёте, некоторой «интерпретацией». Сходным образом Хайдеггер превращает «дескриптивную феноменологию» своего учителя Гуссерля в истолковывающую, герменевтическую феноменологию; её цель – не перечислять единичные элементы человеческого существования, но вскрыть «структурное целое» наличного бытия. Поэтому тезис Хайдеггера в *Бытии и времени* звучит так: «методический смысл феноменологической дескрипции есть истолкование» (Heidegger 1960, p. 37). Его метод истолкования выступает, таким образом, с претензией на большую отрефлектированность и соразмерность,

нежели Гуссерлев метод описания. И всё же я считаю, что и его метод следует назвать *мягкой* интерпретацией. Потому что Хайдеггер обращается исключительно к непосредственной очевидности, не зная ни правил, ни проверяемых высказываний, так что уже в 1933 г. Иаохим Риттер мог сказать по поводу его фундаментальной онтологии, что в работе Хайдеггера речь идёт о «чуждом науке мировоззрении». Так как в любом случае необходимо различать два понятия интерпретации, следует также отличать и герменевтику в традиционном узком смысле, герменевтику текста, от герменевтических философий, которые истолковывают жизнь и наличное бытие или рефлектируют над такими истолкованиями.

Второе важное основание спора вокруг герменевтики заключается, таким образом, в конкуренции двух понятий интерпретации: интерпретации как *раскрытия смысла* текстов и прочих выражений человека и интерпретации как *восприятия мира* и как *описания* наличного бытия, жизненного мира, определённого опыта и т.д. Чем больше в герменевтике текста авторская интенция вытеснялась на задний план, а понимание связывалось с истолковывающей речью, тем легче эти понятия могли быть смешаны. Нигде в литературе школы Хайдеггера я не встречал этого разграничения и никто из новых защитников герменевтики Просвещения, как мне кажется, до сих пор явно не признал, что об интерпретации можно говорить в совершенно новом, ином смысле. При этом мягкое понятие употребляется даже в теории науки: Карл Поппер, например, рассуждает об интерпретации фактов в свете теории (Popper 1966).

3. В 20-м в. традиционная, методическая герменевтика была вытеснена на задний план тезисом о том, что понимание наличного бытия является условием понимания и интерпретирования в гуманитарных науках. Герменевтика стала расцениваться как теория оснований гуманитарных наук, не умея, однако, занять какую-либо позицию по отношению к проблемам метода. Лишь с Хайдеггером герменевтика становится средоточием философии и тем самым философским камнем преткновения. Однако это именно новая, иная герменевтика, философия, примыкающая к указанным интерпретациям мира и жизни, а не к тому, что раньше называлось герменевтикой. Она исходит – как мы видели – не из традиции истолкования текстов, но из трансформации феноменологии Гуссерля. К тому же Хайдеггер утверждает, что его концепция является единственно истинной. В 1923 г. он читает лекцию о «герменевтике фактичности» и сетует, что понятие герменевтики ограничено методологией гуманитарных наук, в то время как она в первую очередь и прежде всего должна заниматься пониманием фактического наличного бытия и его истолкованием (Heidegger 1923, p. 14). В *Бытии*

и времени потом разъясняется, что понимание нашего наличного бытия, нас самих и нашего мира является основанием всякого другого понимания. *Изначальное* понимание есть наше доверительное отношение к таким вещам, как «стол, дверь, повозка, мост». Понимать их – значит знать, как с ними всё обстоит на самом деле (Heidegger 1923, p. 37), а всякое другое понимание строится на этом или руководствуется им. Герменевтическая философия, истолковывающая наличное бытие человека, показывает себя, таким образом, и как философская герменевтика, теория оснований всех наук об интерпретации. Концепция Хайдеггера получила большой резонанс, это собственно и понятно: разве можно понять знаменитый рассказ «Старик и море», если не знать, что такое море, что такое акулы, что такое лодки и т.д., что такое забота о поддержании жизни, что такое страх и разочарование? Понимание литературы подразумевает самым очевидным образом понимание жизни и мира. Мы подходим к текстам с предзнанием, с некоторым «предварительным пониманием» и должны это делать, если мы вообще хотим что-то понять.

Каким бы очевидным это ни казалось, однако Хайдеггер не смог прояснить переход от понимания наличного бытия к пониманию текстов, поскольку у него совершенно не учитываются два элемента: другой субъект и система языка. Однако Шлейермахер и Бёк, уточняя мысли Просвещения, именно в них видели два фундамента герменевтики, т.к. всякая речь и всякий текст обусловлены, с одной стороны, индивидуальностью говорящего, с другой стороны, (относительно) общим языком. У Хайдеггера же другой появляется исключительно в качестве «друга», с которым ты всегда мыслишь одинаково; а язык настолько тесно соединён с наличным бытием, с его «открытостью» (раньше сказали бы «с сознанием»), что уже не способен выступать ни в качестве субъекта предданной системы, ни в качестве языка другого или хотя бы иностранного языка. Поэтому Хайдеггер не в состоянии показать, каким образом в акте чтения возникает новый опыт, выходящий за пределы нашего прежнего понимания мира и наличного бытия. И поэтому не удивительно, что для его герменевтики наличного бытия не существует более трудностей понимания, бывших ранее причиной возникновения герменевтики. А это, в свою очередь, привело к тому, что всю герменевтику стали упрекать в том, что для неё не существует никаких границ и она растворяет всё чужое в своём.

Уже Дильтей специально занимался условиями понимания и обнаружил их в «жизни», которая сама себя «интериоризирует» и понимает. Но ему удалось немного лучше прояснить переход от этого понимания к литературной герменевтике и герменевтике текста: интериоризация себя является основой для «элементарного понимания»,

для понимания выражений другого (поскольку я сам грустил, я могу понять слёзы другого) (Dilthey 1927, p. 207). Это элементарное понимание другого становится основой для «высшего» понимания в гуманитарных науках, которое имеет дело уже не непосредственно с жизнью, но с образованиями «объективного духа», т.е. например, с поэзией, и которое поэтому должно быть знакомым с формами объективного духа, прежде всего с языком. Другие субъекты и формы «объективного духа» – это элементы, которые встречаются уже у Дильтея и ограничивают абсолютную свободу интерпретации. Ведь мы не имеем права выворачивать наизнанку ту мысль, что помыслена другим субъектом, а язык и литературное произведение предьявляют нам правила, которые мы не в состоянии игнорировать. Т.к. всякое понимание, по Дильтею, включает деятельность силы воображения, оно способно включать опыт, выходящий за пределы «действительной жизни», так что моё наличное бытие есть условие, но не граница понимания как такового (Dilthey 1927, p. 215).

Заключение

По этой причине Дильтея представляется мне ключевой фигурой в споре о герменевтике. С одной стороны, «герменевтика» была для него всё ещё учением о методе и из его набросков следует, что интерпретация текста имеет две стороны: она есть форма «индукции» (Dilthey 1927, p. 216-220) и требует одновременно интуиции или силы воображения. С другой стороны, он интересовался преимущественно условиями понимания, обнаруживая их в конечном итоге в «жизни», являвшейся для него основой «объективного духа». Поэтому анализ форм объективного духа уступает у него интересу к жизни и психологии. Хотя и подчёркивается, что обычай, язык, право, искусство и т.д. всегда надиндивидуальны, а поэзия, в отличие от жизни человека, изображает некоторую «новую реальность», тем не менее мы не обнаруживаем у Дильтея никакой философии языка, равно как и никакого анализа семантического круга значений отдельных знаковых систем, как они разрабатывались в 18-м в. Хайдеггер радикализовал этот вопрос о последнем основании, концентрируясь только на понимании наличного бытия; складывается впечатление, что для Хайдеггера истолкование в гуманитарных науках подразумевает исключительно «собственное», т.е. аутентичное, существование и самопонимание. Однако это заблуждение. Чтобы понять упоминавшийся рассказ Хемингуэя, недостаточно того, чтобы мне было открыто моё наличное бытие, скорее, я должен знать язык, а лучше всего язык автора; я должен уметь отличать исторические сообщения от вымышленных историй; и тогда я смогу получить представление о некоторой форме жизни, которая не является моей собственной.

Во всяком случае, в центре интересов позднего Хайдеггера располагалось уже не существование, но язык, миф и искусство, а примыкающая к нему герменевтика Гадамера настолько тесно связала понимание с языком, что всё понимаемое – для примера и музыка тоже – стало языком. Исследование методической герменевтики и проблем иностранных языков и литератур было заброшено и Гадамером, который перенял предубеждение Хайдеггера, что методы овеществляют свои предметы как в филологии, так и в естественных науках, превращая их в безжизненные объекты. Против этого, примыкая к классической герменевтике, сразу выступили Бетти, Виакер и Э.Д. Хирш, однако они не получили отклика. Когда в постмодернизме любая интерпретация была объявлена правильной, Умберто Эко написал, что интерпретация текстов стала походять на пикник, для которого автор приносит с собой кушанья (слова), а интерпретатор – меню (смысл) (Eco 1992, S. 77) (Сравнение восходит к Лихтенбергу). Эко сначала представлял концепцию «открытого произведения», позднее, однако, ввиду безумствующего произвола интерпретаций, он был вынужден сформулировать границы интерпретации художественного произведения, сняв её произвольность. Я считаю, эту тенденцию следует поддержать.

References

- Bühler, A. (1994), *Unzeitgemäße Hermeneutik. Verstehen und Interpretation im Denken der Aufklärung*, Tübingen.
- Dilthey, W. (1927), *Gesammelte Schriften, Bd.7: Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften*, Stuttgart, Germany.
- Eco, U. (1992), *Die Grenzen der Interpretation*, München, Wien.
- Heidegger, M. (1923), *Ontologie. Hermeneutik der Faktizität, Gesamtausgabe. Bd. 63*, Käte Bröcker-Oltmanns.
- Heidegger, M. (1960), *Sein und Zeit*, 9, Aufl. Tübingen.
- Makkreel, R. (1997), *Einbildungskraft und Interpretation. Die hermeneutische Tragweite von Kants Kritik der Urteilskraft*, Paderborn.
- Petrus, K. (1997), *Logik, Rhetorik und Hermeneutik im 17 Und 18. Jahrhundert*, Berlin, New York.
- Popper, K. (1966), *Logik der Forschung*, 2. Aufl. Tübingen.
- Werner, A. (1993), *Hermeneutica Generalis. Zur Konzeption und Entwicklung der allgemeinen Verstehelehre im 17 Und 18. Jahrhundert*, Stuttgart.

Submitted: 01.02.2023

Accepted: 20.03.2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 8

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-1-113-123

Дата поступления: 01.02.2023
принятия: 20.03.2023

М. Шмитц-Эманс
Рурский университет,
г. Бохум, Германия
E-mail: monika.schmitz-emans@rub.de
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4520-0471>

К вопросу о семантике границы и формах разграничений*

Аннотация: в статье исследуется происхождение и трансформации понятия «граница», показывается проблематичность его определения. Дается исторический обзор изменения семантики слова «граница» в немецком языке, исследуется история понятия. Показывается, что акт разграничения есть исток философского размышления в Античности и научного – в эпоху Нового времени. Исследуется трансформация философской семантики понятия границы от Античности до наших дней. Отдельное внимание уделяется культурологическим аспектам понятия границы.

Ключевые слова: граница; разграничение; безграничное и ограниченное; порядок; различие; различание; своё; чужое.

Цитирование: Шмитц-Эманс М. К вопросу о семантике границы и формах разграничений // Семiotic studies. 2023. Т. 3, № 1. С. 113–123. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-113-123>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Шмитц-Эманс М., 2023 – почетный профессор Рурского университета, GA 3/132, 44801, Германия, Бохум, Университетская улица, 150.

© Перевод Нестеров А.Ю., 2023 – доктор философских наук, доцент, директор социально-гуманитарного института, заведующий кафедрой философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

M. Schmitz-Emans
Ruhr Universität
Bochum, Germany
E-mail: monika.schmitz-emans@rub.de
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4520-0471>

On the boundary semantics and differentiation forms**

Abstract: the article studies origin and transformation of the “boundary” notion, demonstrates the difficulty of its definition. The work provides a historical overview of “boundary” semantics change in German language, investigates the notion history. The author shows the differentiation act to be a source of the philosophical thought in Antiquity, and a source of the scientific one in Modern time. The article investigates the transformation of the “boundary” philosophical semantics from the Antiquity to the present days. Special attention is devoted to “boundary” cultural aspects.

Key words: boundary; differentiation; boundless and bounded; order; distinction; различание; own; other’s.

Citation: Schmitz-Emans, M. (2023), On the boundary semantics and differentiation forms, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 3, no. 1, pp. 113–123, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-113-123>.

Information about conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Schmitz-Emans M., 2023 – Professor emeritus, Ruhr Universität Bochum, GA 3/132, 150, Universitätsstraße, Bochum, 44801, Germany.

© Translation Nesterov A.Yu., 2023 – Doctor of Sciences in Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute of Social Sciences and Humanities, Head of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

* Впервые статья опубликована в сборнике «Поэтика рамы и порога: функциональные формы границы в художественных языках. Научн. ред. Н.Т. Рымарь. Самара: Издательство «Самарский университет», 2006». Статья печатается с разрешения редакции сборника для расширения читательской аудитории.

** The article was first published in *Pojetika ramy i poroga: funkcional'nye formy granicy v hudozhestvennyh jazykah, Frame and threshold poetics: boundary functional forms in artistic languages*. N.T. Rymar (ed.), Samara: “Samara University”, 2006. The article is being published with the collection editor's consent in order to expand the readership.

Введение

О границах речь идёт во всех без исключения научных и вненаучных дискурсах, все области человеческой культуры и деятельности опираются на разграничения. Но что содержит в себе понятие границы? Именно слово «граница» вызывает, кроме прочего, на то, чтобы задать вопрос о границе (!) между буквальным и метафорическим языковым употреблением. В словаре Гримма, перечисляющем множество способов употребления, указывается на неизбежную диффузию, т.е. на отграничение (!) значений: «Необычно большое число вербальных связей, в которых появляется граница, показывает сильную размытость различных значений, даже внутри данной формулировки, и в особенности – при несобственном употреблении»¹.

Что связывает разнообразные «границы» между языками, странами, культурами и эпохами, между понятиями и значениями, между дискурсами и дисциплинами? «Не должны ли мы, – спрашивает Бернхард Вальденфельс, – различать между идеальными границами и границами реальными, которые, в свою очередь, опять же могут быть предзаданными природой или созданными искусственно? (...) что общего, за исключением расцветающей здесь пространственной метафоры, имеют политические границы земель с берегами рек или звериными территориями, стены тюрьмы со стенками шкафа, что общего, в конце концов, всё это имеет с границами понятий, содержаниями понятий или с юридическим процессом дисквалификации?»²

Изначальная зависимость мышления и понятийного аппарата от пространственных представлений является показательной в случае дискурса о «границах». В связи с этим Вальденфельс подчёркивает проблему дифференцирования собственного и несобственного языкового употребления³. *То, что «граница» значит, нельзя определить. Однако можно реконструировать, в каком смысле в движении истории шла речь о границах.*

1. К исторической семантике слова «граница»

У понятия границы интересная история; связанные с ним представления претерпели значительную, исторически обусловленную и исторически действенную дискурсивную трансформацию.

Выражение «граница» [Grenze] было образовано как заимствование славянского слова «granica». (Заимствованное слово происходит, как показывает Ганс Медик в уточнении данных словаря Гримм

ма, не из польского, но из языка поморян)⁴. В немецкий язык оно было интегрировано в процессе движения на восток немецких колонизаторов⁵. Имелось в виду маркирование отношений собственности. Говорящие о границах менее всего думали о линии разграничения как о местности, внутри которой осуществляется отграничение. Границы протягиваются там, где смешивается различное, с помощью маркировки реагируют на угрожающую диффузию: так возникают эта сторона и та сторона границы. Обе, эта сторона и та сторона, вместе конституируют область границы.

Аналогично обстоит дело со словом «марка» [Mark]. Исходно оно замещало маркирование конкретной границы, своего рода столб, с помощью которого обозначались отношения собственности, потом оно стало именем самой маркированной границы, границы между землями и даже именем внешних районов царства. Вплоть до сегодняшнего дня это слышно в таких именах, как «Марк Бранденбург»⁶. Под «общинными угодьями» [Gemarkung] в немецком языке понимается район. (А в Бохуме, как и во многих других городах, есть район «Марк».)

Распространением слова «граница» [Gren(t)ze] немецкий язык обязан прежде всего Мартину Лютеру. Он также понимал под ним пограничную область. В 18-м в., согласно словарю Гримма, произошло два важных семантических обогащения:

- Во-первых, выражение «граница» постепенно темпорализовалось, пространственные представления ограниченности стали переносить на концепты измеренного времени.

- Во-вторых, выражение «граница» превратилось в абстрактное понятие, получившее устойчивое место прежде всего в философском дискурсе. С тех пор слово «граница» вместе со своими производными принадлежит тому же семантическому горизонту, что и «барьер», «завершение», «цель и «конец»⁷.

Несмотря на такое расширение и перенос значения сохранились следы более ранних коннотаций. Если в употреблении слова «граница» на ранних этапах его распространения в немецком языке имплицитно содержалось представление о зна-

⁴ Hans Medick: Grenzziehungen und die Herstellung des politisch-sozialen Raumes. Zur Begriffsgeschichte der Grenzen in der Frühen Neuzeit. In: Richard Faber, Barbara Naumann (Hg.): Literatur der Grenze - Theorie der Grenze. Würzburg (K&N) 1995. С. 211-224, здесь С. 217. Cp. Jacob und Wilhelm Grimm: Deutsches Wörterbuch. 1854ff. IV. Bd., 1. Abt, 6. Teil, Art. „grenze“, bearb. v. A. Hübner und H. Neumann 1935, Sp. 124ff.

⁵ Cp. Rüdiger Zill: Der Vertrag des Zeichners. Wittgensteins Denken im Kontext der Metaphertheorie. (http://www.momoberlin.de/Zill_Wittgenstein.html, abgerufen: 16.6.05), С. 7f.

⁶ Grimm/Grimm 1854ff.: VI. Bd., Art. „mark“, bearb. v. Moritz Heyne. 1885. Sp. 1633ff.

⁷ Cp. Grimm/Grimm: 1854ff., Art. „grenze“, Sp. 132, Sp. 134-135.

¹ Grimm/Grimm: 1854ff., Art. „grenze“, Sp. 132, Sp. 138.

² Bernhard Waldenfels, Der Stachel des Fremden, 2. Aufl. Frankfurt/M 1991 (zuerst 1990), С. 36f.

³ Waldenfels, Der Stachel des Fremden, С. 37.

комстве с обеими отграниченными друг от друга территориями, то именно этот старый смысл «границы» ещё звучит у Людвиг Виттгенштейна: он говорит, для акта разграничения необходимо требуется знание об «обеих сторонах этой границы» (Логико-философский трактат)⁸.

Философы, например, Адорно и Блуменберг, подвергли это замечание Виттгенштейна критике. Их возражения объяснимы, по Рюдигерю Циллю, в качестве следствия упомянутой семантической трансформации. Поскольку в модернизме «границы» мыслятся большей частью не с двух сторон, но – в смысле отграничения и выделения [Ab- und Ausgrenzung] – только с одной стороны и одновременно «изнутри», постольку философия ничего не может сказать о «другой стороне» понятийного и тем самым тезис Виттгенштейна не является собственно философским тезисом.

Исторически первичное значение «границ» – в смысле отграничения и выделения – является определяющим в том числе и для Канта. Оно восходит к пониманию «границы» как синонима для „frontier“ или „frontière“, т.е. для слова, семантически и этимологически родственного немецкому «фронт, [Front]». Его основное значение – не «двусторонность», но момент противопоставления собственного и чужого (т.е. “позиция конфронтации”, [Frontstellung]⁹).

Связанное длительное время со словом «граница» (и ещё звучащее у Виттгенштейна) представление о «двусторонности» сменяется представлением о «фронте». Это не является исторической случайностью. В исторически изменяющейся семантике слова «граница» в немецком языковом пространстве отражается, поскольку речь идёт о пространственных границах, трансформация в кодировании как самих ограниченных территорий, так и в обращении с ними.

⁸ Ludwig Wittgenstein: Tractatus logico-philosophicus. Logisch-philosophische Abhandlung. Frankf./M. 1963, Vorwort, S. 7. Характеризуя трактат, Виттгенштейн пишет: «Весь смысл книги можно выразить приблизительно в следующих словах: то, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно, а о чем невозможно говорить, о том следует молчать. Следовательно, книга хочет поставить границу мышлению, или скорее не мышлению, а выражению мыслей, так как для того, чтобы поставить границу мышлению, мы должны были бы мыслить обе стороны этой границы (следовательно, мы должны были бы быть способными мыслить то, что не может быть мыслимо). Эту границу можно поэтому установить только в языке, и все, что лежит по ту сторону границы, будет просто бессмыслицей». (Tract, S. 7, русский перевод приведён по изданию 1958 г.)

⁹ Zill, S. 8: „Frontier“ – это граница, за которой пусть даже и не находится, но должно находиться враждебное, неизвестно чуждое, фобическое. „Frontier“ обозначает нечто, иное которого не известно. „Frontier“ – это нечто, обладающее этим характером, но постоянно сдвигающееся. Неизвестное пространство включается в своё [Diesseits]. Иное [Jenseits] постоянно вытесняется». Cp. Zill, S. 8/9.

Наблюдаемая с 18-го в. популяризация семантического поля вокруг «границы» связана с *территориализацией мышления*. Это находит своё конкретное выражение в истории европейских государств и в их новых самоидентификациях [Selbstausslegung]¹⁰. Росло политическое значение границ между странами; понятие границы политизировалось¹¹; связанный со словом «граница» пространственный образ модифицировался: он мыслился уже не в виде пространства смешения и перехода, но в виде чётко очерченных разделяющих линий¹². Начиная с позднего 18-го в. вследствие политической конфронтации между постреволюционной наполеоновской Францией и другими государствами понятие границы нагружается новыми значениями: Из изначально пространственного концепта оно становится *понятием националистической борьбы, содержащим внутренние моральные оценки*¹³.

Сравнение истории концепта «граница» в немецком языке и аналогичной истории сходного французского концепта «frontière» при всей общности в политической семантизации понятия границы показывает тем не менее характерные различия¹⁴. В немецком языковом пространстве дискурс о границах более отчётливо, нежели во французском, соединяется с дискурсом о культурном своеобразии и, в ещё большей степени, – о языковых различиях. В «Речах о немецкой нации» Фихте это соединение кульминируется в тезисе о том, что национально-государственные границы находятся в естественной взаимосвязи с языковыми пространствами¹⁵.

2. Мыслить границы: представления античности и Нового времени об ограниченном и безграничном

Рассуждать об исторической семантике «границ» – значит рассуждать об отграничениях

¹⁰ Cp. Medick, S. 217. Медик цитирует Фридриха Второго: «Деревня на границе имеет большую ценность, нежели княжество в 60 милях. (Medick, S. 217).

¹¹ Cp. Medick, S. 216.

¹² Cp. Grimm/Grimm, Art. „grenze“, Sp. 134, cp. Medick, S. 216.

¹³ Cp. В особенности Lucien Febvre: „Frontière“ - Wort und Bedeutung (1928). In: Lucien Febvre: Das Gewissen des Historikers. Berlin 1988. S. 27-38. S. 33: «Линия границы (limites) становится [с конца 18 века] своего рода рвом между чётко разделёнными национальностями. Кроме того, она становится моральной границей (frontière), быстро заполняемой ненавистью, стремлением к мести и ужасом, вызванными к жизни во Франции и за границей французской революцией» – Cp. также Medick, S. 215.

¹⁴ Cp. Medick, S. 217f., а также статью „grenze“ в Grimm/Grimm Sp. 134.

¹⁵ Cp. Medick, S. 218f. Медик цитирует «Речи к немецкой нации» Фихте (1808), в которых представлена идеология «внутренней» границы: люди одного языка естественным образом составляют для Фихте единое целое; иноязычное остаётся чужеродным телом. (Johann Gottlieb Fichte: Reden an die deutsche Nation. Hamburg 1978. S. 207).

разного рода, и не только в перспективе культуры, политики или истории понятий. Ведь и дефиниции являются формами разграничений¹⁶. «Сделать научную проблему продуктивной – значит превратить её пограничную проблему» (Франц Розенцвайг)¹⁷.

Научно-философское мышление начинается с разграничения¹⁸, а философское размышление в Европе, начиная уже с античности, означает определённое размышление о границах. Известно высказывание Парменида:

«Оставаясь тем же самым в том же самом (месте), оно покоится само по себе.

И в таком состоянии оно остаётся стойко (постоянно), ибо неодолима Анаanke

Держит (его) в оковах предела (границы), который его запирая-объемлет,

Потому что существу нельзя быть незаконченным.

Ибо оно не нуждается ни в чём,

¹⁶ Под де-финированием понимается ограничивание предмета или предметного содержания, т.е. определение его границ. Такое определение границ начинается с установления общности между тем, что должно быть различено. Взаимодействие между установлением общности и различением выражается в классических дефинициях *genus proximum* и *differentia specifica*. Ср. Norbert Wokart: *Differenzierungen des Begriffs der „Grenze“*. Zur Vielfalt eines scheinbar einfachen Begriffs. In: Richard Faber, Barbara Naumann (Hg.): *Literatur der Grenze - Theorie der Grenze*. Würzburg (K&N) 1995. С. 275-289, здесь 280f. - Ср. Wokart, С. 279: „(...) Поскольку исключение иного посредством границы – это включение всего того, что относится к делу, у границы есть и позитивная функция: она ограничивает и тем самым впервые конституирует идентифицируемое предметное содержание. (...) Граница – это логическое место, в котором и посредством которого различные вещи обладают общим интересом; ибо потому, что граница отделяет одно от другого, она соединяет одно с другим. Отграничить одну вещь от другой не означает отбросить другое, наоборот, это означает признать другое в качестве необходимого условия общей границы и тем самым конституэнты интендируемой вещи¹⁶. Это значение другого, с которым имеется общая граница, для определения своего следует принимать во внимание прежде всего при определении человеческой идентичности. Ведь человек может гарантировать себе идентичность в качестве индивида или члена группы не иначе как через соотнесение с другими. (Wokart, С. 279) – В «Критике чистого разума» Кант подчинил разграничение классов качеству, как подчёркивает Вокарт «В своей функции определения вещи через ограничение граница является внутренним определением самой ограничиваемой вещи. Таким образом граница принадлежит к качеству того, что ограничено». (Wokart, С. 280)

¹⁷ Franz Rosenzweig: *Brief an Eugen Rodenstock*, 18. 10. 1917, in: Franz Rosenzweig: *Briefe*, hg. v. Edith Rosenzweig. Berlin 1935. С. 253.

¹⁸ Hermann Glockner: *Die europäische Philosophie von den Anfängen bis zur Gegenwart*. Stuttgart, 3. Aufl, 1968 (zuerst 1958), С. 14: «Научное суждение изымает устойчивое бытие из безостановочного движения действительного. Расставляются акценты, проводятся границы, образуются термины, возникают дефиниции».

А нуждайся, нуждалось бы во всём.

Одно и то же – мышление и то, о чём мыслит, Ибо без сущего, о котором она высказана, Тебе не найти мышления. Ибо нет и не будет ничего,

Кроме сущего («того, что есть»), так как Мойра приковала его

Быть целокупным и неподвижным. Поэтому (пустым) именем будет всё,

Что смертные установили (в языке), убеждённые в истинности этого:

«Рождаться и гибнуть», «Быть и не быть»,

«Менять место» и «изменять яркий цвет».

Но поскольку есть крайняя граница, оно закончено

Со всех сторон, похожее на глыбу совершенно-круглого Шара

Везде (= «в каждой точке») равносильное от центра, ибо нет нужды

Чтобы вот тут его было больше или меньше, чем вот там¹⁹.

Парменид устанавливает и подчёркивает, что познание опирается на различие. Сформулированная им истина (*aletheia*) «обладает за счёт собственной однозначности, – как гласит парафраз Германа Глокнера, – не только своей твёрдой границей, но и отграничивается за счёт неё от неопределённости туда-сюда колеблющегося мнения (*doxa*)»²⁰.

Неясно точное происхождение тезиса о бесконечном, об «апейроне», который приписывается Анаксимандру из Милета и маркирует возникновение [*Einsatz*] собственно европейской философии²¹; этот тезис подвергался критике различными более поздними античными философами. «[Основание существующих вещей – в безграничном. Но откуда возникновение у существующих вещей, в которое уходит и их исчезновение] по необходимости; потому что они дают друг другу право и наказание за несправедливость в соответствии с порядком времени»²². В интерпретациях Анаксимандра до сих

¹⁹ Fragment 8 (H. Diels/W. Kranz: *Die Fragmente der Vorsokratiker*. 1. Bd. Zürich/Berlin 1964), nach Glockner, С. 20. См. об этом Glockner, С. 19: «На место созерцания и течения приходит ряд утверждений, представляющих в своей совокупности единое бытие. Утверждаемое присоединяется к утверждаемому, бытие к бытию. (...) Парменид открыл не только «бытие в себе», но и тем самым ещё и «границу в себе». Он не только знал, что любое установление истины останавливает гераклитово течение, но и открыл, что всё зафиксированное должно быть ограниченным, а всё определённое – заключённым в себе бытием».

²⁰ Glockner, С. 20.

²¹ Понятие границы, как говорит Вокарт, начинает «свою философскую карьеру» с ударной силой молнии «во тьме рассвета мысли»: «(...) уже первые предложения европейской философии говорят о границе как о центральном понятии» и сразу во всеобщем смысле. (Wokart, С. 275).

²² H. Diels/W. Kranz: *Die Fragmente der Vorsokratiker*. 1. Bd. Zürich/Berlin 1964, С. 89. Взятые в скобки предложения, возможно, не являются аутентичными высказываниями Анаксимандра, но сформулированы в духе его философии.

пор существует разногласие во мнениях, особенно по вопросу, следует ли понимать апейрон как «неопределённое»²³ или как количественно безграничное²⁴.

Начиная с тезиса Анаксимандра об апейроне как основе всех вещей и их возникновении через деление, понятие границы является основным философским понятием. Во всяком случае оно с самого начала остаётся настолько неопределённым, что уже в античном мышлении получает ряд различных уточнений.

По наблюдению Аристотеля, о понятии [в русскоязычном издании – «о пределе», прим. перев.] «говорится в стольких же значениях, в скольких и о начале, и ещё больше»²⁵. То, что в греческом языке, как и в латыни есть множество семантически родственных соответствий понятию «граница» (*peras, horos, phragma* или *finis, limes, terminus*), тесно связано с этой многозначностью²⁶. Но дискурс о «границах» интересен не только поэтому. Всякое философствование о безграничном обладает парадоксальной чертой, если оно, будучи работой с понятиями и над понятиями нацелено на дистинкции. «(...) Ибо, с одной стороны, у апейрона не должно быть границ, с другой стороны, сама безграничность есть определение и тем самым – качественное ограничение (...) Тем самым Анаксимандр, говоря о безграничном, чувствует себя принуждённым говорить о нём как о чём-то ограниченном и через это – как о чём-то уже определённом»²⁷. Не в последнюю очередь именно эта причина лежит в основании вердикта пифагорейцев по поводу теорий апейрона; Филолай требует, чтобы «всё, что может быть познано», имело «число»²⁸.

В общем и целом для греческого мышления является исключением обращение Анаксимандра к апейрону, как бы тот ни трактовался, в количественном или в качественном смысле, т.е. как безразмерное или как неопределённое; хотя здесь речь

²³ Ср. статью „Grenze (Peras)“ в *Historisches Wörterbuch der Philosophie*, hg. v. Joachim Ritter. Bd. 3, Basel u. Darmstadt 1974, Sp. 873-877.

²⁴ Wokart, С. 286.

²⁵ Aristoteles, *Metaphysik*. V, 1022 a.

²⁶ Как устанавливает Вокарт для аналогичной ситуации в новоевропейских языках, отсутствие общего определения «границы» нельзя воспринимать в качестве дефицита (Wokart 277). Философские лексиконы и словари предлагают различные и в общем не слишком основательные введения в понятие, если они вообще его затрагивают. (Следует согласиться с замечанием Вокарта по поводу того, что Словарь истории философии – *Das Historische Wörterbuch der Philosophie*, Bd. 3, Basel/Stuttgart 1974, Sp. 873-875 und 875-877, – лишь частично раскрывает историю понятия, не разъясняя её взаимосвязи.) В любом случае разъяснения по поводу понятийной пары бесконечное/конечное можно рассматривать как комплементарные по отношению к паре апейрон/граница.

²⁷ Wokart, С. 281.

²⁸ Diels/Kranz, *Die Fragmente der Vorsokratiker*, С. 408.

идёт скорее об ограниченном, о числе, мере, форме и понятии, чем о бесформенном и непонятном²⁹.

Античная философия природы посвящает себя преимущественно размышлениям об ограниченном, о делимости вещей и о вопросе об элементарных, отграниченных друг от друга составляющих материальных вещей. Бытие и ограниченность [*Sein und Begrenztsein*] рассматриваются как коррелятивные. В четырёх местах дидактического стихотворения Лукреция «*De rerum natura*» встречаются следующие строки: „*nam quodcumque suis mutandum finibus exit, / continuo hoc mors est illius quod fuit ante.*“ (Но что однажды изменённым выйдет из своих границ, / умрёт в этот самый момент как то, чем оно раньше было»)³⁰.

Аристотель определяет границу как «то первое, вне которого нельзя найти ни одной его части, и то первое, внутри которого находятся все его части»³¹. Проблема, вытекающая из идеи бесконечной делимости всего телесного, решается им посредством понятийного разграничения того, что может быть фактически познано, и чисто потенциального³².

Разница в установках по отношению к ограниченному или неограниченному позволяет

²⁹ Ср. Wokart, С. 281f. Именно в пифагорейском мышлении выражается предрасположенность к ограниченному.

³⁰ Glockner, С. 245.

³¹ Aristoteles, *Metaphysik* V, 1022 a. – Относительно соразмерного замечания Гегеля «Конец одного там, где начало другого» (G.W.F. Hegel, *Philosophie der Religion*. Werkausgabe. Frankf./M. 19??, Bd. 16, Frankf./M. 1969, S. 167), Вокарт показывает, сколь важные импликации стоят за этим само собой разумеющимся и педантичным утверждением: «Во-первых, границы между различными вещами не различны, (...) скорее это одна граница или граница как одного, так и другого (...) Во-вторых, именно за счёт того, она одна между ограниченными вещами, граница обладает двумя различными функциями: с одной стороны, одна включает то, что относится к соответствующей вещи, и с другой стороны, она исключает то, что к ней не относится». (Wokart, С. 279).

³² Ср. Вокарт об Аристотеле: «Он ни в коем случае не выводил из не подлежащей отрицанию бесконечной делимости всего материального фактического растворения в ничто, но подчёркивал, что хотя везде и всегда существует возможность деления, опыт учит нас, а Демокрит подтверждает, что никакое сущее никогда не распадается в ничто» (137f.). «Во всём материальном такую «границу» можно не только позитивно установить, но даже необходимо мыслить всё пространственное и временное в качестве отделённого и отличённого от большего целого путём рассечений (*Tmeta*). Такое рассечение должно быть возможно внутри любого тела, любой части пространства, любого временного отрезка, т.е. в бесконечном количестве точек или мст. Но из этой «возможности» нельзя сделать вывод, что структура так называемого чувственного мира фактически состоит из бесконечного числа точек рассечения или границ (...). (138) «Повсеместный опыт учит (...), что не только каждое утверждение, уточнение, детерминирование и дефиниция опираются на ограничение, но и все они становятся действительными лишь благодаря актуализации возможностей определения. Чистая потенциальность не могла бы существовать только для себя; она понятна лишь как «материал», так и граница нуждается в «чём-то», чтобы быть фактически актуализированной в качестве в качестве установления границы». (139)

разграничить античное и *средневековое* мышление. Здесь эта тема может быть лишь намечена. В христианском дискурсе на ведущую античную дифференцию между апейроном и ограниченным наслаивается, сменяя её, дифференция между бесконечным и конечным; бесконечное повышает свой статус до атрибута бога, конечное служит атрибутом творения и обосновывает, в частности, неполноценность человека по отношению к богу³³. Согласно Августину, хотя бы человеческое сердце с тоской обращено к божественному и способно таким образом в представлении трансцендировать конечное земное пространство, которому принадлежит человек как природное существо. Это пересечение границы сравнимо со зрением и слухом как выходами вовне из телесного расположения³⁴.

Новое время с помощью секуляризованной версии вновь заменяет теолого-метафизическую семантику дифференцией между конечным и бесконечным: ответственной за бесконечное, как и за ограничения, за измерения ограниченного является математика³⁵. Бесконечно малые становятся новым вызовом искусству исчисления.

Особенности новоевропейского понимания границ характеризует, однако, не только внимание к бесконечным величинам математики, но и зарождающееся историческое сознание и сознание заданности всех разграничений. Упрощая, можно сказать, что границы с постсредневековой точки зрения – это приглашение к трансгрессии: к открытию и завоеванию нового, к апробации и усилению потенциала собственного превосходства, к расширению собственных возможностей действия. Новоевропейский человек перешагивает препятствующие ему границы как в пространственном, так и в интеллектуальном смысле. Очевидно, что подобные «*curiositas*» с христианской точки зрения содержат в себя нечто подозрительное, даже греховное. Но это уже долгое время не является действительным препятствием для территориальной и научной экспансии. Мотив прорыва к новым берегам, даже бесконечного движения становится основным топосом новоевропейского самопонимания.

Ганс Blumenberg говорит об определяющей Новое время «потере порядка» [„*Ordnungsschwund*“]³⁶, и эта потеря связана с модифицирующимся опытом границы. Передаваемая традицией идея космоса устаревает, а вместе с ней – представление об абсолютном пространстве и об абсолютном времени. Дело доходит до «феноменологизации пространства и времени»³⁷. Отношение познающего

человека к миру динамизируется; пространственно-временные деления становятся зависимыми от познающего субъекта. Этот субъект распоряжается единицами измерения и масштабами, осуществляет конституирующие мир разграничения.

Далее определяющим для Нового времени является убеждение в том, что мир больше и сложнее, чем его образ, полученный на основании природной человеческой способности восприятия. Если до этого универсум «представлялся ограниченным и закрытым внешней сферой зафиксированных звёзд» и число звёзд в нём было обозримым одним взглядом (а именно как ещё в античности нанесённое на карту и измеренное пространство)³⁸, то в век Коперника и Галилея прокладывает себе дорогу убеждение в том, что с помощью улучшенных оптических приборов можно видеть больше и иначе, нежели простым глазом. Природа освобождается от дефинитивного картографирования, поскольку трансформация измерительной деятельности затрагивает само измеряемое. Для более острого или поддерживаемого инструментом глаза границы вещей осуществляются внутри мира, равно как и границы мира, т.е. в целом иначе, нежели для невооружённого или вообще затуманенного взгляда. От точки зрения такой относительности зрительных полей и горизонтов – лишь один шаг до мысли о принципиально безграничной подвижности этих границ, о принципиальной расширяемости зрительного поля вплоть до необозримого.

Принципиально расширяемое однако уже не совпадает с фактически расширяемым. Так возникает комплементарное по отношению к мысли о постоянном научно-техническом расширении границ видимого подозрение в том, что существует невидимое для человека, то, что постоянно остаётся от него скрытым, – представление немислимое и скандальное с предшествующей Новому времени точки зрения. Потому что оно имплицитно содержит в себе идею, что мир здесь не для того, чтобы быть полностью воспринятым и понятым, что существует нечто, ускользающее от констатирующего и измеряющего границы понятия, что творение осуществлено не ради человека. Ужас, исходящий от представления о таких измерениях реальности, лежащих за пределами человеческой способности восприятия и познания, не меньше, чем *horror vacui*.

Коротко говоря: с одной стороны, воспринимающий субъект в Новое время перемещается в центр своего мира, границами которого являются границы его зрительного поля. С другой стороны, этот субъект понимает зависимость своего знания от этого поля – и тем самым ограниченность своего доступа к космосу.

³⁸ Hans Blumenberg, *Die Legitimität der Neuzeit*. Erweiterte Ausgabe, Frankfurt/M. 1996, С. 426.

³³ Cp. Wokart, С. 282.

³⁴ Cp. Glockner, С. 298.

³⁵ Cp. Wokart, С. 283.

³⁶ Hans Blumenberg, *Säkularisierung und Selbstbehauptung*, Frankfurt/M. 1974, S. 158ff. - Cp. также Waldenfels, *Der Stachel des Fremden*, С. 17.

³⁷ Blumenberg, *Säkularisierung* 173.

3. Мышление о границах: от докоперниканского к коперниканскому и деконструктивистскому философствованию.

Уже Платон описывает философствование как искусство различения, диарезис³⁹, и соединяет с размышлением о предметах своего философствования рефлексивную над собственной деятельностью. При этом он рассматривает осуществляемые мышлением акты дифференциации как схватывание и изображение различий, имеющих своё основание в самих познаваемых вещах.

По поводу того, что познающей инстанции необходимо схватить то, что составляет сущность предметов её познания, в особенности в их отграниченности от других предметов, в раннем периоде эпохи Нового времени ещё существует консенсус между школами, при всех их прочих отличиях.

В модернизме – его начало совпадает с возникновением критической философии, т.е. с тем самым коперниканским переворотом, прокламируемым прежде всего «Критикой чистого разума» Канта – на место знания, понимающего себя как онтологически фундированное, приходит знание другого рода: знание, определённое модальностями и средствами, в которых оно облекается в форму и сообщается, знание, знающее о собственной обусловленности и определённости. То, что можно знать, определяется имманентными законами мышления и формами его выражения и трансляции, а не некоей предметной областью, мыслимой в качестве абсолютной и предданной. Тем самым существенно трансформируется философская семантика словарного поля границы (или границы и предела). Кант формулирует рабочую гипотезу, развиваемую впоследствии в его трансцендентальной философии: мысль о том, что предметы познания осуществляются в соответствии со структурами способности познания. Ничего сверх того, что схвачено в формах созерцания пространства и времени и обработано рассудочными категориями, человеческая способность познания транспортировать не может; сфера вещей в себе остаётся закрытой, подобно метафизически понятному бесконечному. Прежде всего это означает, что центральной темой критики разума становятся его собственные границы. Ганс Blumenberg в «Легитимности Нового времени» цитирует замечание Канта из «Метафизических начал естествознания» 1786 г.: разуму, «(...) когда его одолевает стремление к знанию, не остаётся ничего иного как ухватить абсолютное целое всех отношений... как вернуться от предметов к самому себе, чтобы, вместо последней границы вещей исследовать и определить последнюю границу своей собственной, предоставленной самой себе способности»⁴⁰.

³⁹ Ср. Glockner, С. 93f.

⁴⁰ Из заключительного пассажа «Метафизических начал естествознания», цит. по Blumenberg, Legitimität, С. 509.

В то время как Августин и христианско-теологическая традиция исходила из того, что человеческому знанию границы положены снаружи, Кант указывает стремлению к знанию на другую границу: всякое желание знать о мире завершается в критическом рассмотрении процесса познания как такового и его структурных особенностей⁴¹. Важнейшие границы, которыми должно заниматься мышление, – это его собственные границы.

Дифференцирование границ и пределов⁴² в перспективе кантовской философии помогает при отграничении математического и естественнонаучного значения от метафизики. У первых есть пределы, потому что они соотносены только с миром явлений. В область их компетенции не попадает то, что находится по ту сторону этого мира, и не существует общей границы. Метафизический дискурс, напротив, имеет дело с границами. По Канту функция трансцендентальной рефлексии заключается в том, чтобы «действительно указать нам не только границы чистого применения разума, но и способ определения этих границ»⁴³. Ибо разум видит себя принуждённым к гипотезе, с помощью которой он перешагивает чувственный мир, не имея возможности понятийно определить подразумеваемые гипотезой предметы; имеется в виду сфера вещей в себе, которая должна быть постулирована в качестве причин являющихся вещей, потому что чувственный мир не в состоянии существовать сам по себе. «Заполненное пространство» опыта граничит с «пустым пространством» вещей в себе; здесь пролегает граница, положенная разуму⁴⁴. Таким образом, необходимо познавать и маркировать границы: между территорией подтверждённого или подтверждаемого знания и территорией одних лишь иллюзий.

Гегель также посвятил понятию границ вводные разъяснения. Речь о понятии границы идёт в контексте рефлексии над операциями рассудка,

⁴¹ Ср. Blumenberg, Legitimität, С. 509.

⁴² „Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука“, Riga 1783, в §§ 57-60 «Об определении границ чистого разума» говорится: «Границы (у протяженных объектов) всегда предполагают некоторое пространство, находящееся вне определенного места и заключающее его; пределы в этом не нуждаются, они только отрицания, которые порождают мысль о величине (eine Grosse affizieren), поскольку она не имеет абсолютной полноты. Но наш разум как бы видит вокруг себя пространство для познания вещей самих по себе, хотя он никогда не может иметь о них определенных понятий и не простирается дальше одних лишь явлений». (Kant, Prolegomena, § 57. 1783/1911, С. 352)

⁴³ Kant, Prolegomena, § 57. 1783/1911, С. 353

⁴⁴ Другими словами: Измеряемая средствами трансцендентальной философии на базе Кантовых предпосылок область – это не область мыслимого в качестве абсолютного предметного мира, но область способности познания как таковая.

особенно в «Науке логики»⁴⁵. В диалектике «граница» становится центральным концептом. Конечно определяется Гегелем как «нечто заданное своей имманентной границей как противоречие в себе, благодаря которому оно возвышается над собой и приводится в движение»⁴⁶.

Один из знаменитых пассажей Канта метафорически противопоставляет твёрдую почву чистого рассудка океану видимости и самообмана⁴⁷. Предпочтительнее двигаться вдоль берегов. Кант видит своей главной задачей критическое описание этого движения. Образ архипелага, вокруг которого свирепствует океан видимости, острова которого, будучи твёрдой почвой, оказывают сопротивление подвижному и бушующему, динамическому и лишённому почвы; и позволяют себя картографировать как зоны сопротивления. Этот образ трансформируется спустя 200 лет Михелем Серресом в образ путешествия на северо-запад

⁴⁵ Гегель делает здесь особое различие между качественными и количественными границами: «Отрицание в наличном бытии еще непосредственно тождественно с бытием, и это отрицание есть то, что мы называем границей. Лишь в своей границе и благодаря ей нечто есть то, что оно есть. Нельзя, следовательно, рассматривать границу как лишь внешнее наличному бытию; она, наоборот, проникает все наличное бытие. Понимание границы как лишь внешнего определения наличного бытия основано на смешении качественной границы с количественной. Здесь речь идет пока о качественной границе. Если мы, например, рассматриваем участок земли величиной в три моргена, то это его количественная граница. Но этот участок есть, кроме того, луг, а не лес или пруд, и это составляет его качественную границу» (Гегель Г.В.Ф. Наука логики // Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. М., 1974. С.230–231)

⁴⁶ (Wiss d.Logik) siehe: http://www.hegel-system.de/de/1112223_grenze.htm

⁴⁷ «Мы теперь не только прошли всю область чистого рассудка и внимательно рассмотрели каждую часть ее, но также измерили ее и определили в ней место каждой вещи. Но эта область есть остров, самой природой заключенный в неизменные границы. Она есть царство истины (прелестное название), окруженное обширным и бушующим океаном, этим средоточием иллюзий, где туманы и льды, готовые вот-вот растаять, кажутся новыми странами и, постоянно обманывая пустыми надеждами мореплавателя, жаждущего открытий, втягивают его в авантюры, от которых он никогда уже не может отказаться, но которые он тем не менее никак не может довести до конца. Прежде чем отважиться пуститься в это море, чтобы исследовать его по всем широтам и узнать, можно ли найти что-нибудь в них, полезно еще раз взглянуть на карту страны, которую мы собираемся покинуть, и задать прежде всего вопрос, нельзя ли удовольствоваться тем, что в ней есть, или нельзя ли нам в силу необходимости удовольствоваться ею, если нигде, кроме нее, нет почвы, на которой мы могли бы обосноваться; и еще нам нужно узнать, по какому праву владеем мы этой землей и можем ли считать себя гарантированными от всяких враждебных притязаний». Immanuel Kant, Kritik der reinen Vernunft. Der Transcendentalen Doctrin der Urtheilskraft (Analytik der Grundsätze) Drittes Hauptstück, В 294-В 295. In: I. Kant: Gesammelte Schriften. Hg. v. d. Königl. Preussischen Akademie der Wissenschaft. Berlin 1910ff., Bd. III.

[Nordwestpassage]. Если Кант видел себя в роли картографа, наносящего из перспективы птичьего полёта на карту острова возможного знания, чтобы отграничить их от океана одной лишь видимости, то Серрес видит себя движущимся на корабле, без твёрдой почвы под ногами, в продолжающемся пути. Путешествие на северо-запад ведёт не просто сквозь бушующее море мимо разнообразных препятствий, требующих маневрирования. Эти препятствия – не настоящие острова, но дрейфующие льдины, так что не существует определённого отрезка или связующей границы между твёрдым и текучим. Два моря, связываемые путешествием на северо-запад, являются для Серреса метафорами научно-культурных традиций, сформированных науками о природе и науками о духе с их лишь поверхностно различающимися предметами⁴⁸.

Особую роль в философском дискурсе о границах играет разработанный Ж. Деррида концепт «différance». В этом слове, с одной стороны, обыгрываются общеупотребительные значения глагола „différer“ (отличать, снимать), с другой стороны, оно само отличает себя от известного слова „différence“ (отличие)⁴⁹. Деррида имеет в виду не статичные «дифференции», „Différance“ обозначает само движение дифференцирования в его продуктивности и безостановочности⁵⁰, начало различения и несхожести. «Différance» – чистый след. Предшествуя конкретным дифференциям, он характеризуется во времени модусом последовательности, в пространстве – модусом переноса.

«История разума раскрывается как своеобразная история границ», подводит итог Вальден-

⁴⁸ «В общем смысле мой тезис крайне прост и формулируется следующим образом. Наиболее занимательный феномен нового нового (sic) научного Духа – это отмена того деления, которое прежде превращало любую энциклопедию в набор клеток. Дорогами, проложенными вслепую, науки достигли того состояния, которое Лейбниц описал так: Они фактически образуют «взаимосвязанное тело, подобное океану», которое может быть произвольно разделено на Эфиопское, Каледонское море и т.д. Этот континуум – место движений и обменных процессов: в нём повсюду циркулируют методы, модели, результаты, экспортируются и импортируются откуда угодно и куда угодно по путям, иногда подчинённым упорядоченным траекториям, а иногда полностью произвольным, по путям в море – путь в море. Новый научный Дух сконцентрировался на философии Нет; новый новый (sic) научный Дух развивается к философии философии переноса [zu einer Philosophie des Transports]: расщепление, интервенция, отбор» (Serres, Interferenz, S. 8, Einleitung/. Im Orig.: Michel Serres, Hermès II – L'interférence, Paris 1972)

⁴⁹ Имя, данное Дерридой принципу различения, само авторефлексивным образом различается с орфографической нормой. Заметным это различие становится лишь на письме, при голосовой артикуляции на французском языке отклонения от известного „différence“ не заметны.

⁵⁰ Речь идёт, таким образом, не об уже осуществлённом различении, но о чистом движении, которое впервые это различение производит. (Grammatologie, 109)

фельс⁵¹. Контингентность разграничения отражает как отсутствие оснований операций этого разума, так и эффективность картины мира, которую далее невозможно обосновать как таковую⁵².

4. Ограничение как культурная деятельность и отграничение чужого

Маркирование территорий есть акт обеспечения собственности, если вообще не акт узурпации. Физическое овладение и символическое маркирование – две стороны одной медали. Это иллюстрируется, например, цитируемым Штефеном Гринблаттом декретом испанского короля от 1514 г., описывающим захват чужих территорий:

«Порядок, которому вы должны следовать при вступлении во владение землями и их частями, открытых вами, таков: Когда вы в стране, открытой вами, проведите процедуру вступления во владение от нашего имени перед общественным нотариусом и как можно большим количеством наиболее именитых свидетелей: повалите деревья с сучьями или выкопайте ров и, если позволяют условия, возведите небольшое здание, стоящее в месте, где находится приметная возвышенность или большое дерево; и вы должны сказать, сколько миль от него до моря, немного больше или меньше, и в какой местности, и какие знаки для него есть; и там вы должны поставить виселицу (...)»⁵³

Перформативной силой обладают не только границы, маркированные виселицами; организующая сила дефиниций познаётся на всех территориях, в т.ч. и символических. Разграничения являются выражением власти; это подчеркнул Бернард Вальденфельс, рассматривая обращения с опытом чуждости. Между собственным и культурно чуждым пролегают границы: такие, которые в принципе можно перешагнуть. В общем же, согласно наблюдениям Вальденфельса, обращение с чуждым подчинено исторически значимым трансформациям⁵⁴.

В то время как в античности не был выражен интерес к чужому в его чуждости, чуждое ста-

новилося ощущаемой угрозой, в Новое время под знаком потери порядка распространяется сознание контингентности всех порядков и произвольности всех границ. Знание о нестабильности разграничений пробуждает потребность в их распространении и укреплении, что прежде всего означает потребность в отграничении дикого, варварского, чуждого, другого.

Переходя теперь к культурным, социальным или символическим границам: говорить о границах – значит говорить о процессах картографирования, различения и подчинения, установления *genea proxima* и специфических дифференций, и тем самым не в последнюю очередь – о конституировании сред, «жизненных миров». Внутри их границ традиционно располагаются своё и привычное, снаружи, напротив, – непривычное, воспринимаемое как чуждое и маркируемое соответствующим образом.

Георг Зиммель отмечает по поводу понятия «граница»: «Если это общее понятие взаимного ограничения исходит от пространственной границы, то последняя есть всё же только кристаллизация или опространствливание душевных процессов ограничения, которые одни являются действительными процессами. Не страны, не участки земли, не районы города и не районы страны ограничивают друг друга; но жители или собственники воздействуют друг на друга (...) Границы является не пространственным фактом, оказывающим социологическое воздействие, но социологическим фактом, оформляющим себя в пространстве»⁵⁵.

Гернот Бёме обозначил проблему чуждости как «последнюю из наибольших проблем ориентации», «в которой мы в настоящее время находимся». Он цитирует Зиммеля, чтобы подчеркнуть, что отграничение является решающим для самопонимания, идёт ли речь о культурных, гендерных или национальных аспектах.

«Но что, если это другое рискованно приблизится к кому-то и нужно будет распознать в нём собственное, лишь вытесненное другое? (...) Другое в принципе изображает угрозу собственному самопониманию. Обычные стратегии, позволяющие держать это на расстоянии, представляют собой учреждение иерархии, пространственной дистанции, мер предосторожности, в любом случае удерживающих чужих в меньшинстве. (...) Иерархические порядки, в соответствии с которыми чуждое как меньшинство постоянно удерживалось на дистанции, обесценены или вообще не сняты процессами эмансипации. А благодаря мощным переселенческим потокам, вызванным зачастую политическими причинами, чужие сегодня повсюду, они относятся к любой социаль-

⁵¹ Waldenfels, *Der Stachel des Fremden*, С. 36.

⁵² „(...) Границы, которые не просто находятся или устанавливаются, но конкретным образом проводятся, относятся к созданию порядков; сами они не могут быть без остатка упорядочены и подчинены идентифицирующей понятийности. Вместо этого они указывают на пограничные образы и пограничные видения, вблизи которых сдвигаются границы, а действительность и вымысел переходят друг в друга. Далее они указывают на символы границы, обозначающие и устанавливающие пограничные порядки. (Waldenfels, *Der Stachel des Fremden*, С. 36)

⁵³ Stephen Greenblatt, *Wunderbare Besitztümer. Die Erfindung des Fremden: Reisende und Entdecker*. Dt. v. R Cackett. Berlin 1994.

⁵⁴ Bernhard Waldenfels: *Topographie des Fremden. Studien zur Phänomenologie des Fremden I*. Frankf./M. 1997, С. 11, 22f.

⁵⁵ Georg Simmel: *Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung* (1908), 6. Aufl. Berlin 1983. С. 467.

ной ситуации. (...) Чуждое рискованно приблизилось к нам, гендерно чуждое, государственно чуждое, этнически чуждое, культурно чуждое, религиозно чуждое»⁵⁶.

Заключение

Если под знаком постоянных изменений территорий власти чуждое изначально мыслилось как нечто, что в принципе позволяет себя упорядочить или исключить, то с начала 18-го в. всё настойчивей ставится вопрос, можно ли вообще установить ясные взаимоотношения, создают ли границы порядок. Чуждое поселяется в своём или обнаруживает себя там в качестве местного жителя. Внешние разграничения более не помогают; то, чем нельзя распоряжаться, нельзя более отграничить.

Границы как предмет исторического исследования вплоть до настоящего дня не получили достаточного освещения, полагает Ганс Медик в своей работе, вышедшей в 1995 г.⁵⁷; при этом «историческое рассмотрение, которое было бы направлено от периферии и границ социальных, культурных и политических образований и процессов на сами эти образования и процессы, могло бы (...) быть более содержательным, нежели рассмотрение, перспектива которого зафиксирована в центре»⁵⁸.

Подобно тому, как глобализация в областях политики, экономики и культуры находит свою пару в тенденциях регионализации, всеобщей потребности в концентрации (капитала, интеллигенции, структур коммуникации) соответствует актуальный интерес к периферии. Именно это могло бы быть поводом вспомнить старое буквальное значение «границы» как пограничного пространства (а не как разделяющей линии).

References

Grimm / Grimm: 1854ff., Art. „grenze“, Sp. 132, Sp. 138.

Waldenfels, B. (1991), *Der Stachel des Fremden*, 2, Aufl, Frankf./M.

Medick, H. (1995), Grenzziehungen und die Herstellung des politisch-sozialen Raumes. Zur Begriffsgeschichte der Grenzen in der Frühen Neuzeit. In: Richard Faber, Barbara Naumann (Hg.), *Literatur der Grenze - Theorie der Grenze. Würzburg (K&N)*. pp. 211–224.

⁵⁶ Gernot Böhme: Einführung in die Philosophie. Weltweisheit, Lebensform, Wissenschaft. Frankf./M. 1998. С. 101/102.

⁵⁷ In: Richard Faber, Barbara Naumann (Hg.): *Literatur der Grenze - Theorie der Grenze. Würzburg (K&N)* 1995. Hier: Hans Medick: Grenzziehungen und die Herstellung des politisch-sozialen Raumes. Zur Begriffsgeschichte der Grenzen in der Frühen Neuzeit. С. 211–224.

⁵⁸ Medick, С. 212.

Grimm, J. und W. (1935), *Deutsches Wörterbuch*, 1854ff. IV. Bd., 1. Abt, 6. Teil, Art. „grenze“, bearb. v. A. Hübner und H. Neumann.

Zill, R. *Der Vertrag des Zeichners. Wittgensteins Denken im Kontext der Metapherntheorie*, [Online], available at: http://www.momo-berlin.de/Zill_Wittgenstein.html, (Accessed 16.06.05).

Grimm/Grimm 1854ff.: VI. Bd., Art. „mark“, bearb. v. Moritz Heyne. 1885. Sp. 1633ff.

Wittgenstein, L. (1963), *Tractatus logico-philosophicus*, Logisch-philosophische Abhandlung. Frankf./M.

Febvre, L. (1988), „Frontière“ – Wort und Bedeutung (1928), In: *Lucien Febvre: Das Gewissen des Historikers*. Berlin, С. 27–38.

Wokart, N. (1995), Differenzierungen des Begriffs der „Grenze“. Zur Vielfalt eines scheinbar einfachen Begriffs. In: Richard Faber, Barbara Naumann (Hg.): *Literatur der Grenze - Theorie der Grenze. Würzburg (K&N)*, pp. 275–289.

Rosenzweig, F. (1935), *Brief an Eugen Rodenstock*, 18. 10. 1917, in: Franz Rosenzweig: *Briefe*, hg. v. Edith Rosenzweig. Berlin.

Glockner, H. (1968), *Die europäische Philosophie von den Anfängen bis zur Gegenwart*, Stuttgart, 3. Aufl, (zuerst 1958).

Diels, H., Kranz, W. (1964), *Die Fragmente der Vorsokratiker*, 1, Bd, Zürich/Berlin.

Historisches Wörterbuch der Philosophie (1974), hg. v. Joachim Ritter. Bd. 3, Basel u. Darmstadt, pp. 873–877.

Aristoteles, *Metaphysik*. V, 1022 a.

Das Historische Wörterbuch der Philosophie, Bd. 3, Basel/Stuttgart 1974, Sp. 873-875 und 875-877

Blumenberg Hans, *Säkularisierung und Selbstbehauptung*, Frankf./M. 1974, S. 158ff.

Blumenberg, H. (1996), *Die Legitimität der Neuzeit. Erweiterte Ausgabe*, Frankf./M.

Kant (1783/1911), *Prolegomena*, § 57.

Гегель Г.В.Ф. Наука логики // Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. Москва, 1974. С. 230–231. (Wiss d.Logik) siehe: http://www.hegel-system.de/de/1112223_grenze.htm

Kant Immanuel, *Kritik der reinen Vernunft. Der Transcendentalen Doctrin der Urtheilskraft (Analytik der Grundsätze) Drittes Hauptstück, B 294-B 295*. In: I. Kant: *Gesammelte Schriften*. Hg. v. d. Königl. Preußischen Akademie der Wissenschaft. Berlin 1910ff., Bd. III.

Serres, Interferenz, S. 8, Einleitung/. Im Orig.: Michel Serres, *Hermès II – L'interference*, Paris 1972 (Grammatologie, 109)

Greenblatt Stephen, *Wunderbare Besitztümer. Die Erfindung des Fremden: Reisende und Entdecker*. Dt. v. R Cackett. Berlin 1994.

Waldenfels, B. (1997), *Topographie des Fremden. Studien zur Phänomenologie des Fremden I*, Frankf./M.

Simmel, G. (1983), *Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung (1908)*, 6. Aufl. Berlin.

Böhme, G. (1998), *Einführung in die Philosophie. Weltweisheit, Lebensform*, Wissenschaft. Frankf./M.

Faber, R., Naumann, B. (Hg.) (1995), *Literatur der Grenze – Theorie der Grenze*. Würzburg (K&N). Hier:

Hans Medick: Grenzziehungen und die Herstellung des politisch-sozialen Raumes. Zur Begriffsgeschichte der Grenzen in der Frühen Neuzeit. С. 211-224.

Submitted: 01.02.2023

Accepted: 20.03.2023

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
УДК 111

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-1-124-135

Дата поступления: 25.01.2023
принятия: 25.03.2023

Н.В. Семенова
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербургский государственный
университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: n.v.semenova@spbu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0315-9044>

Афоризмы доктора Розенталя

(вступительная статья, подготовка текста и комментарии Н.В. Семеновой)

Аннотация: в научный оборот вводятся афоризмы журналиста, публициста, врача Августа Осиповича Розенталя (1830–1891). В 1855 г. Розенталь поднял восстание, ставшее частью крестьянских волнений середины 1850-х гг. Был арестован и сослан в Сибирь, впоследствии восстановлен в правах. В 1880 г. эмигрировал: публикуемые афоризмы относятся к заграничному периоду жизни Розенталя. В преамбуле к тексту уточняются биографические сведения на основе архивных источников из личного фонда Розенталя (Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Ф. 258).

Публикуемые афоризмы представляют собой размышления о нравственной природе человека и общества. Отличительными особенностями сборника Розенталя являются сочетание дидактики, юмора и приверженности к научной парадигме знания, открытость к диалогу с читателем и декларативная интерактивность.

Ключевые слова: А.О. Розенталь; афоризм; афористика; моралистика; популяризация науки; проблема жанра; литературная традиция; философия.

Цитирование: Семенова Н.В. Афоризмы доктора Розенталя (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Н. В. Семеновой) // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 1. С. 124–135. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-124-135>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Семенова Н.В., 2023 – кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4; доцент Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9.

ARCHIVE MATERIALS

N.V. Semenova
Institute of Russian Literature (the Pushkin
House) RAS, St.-Petersburg University,
St.-Petersburg, Russian Federation
E-mail: n.v.semenova@spbu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0315-9044>

Aphorisms of Dr. Rosenthal

(introductory article, text preparation and comments by N.V. Semenova)

Abstract: the aphorisms of the journalist, publicist, physician August Osipovich Rosenthal (1830–1891) are introduced into scientific discourse. In 1855 Rosenthal raised an uprising that became part of the peasant uprisings of the mid-1850s. He was arrested and exiled to Siberia, later reinstated. In 1880 he emigrated: the published aphorisms refer to the overseas period of Rosenthal's life. The preamble to the text specifies biographical information based on archival sources from Rosenthal's personal fund (Manuscript Department of the IRLI (the Pushkin House) RAS, F. 258).

The published aphorisms are reflections on the moral nature of the human being and society. Distinctive features of Rosenthal's collection are a combination of didactics, humor and adherence to the knowledge scientific paradigm, openness to dialogue with the reader and declarative interactivity.

Key words: A.O. Rosenthal; aphorism; aphoristics; moralistics; science popularization; genre problem; literary tradition; philosophy.

Citation: Semenova, N.V. (2023), Aphorisms of Dr. Rosenthal (introductory article, text preparation and comments by N.V. Semenov), *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 3, no. 1, pp. 124–135, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-124-135>.

Information about conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Semenova N.V., 2023 – Candidate degree in Philology, Junior Researcher at the Institute of Russian Literature (the Pushkin House) RAS, 4, nab. Makarova, 199034, Russian Federation; Associate Professor, Faculty of Philology, St.-Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya embankment, St.-Petersburg, 199034, Russian Federation.

Введение

Август Осипович Розенталь (1830–1891) – журналист, публицист, врач, популяризатор науки, поэт. Принадлежал к старинному дворянскому роду¹. Родился в имении в Воляни, которое в 1831 г. после подавления Польского восстания было конфисковано. Семья переселилась в с. Вольнянка Киевской губернии (Страшимиров 1904, с. 5). Окончив 2-ю Киевскую гимназию, Розенталь собирался посвятить себя адвокатуре, но «за отсутствием свободных вакансий на юридическом факультете, против воли принужден был сделаться медиком» (Биографическая заметка 1909, с. 5) и поступил в Московский университет. Начал свой творческий путь со стихотворений на польском языке. В 1852–1855 гг. были опубликованы его повесть “*Swiat i dusza*” («Мир и душа»), “*Cierniowy wianek*” («Терновый венец»), “*Raństwo Młodzi*” («Молодые»), “*Poema Duchy*” (РО ИРЛИ. Ф. 258. Ед. хр. 19, 20)². Некоторые свои произведения Розенталь уничтожил в рукописи (поэма “*Pan i sługa*” («Господин и слуга»)).

Будучи студентом, Розенталь увлекся революционными идеями общего равенства. В 1855 г. поднял в Киеве восстание (РО ИРЛИ. Ф. 258. Ед. хр. 18, л. 1), ставшее частью массовых крестьянских волнений 1855–1856 гг., в связи с чем Н.А. Добролюбов посвятил ему стихотворение:

Привет тебе за подвиг благородный,

Привет тебе, несчастный Розенталь!

Поборник истины, друг вольности народной, –

¹ В биографической справке, составленной, вероятно, женой А.О. Розенталя – М.К. Розенталь, отмечается, что «предки их, бароны Розенталь, два брата, пришли со свитой Августа Пго Саксонского, избранного Польским краем <sic!>. Женились на польках и поселились в Польше» (РО ИРЛИ. Ф. 258. Ед. хр. 1, л. 1). То есть род Розенталей начал укореняться в Речи Посполитой на рубеже XVII–XVIII вв.

² “*Swiat i dusza*”, “*Cierniowy wianek*” и эскизы “*Okruszyny z teki*” были опубликованы в 1852 г. в Варшаве под псевдонимом Генрих Чешковский (Henryk Cieszkowsky). Отрывки повести “*Raństwo Młodzi*” вышли в Киеве в 1855 г. под псевдонимом Józef August Skalka.

За братий ты восстал, ты понял их печаль,
Узнал страданья их и, мыслию свободной
Прозрев грядущих лет в таинственную даль,
Сказал рабам томящимся: «Пора!
Идем во имя чести и добра! <...>»

(Добролюбов 1962, с. 76)³

В биографии А.О. Розенталя отмечалось, что освободительное движение задумывалось в широких размерах:

«Он (Розенталь – Н.С.) желал, чтобы вместе поднялись и поляки, помещики, освободивши своих крестьян, соединились бы с ними, но когда поляки, надеясь от французов <sic!>, отказались от участия в движении и ждать нельзя было больше, тогда он, убедивши своего отца отречься от своих прав и уехать в город, – освободил своих крестьян. Помещики, испугавшись движения, бежали в города, и крестьяне освобождались сами. Таким образом, движение охватило три губернии – Киевскую, Полтавскую и Подольскую. В 12 пунктах он изложил требования крестьян к правительству, в ответ на это было послано войско. Первый отряд был уничтожен (от него осталось только три человека), но когда было послано регулярное войско – движение было подавлено» (РО ИРЛИ. Ф. 258. Ед. хр. 1, л. 1 об.)⁴.

Розенталь бежал в Австрию, однако через две недели был выдан правительству Российской империи и заключен в Киевскую крепость, в которой провел 2 года (с 1855 по 1857). Приговорен к смертной казни, но благодаря амнистии по случаю вступления на престол Александра II был помилован и сослан в Сибирь.

Находясь в ссылке, Розенталь вступил в конфликт с «Великим бунтарем» – М.А. Бакуниным.

³ Стихотворение появилось в 1855 г. в контексте размышлений поэта о крестьянской революции и продолжило социальную линию в его творчестве («Дума при гробе Оленина», «На 50-летний юбилей его превосходительства Николая Ивановича Греча»). В комментариях адресат стихотворения указан ошибочно (Розенталь Иосиф-Антон).

⁴ События нашли отражение в (Лемке 1923, с. 131–144). А.О. Розенталь у М. Лемке также фигурирует под именем Иосиф-Антон Иосифович.

Последний упоминает в своем письме А.И. Герцену имя Розенталя в ряду революционеров, которых он обвинял в том, что они пользовались покровительством Третьего Отделения:

«Кстати поговорим о политических преступлениях – врагах Муравьева: о Завалишине, Раевском, Петрашевском и Львове; других я не знаю, разве присоединить к ним полуполитического жидка Розенталя, и то только потому, что он также, как Петрашевский и Завалишин, пишет читанные нами здесь доносы в 3-е Отделение, а может быть, бог вас знает, корреспондирует и с “Колоколом”» (Бакунин 1935, с. 329)⁵.

Розенталь встречался с Бакуниным весной 1857 г. «перед своей отправкой на поселение в Красноярск» (Должиков 2018, с. 72, 187). Как отмечает В.А. Должиков, Розенталь «раскаялся в “революционных грехах молодости”», и когда Бакунин заговорил с ним о возможном восстании в Сибири, он «доказал ему, что это помешательство» (Должиков 2018, с. 72), после чего оппоненты разошлись. В Красноярске Розенталь был восстановлен в правах и получил разрешение поступить на государственную службу в пределах Сибири. Позже, в 1859 г., Розенталь специально приезжал в Иркутск, чтобы воспрепятствовать реализации бакунинской революционной деятельности. На самого Бакунина польский ссыльный все же оказал определенное влияние: «драматический опыт бывшего студента, взбунтовавшего в 1855 г. чуть ли не целых два уезда Киевской губернии и вызвавшего своей акцией большой общественный

⁵ В.А. Должиков, опираясь на архивные источники, называет Розенталя добровольным осведомителем, писавшим в 1860–1863 гг. «конфиденциальные» записки на имя киевского генерал-губернатора И.И. Васильчикова и начальника III Отделения П.А. Шувалова. Деятельность бывшего революционера поддерживали Д.И. Завалишин, М.В. Петрашевский и др. (Должиков 2018, с. 95, 128, 221, 369). В то время как в биографии, хранящейся в личном архиве Розенталя, неловкий момент доносительства обходится молчанием, и дается комментарий следующего рода: «Во время своего заключения он (Розенталь, – Н.С.) в пространной докладной записке на имя Государя изложил свои взгляды на будущее России, которая за его печатью и печатью Комиссии была послана в III Отделение С. К. Е. В.» (РО ИРЛИ. Ф. 258. Ед. хр. 1, л. 2.). М. Лемке приводит во фрагментах эту записку, которая носит автобиографический характер – «Извлечение из конфиденциального показания Розенталя или философского его взгляда на ход нынешнего внутреннего порядка вещей и вместе с тем введение к новой политической системе» (Лемке 1923, с. 140–144). Отметим, что и в комментариях Ю.М. Стеклова к письмам Бакунина, и в монографии В.А. Должикова А.О. Розенталь назван Иосифом-Антоном Иосифовичем.

резонанс, М.А. Бакунин, вероятнее всего, учел и осмысленно включил в собственный идеологический инструментарий» (Должиков 2018, с. 188).

В период сибирской ссылки, работая врачом, Розенталь в свободное время занимался адвокатской и просветительской деятельностью⁶. Он был, как мы сегодня сказали бы, популяризатором науки. Так, в начале 1870-х гг. он трудился над лекциями, посвященными историческому значению юриспруденции, лекцией «Публичный курс истории судопроизводства у различных народов с древнейших времен до настоящего времени» (РО ИРЛИ. Ф. 258. Ед. хр. 16, 17). В 1873 г. составил цикл лекций «Философский космос, или Космополитика» (РО ИРЛИ. Ф. 258. Ед. хр. 18). После смерти Розенталя его жена дважды, в 1904 и 1905 гг., обращалась из Болгарии к Л.Н. Толстому с просьбой прочитать философское сочинение ее мужа. Писатель «сказал, что он прочел его и его и что думает, что книга не будет иметь успеха, поэтому не советует печатать» (У Толстого 1979, с. 135)⁷.

В 1880 г. Розенталь с семьей уезжает из Иркутска за границу – в Женеву, а затем в Константинополь. К заграничному периоду жизни относится работа над публикуемыми здесь афоризмами, которые были завершены не ранее 1884 г.⁸ В Константинополе Розенталь заново проходит курс медицины, чтобы подтвердить свой диплом. В Сербии он вторично подтверждает свой диплом и работает городским врачом в городе Вране.

Розенталь умер в 1891 г., заразившись тифом. После его смерти женой – М.К. Розенталь – была издана его научно-популярная брошюра, посвященная физиологии и гигиене, «Жизнь и смерть» (1909), которая отчасти выдержана в афористическом стиле.

***

Август Розенталь охарактеризовал собрание своих текстов как афоризмы. Выбор жанра одновременно специфичен и отражает эклектичный набор интересов автора. Необычность заключается в маргинальности и периферийности афористики в русской словесности. Как отмечают Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольская, «до 90-х годов XIX в. издавались только единичные афористические книги» (Федоренко, Сокольская 1990, с. 111). Розенталь в определенной степени предвосхитил всплеск моды на сборники изречений.

⁶ Был избран членом окружного суда (Биографическая заметка 1909, с. 6).

⁷ См. комментарий, в котором сочинение Розенталя обозначено под заглавием «Политический космос» (У Толстого 1979, с. 492).

⁸ В воззвании к потомкам полемически упоминается трактат Л.Н. Толстого «В чем моя вера» (1884).

Маргинальность жанра подчеркивается его соотнесенностью с литературой, философией, историей, научным знанием и даже политикой. «Афористика находится на месте “стыковки” науки и искусства, являясь как бы своеобразным звеном между ними. <...> свойство синтеза мыслей, установление связи между явлениями, точность и лаконизм роднят их (афоризмы – *Н.С.*) с наукой» (Федоренко, Сокольская 1990, с. 6). А. Хуэй определяет афоризм через диалектическую игру между фрагментом и системой (Нуй 2019, р. 12), отмечая, что емкое высказывание противостоит архитектурным системам философии (Нуй 2019, р. 14). Хуэй рассматривает афоризмы в герменевтическом ключе, как короткое высказывание, которое требует интерпретации и обладает огромным семантическим потенциалом при минимуме языковых средств (Нуй 2019, р. 5).

Исследователи до сих пор не могут прийти к единому мнению о феномене афоризма (Федоренко, Сокольская 1990, Крейдлин 1989, Кулишкина 2003, 2009, Нуй 2019), поскольку он разнообразен по тематике, имеет длительную историю и обширную географию (отсчет ведется от изречений античных авторов и Конфуция). В качестве общих признаков жанра выделяются «самостоятельность, краткость, сжатость, художественную пуантированность высказывания, формулирующего глубокую либо оригинальную мысль» (Кулишкина 2003, с. 4), сильно выраженное авторское начало. Далее следуют факультативные свойства, такие как неожиданность и парадоксальность содержания, присутствие комических элементов, двучленность структуры (идея и вывод), ряд стандартных трансформационных приемов (Крейдлин 1989) и др.

Для понимания поэтики микротекстов Розенталя остановимся на том, что афоризм представляет собой специфическую форму передачи знания и мировосприятия, отмеченную выраженной авторской интонацией. Высказывания Розенталя являются преимущественно наставлениями этического и житейского характера. Здесь афорист следует художественной традиции, идущей от «Карманного оракула» Б. Грасиана, далее к «Мыслям» Б. Паскаля и др. При этом присутствующий повсеместно дидактизм сочетается с иронией и юмористическим взглядом на устройство мира. Комический эффект, в частности, создают анималистические метафоры.

Одновременно Розенталь позиционирует свою приверженность научной парадигме. Его собрание изречений стилистически, эстетически и отчасти тематически близко «Историческим афоризмам» (1836) М.П. Погодина, более глубоким, однако, по заключенному в них содержанию. Влияние на поэтику публикуемых нами афоризмов оказало также то, что их автор – дипломированный врач, отсюда постоянно обыгрываемая топка недугов и здоровья: объектом рефлексии у Розенталя слу-

жит общество с его внутренними болезнями, натура и поведение человека – существа социального. Неоднократно упоминающийся Данте Алигьери и отсылки к «Божественной комедии» добавляют оттенок универсальности повествованию.

В завершение отметим любопытную особенность структуры изречений Розенталя. Хотя собранные высказывания не разделены на тематические рубрики, внутри имеются перекрестные ссылки между разными афоризмами, которые наряду со сквозными мотивами создают впечатление законченности произведения. В то же время в предваряющих афоризмы предисловиях – от автора и воображаемого издателя – читателю предлагается дополнять книгу до бесконечности «новыми истинами», создавать комментарии к отдельным изречениям и популяризировать высказанные в них мысли.

Эндрю Хуэй отмечает, что баланс между лаконичностью, завершенностью формы и бесконечностью интерпретаций является характерной чертой жанра афоризма. Сборник Розенталя прекрасно иллюстрирует, как фрагменты, отражаясь друг в друге, стремятся к перманентному смыслопорождению. Подобная «интерактивность», открытость к диалогу с читателем, выражающаяся также в предоставлении ему права выбора, считать ли некоторые афоризмы спорными или абсолютными, делает произведение Розенталя и очень современным, и универсальным.

***

Рукопись Афоризмов доктора Розенталя хранится в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в личном фонде А.О. Розенталя (РО ИРЛИ. Ф. 258. Ед. хр. 13). Текст публикуется с учетом правил современной орфографии и пунктуации, однако с сохранением авторских знаков препинания, как правило, используемых для интонационного подчеркивания важного компонента высказывания. Нумерация и заголовочные комплексы приведены в единообразии (раскрыто сокращение «Аф.»). Иностранные имена собственные за редким исключением пишутся в соответствии с общепринятой нормой транслитерации и перевода. Выделения курсивом принадлежат А.О. Розенталю.

Афоризмы д-ра Августа Розенталя

Для назидания и руководства на жизненном пути – посвящается будущим поколениям

Воззвание к потомкам всех племен и рас, желающим причислить себя к человеческому роду

Книга эта писалась долго и писалась большим пером, вырванным из крыла *Жар-птицы*, которое имеет странное, волшебное свойство – кто пишет

этим пером, того душа горит огнем любви, доходящей до муки; того душа томится тоской, доходящей до блаженства; того душа полна и слез и боли! Перо это лжи писать не может! Перо это, рыдая, выносит мира кумиры из старого храма и их разбивает, как бы они ни были идеально прекрасны! Да! Слушайте и знайте! Знайте, что все собранные здесь абсолютные, неизменные и неоспоримые истины добыты долгой наукой, долгим и тяжелым опытом, долгим наблюдением, размышлением, сравнением. Кто много видел и думал, кто много страдал и учился, тот только поймет их *евангельскую правду*, их глубокий смысл и их великое практическое значение для нашего века. Кто будет на жизненном своем пути точно руководиться этими истинами, тот избегнет многих ошибок и страданий в этой юдоли плача, глупостей и пошлостей. Мало того! Тот раньше или позже непременно делается канцлером какой-нибудь Империи. Я лишился счастья достигнуть до такой высоты и заживо прошел через ад, как Данте, единственно потому, что мне была дана для руководства на жизненном пути какая-то идеальная книга давно прошедших времен, когда род человеческий находился еще в младенчестве и еще верил принципу: «*Не противься злу*» – чему и до сих пор еще верит известный автор: «В чем моя вера»⁹.

Я списывал эти истины без симметрии, смотря по тому, как наука или жизнь мне их подсказывала. Пусть каждый потрудится сгруппировать их систематически, отделивши научные истины от житейских, и пусть первые бережет для себя, а другие для людей. Еще лучше будет, когда каждый, *вследствие собственного опыта*, добавит еще новые истины, незамеченные или пропущенные мною. Переходя таким образом из поколения в поколение, эти добавочные афоризмы будут составлять как бы продолжение и образуют какую-то *бесконечную книгу*. Но для этого необходимо одно условие: чтобы эти *добавочные афоризмы* не были глупы <e> и изношенные, иначе они не будут продолжением.

Эти афоризмы уже тем самым принесут несомненную пользу *мыслящему читателю*, что заставят его размыслить и проверить свои собственные жизненные впечатления и наблюдения.

Автор

***

В книге этой стройно сочетались наука и опыт, поэзия и ирония, улыбка и слезы! В ней отразились конечные выводы философских и социальных наук, и каждый отдельный афоризм может служить *темой для сочинений различного харак-*

⁹ Речь идет о трактате Л.Н. Толстого «В чем моя вера» (1884), в котором автором предлагалось своя интерпретация евангельского учения о непротивлении злу.

тера. Это поистине «*Книга для размышлений*», потому что ее невозможно прочитать сразу. Каждый отдельный афоризм нужно хорошо передумать, проверить со своим собственным мирозерцанием – *и только тогда усвоить его себе*. Иначе это будет чтение гоголевского Петрушки¹⁰, потому что никакой мозг не может сразу переварить такую массу житейских истин и разнообразных мыслей. Это тем более, что мысли эти, будучи местами прикрыты иронией или аллегорией и облечены оригинальной формой, для читателя *без высокого умственного развития* могут показаться неверными или даже совсем непонятными. Для того чтобы эта книга достигла вполне своей цели, то есть, чтобы она могла быть настоящей *житейской евангелией* <sic!>, понятной для всех, необходимо ее популяризировать, необходимо составить комментарии под каждым отдельным афоризмом и сжатую мысль развить и выразить в форме доступной для каждого.

Нужно полагать, что кто-нибудь возьмет на себя этот труд ради его громадной пользы для всех. Будем ждать и надеяться, что найдутся хорошие толкователи этих глубоких мыслей и возвышенных чувств.

Издатель

Абсолютные афоризмы для нашего века*

Афоризм 1ый

Из ничего не может возникнуть *ничего*, то есть нуль всегда равен нулю (0=0). Деньги, как металл или бумага, сами по себе – суть *ничто*, то есть минус (-). При настоящем общественном строе человек без денег есть тоже *ничто*, то есть тоже минус (-); но когда эти два *ничтожества* соединяются вместе, то уже образуют *что-то*, в силу той математической аксиомы, что минус на минус всегда дает *плюс* (что-то). В этом законе и заключается весь секрет внезапных превращений ничтожества в могущество – и обратно. Оба эти математические законы так же абсолютно верны, как и тот физиологический закон, что без пищи никакой ор-

¹⁰ Лакей Чичикова в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души»: «Характера он был больше молчаливого, чем разговорчивого; имел даже благородное побуждение к просвещению, то есть чтению книг, содержанием которых не затруднялся: ему было совершенно все равно, похождение ли влюбленного героя, просто букварь или молитвенник, – он всё читал с равным вниманием; если бы ему подвернули химию, он и от нее бы не отказался. Ему нравилось не то, о чем читал он, но больше самое чтение, или, лучше сказать, процесс самого чтения, что вот-де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз черт знает что и значит» (Гоголь 2001, с. 20).

* Я потому говорю: для нашего века, что грядущие века, вероятно, изменят многие житейские афоризмы нашего века.

ганизм существовать не может. Раньше или позже все умрет, все пройдет, все изменится существующее на земле; одна только математика и физиология останутся – неизменными и вечными.

Афоризм 2ой

Если осел лягнет тебя копытом, то не лягай его взаимно, потому что это будет глупо и смешно; но непременно ударь его палкой по спине. Без этой предосторожности, будут тебя постоянно лягать и все другие ослы. Но, *не будучи* снисходительным к ослам, будь к ним всегда великодушным и милосердным ввиду того, что ослы никогда не ведают, что творят, и что это самые несчастные создания, хотя бы они были осыпаны золотом и звездами: все возвышенное, прекрасное и благородное, все, что дает самые высокие душевные восторги – совсем недоступно и непонятно для ослов. Это духовные Лазари и слепцы, а потому всегда уступи им с дороги. Но, если несмотря на то, что ты посторонился, осел все-таки норовит лягнуть тебя, тогда уж немедленно и непременно тресни его палкой по спине.

Афоризм 3ий

Между мелким торгашом и проституткой разница заключается только в их поле, но оба эти ремесла совершенно одинаковы, потому что одинаково основаны на умственной тупости, на бесстыдстве, на наглости и обмане. И один и другая всю свою жалкую жизнь просиживают как паук над своими тенетами (сетями), с нетерпением поджидая своих жертв. Чем неразвитее, а следовательно, и безнравственнее известный народ, тем больше в нем процветает тайный разврат и мелочное торгашество. Кто псевдонаучными софизмами старается опровергнуть этот афоризм, тот составляет искусственное звено между торгашеством и проституцией.

Афоризм 4ый

Всегда считай за обман и ложь все то, что противоречит неизменным законам физики и химии. Иначе все умные и честные люди будут считать тебя или лицемером, или просто болваном, не умеющим даже отличить воды от вина, а вина от слез.

Афоризм 5ый

Умные люди всегда предпочитают целовать нежную и чистую руку честной и хорошей женщины, нежели жесткую, костлявую и грязную руку какого-нибудь ханжи и лицемера. Глупцы же поступают совершенно обратно и целуют не только их руки, но даже и ноги, с особенным наслаждением и умилением. Вот до какой степени может отуманиться мозг человеческий!

Афоризм 6ой

Кто участвует в европейских заговорах, бунтах и революциях, пока еще не изгнали старые, вековые корни, тот стремится только к перемене декораций, вследствие чего и представляет из себя по-

литического клоуна, кувыркающегося для потехи потомства, на балаганных подмостках всемирной истории. Это потому, что все существующие ныне правления, в сущности, совершенно одинаковы и различаются *только* по наружной форме. Абсолютная монархия похожа на льва, а конституционная на термитов, добывающих себе пищу посредством щекотания других насекомых. Республика же совершенно похожа на публичный игорный дом. Все эти, по-видимому, различные правления сходятся между собой в самом существенном и жизненном вопросе, а именно в том, что для подъема государственных тяжестей все они употребляют один и тот же рычаг – *штык!* Притом же существование всякого правительства, хотя бы самого жестокого и безобразного, так же основательно, законно, разумно и справедливо, как и существование всякого дерева. Если оно существует, если стоит крепко и не падает, когда его шатают, значит оно имеет глубокие корни в той почве, на которой растет. Вот почему всякий народ непременно имеет такое правление и такое правительство, какое ему нужно, до какого дорос и дозрел – а следовательно, *и какого он достоин!*

Болезненно-экзальтированные или же еще незрелые умы никак не могут понять этой простой и великой исторической истины и затевают *преждевременно* совершенно бесполезные и *бесплодные* революции! История человечества – это равнодействующая линия *всех наличных сил*, желаний и стремлений известного народа. Без добровольного рабства – рабство невозможно!

Афоризм 7ой

Как неизменно идет земля с запада на восток, так неизменно идет цивилизация в обратном течении – с востока на запад. Вследствие этого необъяснимого пока явления – раньше или позже цивилизация пройдет через великий океан и снова сосредоточится в Азии, как было и прежде. Неизбежно Китай превратится в Европу, а Европа в Китай, несмотря на строгие приговоры Бокля¹¹.

Афоризм 8ой

Глупец все видит, чувствует и понимает превратно, точно так же, как и лакей, подсматривающий и подслушивающий в замочную скважину. Вследствие этого с глупцом и лакеем не спорь никогда, если не желаешь уронить своего человеческого достоинства. С ними нельзя спорить, и на все их неосновательные осуждения и глупые критики укажи им только на 14 и 86 афоризмы.

Афоризм 9ый

Между дикарями меньше смертности не потому, чтобы они имели лучшую медицину, а пото-

¹¹ Бокль Г.Т. (1821–1862) – британский историк, автор «Истории цивилизации в Англии» (2 т., 1857–1861), перевод которой печатался в журнале «Отечественные записки» с 1861 г. (Большая российская энциклопедия, эл. ресурс; далее БРЭ).

му, что они ее вовсе не имеют, а следовательно, не имеют и скверных, невежественных врачей. Врач *без всестороннего образования*, не понимающий всех страстей, всех темных сторон и всех изгибов души человеческой – *не есть врач!* Это только жалкий ремесленник, бессмысленный *рецептописатель* и самый опасный враг человечества, потому что докторский диплом дает ему право на безнаказанные и многочисленные бесконтрольные убийства! Где нужно хлеба, где нужно сочувствия и утешения, где нужно наставления и отрезвления от иллюзий – там он пишет рецепты! А ведь на одного истинно образованного врача приходится по меньшей мере сто рецептописателей, не включая в это число еще громадный процент бессознательных эксплуататоров, аферистов и карьеристов различных цветов. Какая ужасающая и грустная картина! Если бы не это прискорбное и глубокое невежество большинства врачей, то громадная пропорция психически больных субъектов, вместо тюрьмы и рудников, должна бы быть отправлена в психиатрические больницы для излечения. Действительных, сознательных преступников, вообще, весьма немного, но зато слишком много душевнобольных. Самое распространенное между интеллигентной молодежью, самое опасное и обыденное помешательство нашего века, как составляющего переход от поэзии к разуму – это болезненная экзальтация и шаткость психического равновесия. Результатом этого всегда является совсем неверное понимание и превратная оценка жизненных явлений совместно с импульсивностью действий при отсутствии самообладания. К общему несчастью, *необразованные врачи* точно так же не понимают этой болезни, как и судьи.

Афоризм 10ⁱⁱⁱ

Заблуждение глупцов заключается в том собственно, что они всегда считают себя умнее всех. *Вредность* наглецов заключается в том, что они ничем не стесняются, а *полезность* негодяев – в том, что они учат людей держаться всегда настороже и быть осмотрительными, чтобы не налететь с размаху на утес.

Афоризм 11ⁱⁱⁱ

Клевета похожа на пчелиное жало. Хотя его яд и неопасный, но всегда производит воспаление, опухоль и боль. Ввиду этого неоспоримого действия клеветы, перешедшего даже в поговорку («*Calomniez, calomniez, il en restera toujours quelque chose*»¹²), и ввиду того, что это любимое оружие всех глупцов и негодяев, – никогда не оставляй клеветы *без наказания!* Помни, что это уже не простой осел, который только лягает, но осел бешеный, желающий укусить. Такому ослу *давай сейчас же энергичный отпор*, всеми зави-

¹² «Клеветайте, клеветайте, что-нибудь да останется». Цитата из комедии П. Бомарше «Севильский цирюльник, или Тщетная предосторожность» (1775).

сящими от тебя средствами и силами, потому что иначе и сам можешь сделаться ослом.

Афоризм 12ⁱⁱⁱ

Никогда не доводи великодушие до глупости и никогда не отвечай добром за сделанное тебе зло и горе. Давно уже люди бросили эту изношенную фиксацию <sic!>, как совершенно противную природе, достоинству человека и простому здравому смыслу.

Только животным, только собаке свойственно и прилично лизать ту руку, которая бьет ее и причиняет боль. Прощая зло тебе сделанное, ты поощряешь и осмеливаешь негодяев делать его и другим людям, забывая поучение Христа, что «какой мерой тебе меряют, такой и ты всегда отмери»¹³.

Афоризм 13ⁱⁱⁱ

Очертание и общую форму реки можно увидеть, только с высоты! Сидя на берегу, возле самой речки, можно видеть только ее направление и величину волн. Вот почему только возвышенный ум может ясно видеть и понимать не только течение всемирной истории, но и ее общую форму, так же неизменную, как и форма всех планет.

Афоризм 14ⁱⁱⁱ

Как бы велик ни был запас апельсин, а все-таки не следует никогда кормить ими свиней, потому что они, с таким же точно аппетитом и наслаждением пожирают тыквы и всякую мерзость. Точно так же и глупцы не понимают никакого различия между самой прекрасной и самой пошлой книгой, между самым возвышенным и самым гнусным человеком. Книгу они оценивают только по ее переплету, а человека – *только по его общественному положению* (см. аф<оризм> 86).

Афоризм 15ⁱⁱⁱ

Только при умственном расстройстве можно верить тому, будто все существа, имеющие *наружно только* человеческий образ, непременно принадлежат к человеческому роду. К этому благородному, возвышенному роду имеют право принадлежать только те существа, которые правильно понимают высокую и конечную цель своего существования. Потому-то умная и смышленная собака, понимающая свое назначение и хорошо исполняющая свой долг и свое призвание, стоит неизмеримо выше всякого бессмысленного существа, хотя бы оно и имело по наружному виду человеческий образ. Впрочем, всмотритесь пристально и внимательно в выражение каждого лица и из тысячи найдется едва одно *истинно человеческое*, остальные все похожи на каких-нибудь животных. Такого существа, равно как и *всякого другого животного*, ты не имеешь права *считать своим ближним*, если не желаешь оскорбить Творца всех

¹³ Неточная цитата из Евангелия от Матфея («Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какую мерою мерите, такую и вам будут мерить», Мф. 7: 1–2).

творений, различающего людей не по их наружному виду, а по их духовной натуре. Кто осмелится доказывать тебе противное, то сразу считай его глупцом, лжецом или лицемером.

Афоризм 16ⁱⁱⁱ

Всех своих *ближних*, то есть истинных людей – люби всей душой, но все-таки люби больше тех, которые тебе ближе *по духу*. Это в силу того абсолютного закона, что сила света, всегда и неизменно, обратно пропорциональна квадрату расстояния.

Афоризм 17ⁱⁱⁱ

Совершенно несправедливо и неосновательно распределять человеческие расы по их наружному цвету кожи. Если это распределение неприменимо вовсе к собакам, лошадям, голубям и другим животным (которых распределяют не по цвету, а по их свойствам и достоинствам), то тем более это распределение неприлично и не рационально для человеческих рас! Самое правильное распределение людей по расам – это по степени их *умственного развития*. Глупцы всех цветов и всех стран должны составить одну тождественную расу, а развитые люди – другую. Это будет самое простое, естественное, рациональное и справедливое распределение человеческого рода.

Афоризм 18ⁱⁱⁱ

Глупому человеку, то есть человеку другой расы, никогда не делай никакой услуги, а главное – не занимай ему денег, потому что в нем непременно наживешь себе врага. Для подобных существ чувство благодарности совсем непонятно и всегда замечается чувство зависти и злобы.

Афоризм 19ⁱⁱⁱ

Никогда не говори очень резко, не смейся очень громко, не сердись очень долго и не пиши очень длинных писем, потому что все это и неприлично и смешно.

Афоризм 20ⁱⁱⁱ

Никогда не ходи на совет нечестивых, если не желаешь слушать фарисейских мудрствований и самому фарисейничать.

Афоризм 21ⁱⁱⁱ

Если женщина часто опускает ресницы, часто краснеет и нежно говорит – подступай к ней смело, потому что это *ручная голубка*. Но, если она обращается с тобой совсем свободно, если много болтает и смеется и кокетливо прищуривает глаза – будь тогда очень осторожен, потому что это *дикая орлица*. Случается иногда, хотя очень редко, что эти два *крайние* женские типа перепутываются противоположными своими внешними признаками. Кто сразу не разгадает этой путаницы признаков, тот попадет непременно в большие ослы.

Афоризм 22ⁱⁱⁱ

Как в физическом, так и в духовном мире, раньше или позже, но непременно все должно опять возвратиться к своему началу. Под старость

человек опять возвращается к первобытному младенчеству, как в физическом, так и в умственном отношении. В силу неизменного и неперменного соответствия между отдельным и общественным организмами – раньше или позже, каждый народ опять возвратится к своей первобытной, младенческой простоте жизни, хотя для этой метаморфозы и понадобятся, быть может, целые тысячелетия. А все-таки она совершится!

Афоризм 23ⁱⁱⁱ

Так как в целом мире нет следствия без причины, то очевидно, что и самый мир есть только следствие, неизбежно имеющее свою причину, то есть своего Творца, начертавшего предвечные и неизменные законы для этого мира – законы равновесия, аттракции и вечного движения. Посредством этих трех законов, эта *причина причин*, эта неведомая сила и создала *переход мертвого атома в живую клеточку*, переход бесчувствия к самосознанию – словом, переход минерального царства в растительное и животное. Наука до сих пор еще ничего не объяснила и не доказала, провозгласивши миру, что атом перешел и превратился в клеточку посредством движения. Но что дало первый толчок этому движению, откуда явилась эта *живая сила*? Наука упорно молчит и оставляет этот вопрос открытым уже целые тысячелетия! Кто разгадает и объяснит эту силу, тот откроет причину причин и разгадает тайну создания вселенной; тот постигнет тайну превращать неодушевленные предметы в одушевленные – рубин в розу, розу в колибру <sic!> – словом, тот сделается Богом! Будем ждать! Если это открытие делается при моей жизни, я сейчас же превращу всех людей в различные рыбы и брошу их в море! Только одного мужчину и одну женщину оставлю на показ *новым людям*, которых я сотворю из всех душистых, прекрасных цветов!

Афоризм 24ⁱⁱⁱ

Придет время, когда на всем земном шаре будет только одна семья человеческая и только одна вера – *вера знания и справедливости*! Раньше или позже, но это время непременно придет, на основании неизменного закона вечного движения и вечного прогресса. Тогда только между людьми водворится истинное, справедливое равенство, а следовательно, и *равенство права* на прибор за столом на великом пиру жизни. Пока люди подобно растениям и животным живут по закону неустойчивой борьбы за существование, до тех пор идея всеобщего равенства и свободы – и есть и будет всегда только мечтой экзальтированных умов! Идея *всеобщего знания и справедливости* похожа на прекрасного, вполне здорового человека, а *идея всеобщего равенства и свободы* совсем похожа на больного уродца, и потому она всегда умирает очень скоро, как *исторический недоносок*. Идея всеобщего равенства и свободы рельефнее все-

го выразилась при Цезаре и Робеспьере, потому что первый деспот воздвиг храм, *во имя свободы*, а другой – гильотину, *во имя равенства*. Эти две устарелые идеи, противные здравому смыслу, всегда были отличным орудием для порабощения народов, и во имя их совершались невероятные преступления! На смену им придет идея правды и справедливости! Да, она придет!

Афоризм 25^{мн}

Знание – это справедливость и правда. Правда – это сила. Сила – это любовь. Любовь – это лучшая часть неба на земле! В ком, следовательно, нет знания, тот и не может подняться до неба и должен только ползать по земле, как червяк.

Афоризм 26^{он}

Кто во всю свою жизнь никого и никогда не любил до самоотвержения, кто ни разу не плакал, не страдал, кто не знал тоски и горя никогда – тот никогда и не был человеком! Конечно, такой приличный, солидный, безупречный субъект имел, быть может, право считать себя человеком, а только истинно человеческая жизнь – жизнь увлечений, ошибок и разочарований, была для него всегда запечатанным конвертом. Что содержится под этой печатью, для такого субъекта осталось тайной на веки! Вот почему, он не человек.

Афоризм 27^{он}

Все существующее в мире непременно прошло, или теперь проходит, или в будущем пройдет через три формы: *газообразную, жидкую и твердую*. Сам мир прошел тоже через них. Мысль, слово и дело вполне соответствуют этим трем мировым формам. В настоящее время человечество проходит через вторую форму и поэтому-то слов хороших очень много, но они еще не успели перейти в третью форму – *в дело*! Конечно, никто не станет спорить о том, что это действительно абсолютный афоризм, но с ним находится в тесном соотношении еще другой, аналогичный афоризм, который в моем детстве мне рассказывала няня в форме сказки. Будучи ребенком, я всем сердцем верил этой сказке. Впоследствии, когда меня выучили географии, физике и химии, я воображал себя уже очень умным и стал считать эту сказку за ложь. Позднее еще, когда я изучил уже и медицину, и Антропологию, и Историю цивилизации, и действительно немного поумнел – то опять стал верить сказке. Наконец, теперь уже, когда я изучил живых людей, и философию всемирной Истории, и социальную экономию, и философию практической жизни, и новейшую Мифологию и наконец понял, что все наши знания еще очень ничтожны – то вдруг я заколебался между верой и неверием в правдивость няниной сказки. Вот почему я и считаю этот дополнительный афоризм – *спорным* – и потому отдаю его на субъективный суд каждого. В сказке этой повествуется, будто бы до грехопадения наших прародителей все воды земного шара

были одинакового и состава, и свойства, и вкуса – все были сладки. Когда же род человеческий сильно размножился и началась взаимная, непрестанная вражда и война между людьми, то с той поры незримые добрые духи плачут над вселенским горем – и слезы эти стекают на поверхности рек. Отсюда они волнами уносятся в море, где и остаются уже постоянно, отравляя воду своей солью. С той именно поры вода на земле разделилась на *сладкую и соленую*, а жизнь человеческая на *сладкую и горькую*. И это будет так продолжаться до тех пор, пока хорошие слова *не превратятся* в хорошие дела. Тогда только, из морей испарятся слезы, накопившиеся веками, со времени постройки башни вавилонской, и добрые духи унесут их в облаках на другую, новую планету! И тогда все воды опять станут сладкими и опять человечество возвратится к своему началу, опять возвратится в свой первобытный рай! Так как эта сказка имеет прямое соотношение к трем переходным формам, о которых было сказано выше, поэтому я отношу это повествование *к спорным афоризмам*, а не к абсолютным. Каждый человек, согласно своему *пониманию и мирозерцанию* – может его отнести к той или другой категории. Я спорить не буду!

Афоризм 28^{он}

Все опрятно и хорошо изданные книги, но глупые и плоские по своему содержанию, а в особенности, если это бессодержательные стихотворения – совершенно похожи на глупую красавицу. Каждый подходит к ней с каким-то особенно приятным чувством, надеясь насладиться беседой; но вскоре, с улыбкой сожаления и с невольной досадой, собеседник отходит, разочарованный от красивой дуры. Подчас даже сплюнет от досады за потраченное время!

Афоризм 29^{мн}

Раньше или позже, а все-таки башня Эйфеля <sic!> непременно упадет, как и вавилонская, и на месте ее величественно воздвигнется *нерукотворная* грандиозная статуя знания и справедливости во всем величии своей целомудренной наготы! Тогда сбудется *сказка о сладких водах*.

Афоризм 30^{мн}

Наша европейская цивилизация невольно напоминает собой бедного, странствующего актера в роли короля. В тот момент, когда окруженный баснословной роскошью и пышностью он принимает на троне блестящее посольство – в то же время глотает незримые для публики слезы! Никто, кроме него, не знает, что там за кулисами стоит его жена, бледная, худая, преждевременно изнуренная непосильным трудом, нуждой и бесконечным горем! Правда, мы имеем башню Эйфеля, на которой можно спастись от потопа вселенского горя; имеем всевозможные чудеса науки и искусства; имеем сказочно роскошные дворцы и сказочно величественные храмы. Да! все, все имеем, о

чем только бредила фантазия Шехерезады, но, к сожалению, имеем также за кулисами бедную, голодную жену, а дома – голодных *enfants terribles*, кричащих по временам дико: «Крови или хлеба!» Пусть их кричат!

Афоризм 31ый

Между палкой и крестом, которые сделаны из одного и того же дерева, одной и той же рукой, существует та разница, что одной бьют, а другим благословляют. Находятся такие забытые личности, которые не понимают даже такой существенной разницы. А если так, – то и следует бить!

Афоризм 32ый

Такого ловкого теленка, который ухитряется сосать две коровы, непременно следует зарезать и съесть, бросивши собакам на съеденье его скверный мозг и сердце.

Афоризм 33ый

Дипломатия¹⁴ – это греческое слово, и кто хорошо понимает его значение, тот никогда не пожелал бы величать себя этим именем, если только он порядочный человек.

Афоризм 34ый

Не тот мерзавец, кто мошенник, а тот, кто создает мошенников! Мошенник составляет всегда непосредственный продукт: или окружающей его с детства нравственной среды, или наследственных психопатологических явлений. Вот почему за всех мошенников и негодяев должны быть ответственны, в значительной степени – или родители, или воспитатели.

К сожалению, этой простой физиологической и психической истины еще до сих пор не могут понять современные юристы, хотя ее понимали уже древние славянские племена. В древне-сербском законодательстве царя Душана¹⁵ ответчиком за всякое мошенничество являлся не сам мошенник, а та *община*, в которой он родился и воспитался.

Афоризм 35ый

Вся наука юриспруденции, по самому характеру своему, не имеет в себе ни одной абсолютной истины. Что сегодня хорошо и справедливо, то уже завтра может быть преступно и наказуемо. Это вполне *наука дня*, совершенно изображающая собой белку в колесе. Все она как будто бежит вперед, а между тем, в действительности, не двигается ни на шаг, ни на волос вперед!

¹⁴ Термин «дипломатия» образован от греческого слова διπλωμα: в Древней Греции так назывались сдвоенные дощечки с нанесенными на них письменами, которые вручались посланцам в качестве верительных грамот и документов, подтверждающих их полномочия. Дипломат – буквально «снабженный дипломом», то есть правительственными полномочиями.

¹⁵ Речь идет о памятнике сербского права – «Законнике» царя Стефана Душана (1349, впоследствии дополнялся).

Афоризм 36ый

Каждого незнакомого человека, с которым жизнь тебя сталкивает, и кто бы он ни был – считай *a priori*, дурным человеком. От такого строгого взгляда на людей всегда извлечешь две пользы, а именно: если впоследствии человек окажется хорошим, то это будет приятный сюрприз; если же окажется действительно дурным, что случается 999 раз на 1000 – то в таком случае не будет разочарования. Этим простым способом устраняются многие, иногда весьма глупые ошибки и весьма дорого стоящие!

Афоризм 37ый

Только роющиеся в пыли архивариусы и библиофилы могут сетовать о погибших и сожженных древних библиотеках, потому что как теперь, так и в древности, можно смело сжечь, без всякой потери для человечества, по меньшей мере 999 книг из тысячи. Если принять в расчет количество всех глупых и пустых книг, существующих на свете, и количество людей, читающих их, то весьма трудно определить: больше ли глупых книг, или же глупцов на свете! Все наличные и действительно полезные знания для человечества очень удобно можно бы собрать в сто, двести томов, более или менее объемистых. Для изучения всех этих томов было бы достаточно трудиться не более *15 или 20 лет*, которые теперь тратятся на изучение одной какой-нибудь науки, разведенной мутной водой в поразительной пропорции. А между тем, истинно интеллигентный, истинно образованный человек, должен все понимать, все знать, все уметь – начиная от игры в шашки до небесной механики. Эту истину понимали уже и древние мудрецы, когда говорили: «Если я человек, то и все человеческое должно быть мне известно!» Без этого всестороннего знания никто не имеет право называть себя полным, цельным человеком. Он имеет право называть себя математиком, механиком, врачом, юристом, теологом – словом, всем, кем хочет, но только *не полным человеком!* Прежде чем отдаться всецело какой-либо избранной профессии – нужно непременно образоваться энциклопедически.

Афоризм 38ый

Так называемая *свободная воля человека* по своему основному свойству вполне уподобляется на *Алоэ*. Это растение может быть и весьма маленьким, комнатным цветком и могучим, большим деревом, смотря по почве и культивировке <sic!>. Точно так же и воля каждого отдельного человека зависит вполне от его природной организации и от воспитания. Эта *будто бы свободная воля* может даже совсем не существовать в человеке при известных условиях, (:Melancholia attonita¹⁶:) и что

¹⁶ Устаревшее. Резко выраженная, доходящая до состояния ступора двигательная заторможенность (URL: <https://rus-big-medical.slovaronline.com/554-melancholia%20attonita>, дата обращения: 15.09.2022).

уже наглядно доказано гипнотическими опытами. А так как существование рая и ада в загробной жизни основано единственно на существовании будто бы *какой-то свободной воли*, то высшая теология обязана непременно *выровнять* это явное противоречие с наукой и опытом.

Афоризм 39ый

Громадный процент людей всплывает гордо на поверхность житейского моря вовсе не потому, чтобы это были пловцы лучше других. Всплывают они просто в силу того физического закона, по которому и пена всегда всплывает наверх, то есть вследствие своего незначительного удельного веса.

Афоризм 40ый

Помни всегда, что от Аустерлиц <sic!> до Елены – только один шаг! Поэтому-то, всплывши на верх могущества, вспоминай всегда об Елене.

Источники фактического материала

Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru> (дата обращения: 15.09.2022).

Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 8 т. Т. 5. Мертвые души. Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 2001.

Добролюбов Н.А. К Розенталю // Добролюбов Н.А. Стихотворения. Москва; Ленинград: Советский писатель, 1962. С. 76–77.

Ринкер Ф., Майер Г. Библейская энциклопедия Брокгауза. Кременчуг: Христиатска зоря, 1999. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/biblejskaja-entsiklopedija-brokgauza> (дата обращения: 15.09.2022).

Розенталь А.О. Биография его, составленная <М. К. Розенталь?> // РО ИРЛИ. Ф. 258. Ед. хр. 1.

Розенталь А.О. «Афоризмы доктора Августа Розенталя» // РО ИРЛИ. Ф. 258. Ед. хр. 13.

Розенталь А.О. «Публичный курс истории судопроизводства у различных народов с древнейших времен до настоящего времени». Лекция // РО ИРЛИ. Ф. 258. Ед. хр. 16.

Розенталь А.О. Две публичные лекции – историческое значение юриспруденции // РО ИРЛИ. Ф. 258. Ед. хр. 17.

Розенталь А.О. «Философский космос, или Космополитика». Лекции // РО ИРЛИ. Ф. 258. Ед. хр. 18.

<Розенталь?> (Юзефа Августа Скальки), (Генрих Цешковский), (Август Осипович) «Мир и душа», повесть; «Отрывки из воспоминаний», заметки; «Терновый венец» (поэзия) // РО ИРЛИ. Ф. 258. Ед. хр. 19.

<Розенталь?> (Юзефа Августа Скальки). «Молодая семья». Отрывок из повести // РО ИРЛИ. Ф. 258. Ед. хр. 20.

Розенталь Юлий Ц. «Недопетые песни». Стихотворения // РО ИРЛИ. Ф. 258. Ед. хр. 23.

Библиографический список

Бакунин М. Письмо А.И. Герцену. 7–15 ноября 1860 // Бакунин М. Собр. соч. и писем (1828–1876). Т. 4: В тюрьмах и ссылке. 1849–1861 / под ред. и с примеч. Ю.М. Стеклова. Москва: Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1935 С. 303–347.

Биографическая заметка // Розенталь А.О. Жизнь и смерть. Санкт-Петербург: Просвет, 1909. С. 5–6.

Должиков В.А. М.А. Бакунин в национально-региональном политическом процессе эпохи «оттепели» (рубеж 1850–1860-х гг.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018.

Крейдлин Г.Е. Структура афоризма // Проблемы структурной лингвистики 1985–1987. Москва: Наука, 1989. С. 196–206.

Кулишкина О.Н. Русская афористика первой половины XIX века. Санкт-Петербург: С.-Петерб. ун-т, 2003.

Кулишкина О.Н. Русский афоризм XIX – начала XX вв.: история жанра (от Пушкина до Розанова). Санкт-Петербург: СПГУТД, 2009.

Лемке М. Крестьянские волнения 1855 года // Красная летопись. 1923. № 7. С. 131–177.

Страшимиров А. Вместо предговор // Юлий Ц. Розенталь. Недопети песни. София: Печатница «Габрово», 1904. С. 5–12 (РО ИРЛИ. Ф. 258. Ед. хр. 23).

У Толстого. 1904–1910. «Яснополяские записки» Д.П. Маковицкого. Кн. Первая. 1904–1905 // Литературное наследство. Т. 90. В 4-х кн. Кн. 1. Москва: Наука, 1979.

Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. Москва: Наука, 1990.

Hui A. A Theory of the Aphorism. From Confucius to Twitter. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2019.

References

Bakunin, M. (1935), *Letter to A.I. Herzen. November 7th – 15th 1860. Bakunin, M., Collected works and letters (1828–1876). Volume 4. In prisons and exile. 1849–1861*, Ed. J.M. Steklov, Publishing House of All-Union Society of Political Prisoners and Exiles, Moscow, Russia.

A biographical note (1909), Rosenthal A.O., Life and death, Prosvet, St-Petersburg, Russia.

Dolzhikov, V.A. (2018), *M.A. Bakunin in national and regional political process of the “Thaw” (at the edge of 1850s – 1860s)*, Publishing House of Altai state university, Barnaul, Russia.

Kreidlin, G.R. (1989), *Structure of the aphorism, Issues in structural linguistics 1985–1987*, Nauka, Moscow, Russia.

Kulishkina, O.N. (2003), *Russian aphorisms of the first half of XIX century*, St.-Petersburg State University, St-Petersburg, Russia.

Kulishkina, O.N. (2009), *Russian aphorisms of XIX – the beginning of XX centuries: the history of a genre*, SPGUTD Publishing House, St-Petersburg, Russia.

Lemke, M. (1923), Peysant's rebels of 1855, *Red chronicle*, no.7, pp. 131–177.

Strashimirov, A. (1904), *Instead of introduction, July C. Rosenthal*, Unfinished songs, Gabrovo Publishing House, Sofia, Bulgaria.

At Tolstoy's estate. 1904–1910. Notes from Yasnaya Polyana by D.P. Makovitsky. Book 1. 1904–1905 (1979), *Literary Heritage*, vol. 90, in 4 books, Book 1, Nauka Publishing House, Moscow, Russia.

Fedorenko, N.T., Sokolskaya, L.I. (1990), *Aphorisms*, Nauka Publishing House, Moscow, Russia.

Hui, A. (2019), *A theory of the aphorism. From Confucius to Twitter*, Princeton, Oxford: Princeton University Press.

Submitted: 25.01.2023

Accepted: 25.03.2023

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Для публикации научных работ в журнале «Семиотические исследования» принимаются статьи, раскрывающие вопросы общей семиотики и смежных дисциплин, ориентированные на междисциплинарный синтез знания в рамках философии, литературоведения и социологии.

Предлагаемый в статье материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое рецензирование. Срок рецензирования – 1–2 месяца. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность: 4 выпуска в год.

Подготовка статьи

Статья может быть предоставлена на русском, английском, немецком, французском, польском, китайском языках в электронном виде в формате .doc (semiotic@ssau.ru).

В статье должны содержаться следующие сведения:

1. УДК (<http://teacode.com/online/udc/>).
2. Сведения об авторе (авторах) (на русском и английском языках): ФИО, место работы, страна, электронная почта, ORCID (регистрация <https://orcid.org/>), по желанию другие идентификаторы в Scopus, WoS и т.д.).
3. Название статьи (на русском и английском языках, не более трех строк).
4. Аннотация (на русском и английском языках). Объем – 150–200 слов (на русском языке), 200–250 (на английском языке). Аннотация должна включать характеристику основной темы, проблемы (задачи) научной статьи, цели работы, методологию (методы исследования), эмпирический материал (источники), научные результаты и их новизну по сравнению с результатами, уже имеющимися в науке, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации.
5. Ключевые слова (на русском и английском языках 7–10 слов).
6. Цитирование (см. приложение «Образец оформления статьи»).
7. Благодарности (см. приложение «Образец оформления статьи»).
8. Информация о конфликте интересов (авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов).
9. Информация об авторах (ФИО полностью, ученая степень, звание, должность, место работы (кафедра, вуз, организация, предприятие), почтовый адрес места работы с указанием страны и почтового индекса).
10. Библиографический список на русском языке, на английском языке References.

Структура основного текста статьи зависит от поставленных целей, задач и исследуемых проблем, но обязательно выделять в ее композиции: введение, постановку задач (проблем), методологию, ход исследования, полученные результаты и выводы.

Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Объем статьи – 20000–40000 печатных знаков с пробелами. Шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1. При использовании в тексте статьи дополнительных шрифтов они должны быть предоставлены отдельно. Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т. п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах в форматах .jpg или .png.

Правила оформления ссылок

В журнале «Семиотические исследования» для оформления ссылок в тексте принят гарвардский стиль (Harvard style).

Пример оформления ссылок в тексте публикации в соответствии с гарвардским стилем:

1 автор: Текст ... (Богатова 2015), (Richardson 2015).

2 автора: Текст .... (Смирнова, Федорова 2013), (Cengel and Boles 2015).

3 автора: (Смирнова, Федорова, Иванов 2013), (Cengel, Rogers and Boles 2015).

Больше 3 авторов: (Смирнова и др. 2013), (Cengel et al. 2015).

Если в списке присутствуют однофамильцы, ставятся инициалы: (Иванов И.И. 2013).

Если нет авторов: (Название год).

Несколько работ одного автора: (Петров 2014, 2016), (Richardson 2015, 2018).

Несколько работ одного автора, опубликованных в один год: (Петров 2014a, 2014b), (Richardson 2015a, 2015b).

Если используется прямое цитирование: (Петров 2014, с. 25), (Richardson 2015, p. 98).

Если цитируемая статья написана на латинице (на английском, немецком, испанском, итальянском, финском, датском и других языках, использующих романский алфавит), ссылку на неё следует привести на оригинальном языке опубликования.

Правила оформления библиографического списка и References

Библиографический список должен содержать 15–30 источников.

У всех источников в библиографическом списке необходимо проверить присвоение DOI или URL (электронная ссылка на размещение статьи в РИНЦ, например) и указать его в библиографическом описании при наличии. Иностранные источники даются на языке оригинала.

Библиографический список

Библиографический список оформляется по ГОСТ Р 7.05–2008 в алфавитном порядке, не нумеруется.

Примеры оформления библиографического списка*Законодательные материалы*

Закон Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Российская газета. 2012 г. № Федеральный выпуск № 5976.

Стандарты

ГОСТ Р 7.0.100-2018 СИБИД. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления // Электронный фонд: [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200161674> (дата обращения: 27.01.2021).

Архивные документы

Материалы об организации Техникума печати при НИИ книговедения // ЦГАЛИ. СПб. Ф. 306. Оп. 1. Ед. хр. 381. Розанов И.Н. Как создавалась библиотека Исторического музея: докл. на заседании Ученого совета Гос. публ. ист. б-ки ФСР 30 июня 1939 г. // ГАРФ. Ф. А-513. Оп. 1. Д. 12. Л. 14.

Книга одного автора

Рубальская Л.А. Такая карта мне легла: стихи, проза. Москва: Эксмо, 2008. 445 с. : ил.

Улицкая Л.Е. Люди нашего царя: сборник. Москва: Эксмо, 2008. 365 с.

Книга двух–трех авторов

Чиркова Ю.В., Колосова Т.А. Проективные методы в диагностике нарушений развития личности в детском возрасте : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по гуманитар. направлениям. Москва: Юрайт, 2019. 216 с.

Чернышев А.С., Сарычев С.В., Гребеньков Н.Н. Методика преподавания психологии. Современные технологии: учеб. пособие для вузов. Москва: Юрайт, 2019. 222 с.

Книга четырех авторов

При наличии четырех авторов, книга описывается под заглавием, все четыре автора указываются за косой чертой.

Разнообразие микроорганизмов источников Байкальского региона: учебное пособие / Е.В. Лаврентьева, Д.Д. Бархутова, Б.Б. Буянтуева, Б.Б. Намсараев. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2009. 148 с.

Книга пяти авторов

При наличии пяти авторов и более, книга описывается под заглавием. За косой чертой (сведения об ответственности) перечислить первых 3-х авторов с обозначением [и др.].

Рекреационный потенциал Баргузинского Прибайкалья и Селенгинской Даурии: проблемы освоения / К.Ш. Шагжиев, В.А. Бабинов, А.В. Мантатова [и др.]; Федер. агентство по образованию, Бурят. гос. ун-т. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та.

Многотомные издания

Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений с приложениями. В 11 т. Т. 7. Письма, 1905–1926. Москва: Слово, 2005. 823 с.

Гиппиус З.Н. Соч.: в 2 т. / вступит. ст., подгот. текста и коммент. Т.Г. Юрченко. Т. 1. Без талисмана; Победители; Сумерки духа. Москва: Лаком-книга: Габестро, 2001. 367 с.

Статья из журнала

Никольская А.В. Влияние цифровизации на психологическое состояние студентов с ограниченными возможностями здоровья // Вопросы психологии. 2019. № 3. С. 107–118.

Епифанцев Т.Н., Крюков А.В. Трансформация культурных кодов // Вопросы лексикографии. 2017. № 1. С. 80–86.

Статья из книги или другого разового издания

Коломак Е.А., Трубехина И.Е. Анализ пространственной концентрации экономической активности в Новосибирской области // Экономико-математические исследования: математические модели и информационные технологии. Отв. ред. Л.А. Руховец. Санкт-Петербург: Нестор-История. С. 132–150.

Электронные ресурсы

РУКОНТ: национальный цифровой ресурс: межотраслевая электронная библиотека. URL: <https://rucont.ru> (дата обращения: 14.10.2019).

Конституция Российской Федерации. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=2875> (дата обращения: 27.01.2021).

Электронный Архив В.И. Вернадского. URL: <http://vernadsky.lib.ru> (дата обращения: 27.01.2021).

Статьи с сайтов журналов и газет

Журавлева И. В. Социальная обусловленность здоровья подростков во временном аспекте // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7, № 2. С. 132–152. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=6414&l=&j=4 (дата обращения: 27.01.2021).

References

Библиографический список на латинице (References) оформляется по стандарту Harvard.

- Библиографические источники не нумеруются и располагаются в порядке, указанном в библиографическом списке.
- Для разделения элементов записи используют запятые.
- Запись всегда начинается с фамилии автора, затем инициалы, за которыми следует дата в скобках. Фамилии и инициалы авторов приводят в транслитерации (иностранных авторов – в оригинале).
- Если более чем одна запись одного и того же автора, сортировать по датам.
- Название книги и периодического издания всегда выделяется курсивом.
- Имя издателя показывается перед местом издания (как это было бы в адресе). Место издания – город, страна. Сокращения для штатов США должны быть с большой буквы и добавлены по мере необходимости.
- Ссылки на электронные ресурсы следуют тем же правилам, а затем «по адресу:» и URL-адрес.

Правила для русскоязычной литературы:

- ФИО автора (авторов) приводится в транслитерации.
- Название статьи переводят на английский язык.
- Название книги переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных книг приводят оригинальное английское название.
- Название периодического издания приводят в транслитерации. Если издательство (предприятие, учреждение, организация и т.п.) имеет официальное англоязычное название, то нужно приводить это название.
- Название издательств и организаций СНГ приводят в транслитерации.
- Название города, названия конференций, пояснительные слова, словосочетания переводят на английский язык. Для международных конференций, имеющих второе англоязычное название, приводят это название.
- Сокращения заменяют англоязычными аналогами:

part 2; volume 3; Vol. 3; pp. 10-19; 323 p.; no. 1; issue; Abstract of the dissertation; International conference proceedings (Int. Conf. Proc.); Scientific-and-technical (Sci.-Tech.) collected articles; dated 19 December 2013; monograph; Annals – Ann.; Annual – Annu.; Colloquium – Colloq.; Conference – Conf.; Congress – Congr.; Technical Paper– Tech. Paper; First; Second; Third; Fourth/nth... –1st; 2nd; 3rd; 4th/nth...; Convention – Conv.; Digest – Dig. ; Exposition – Expo.; International – Int.; National – Nat.; Proceedings – Proc.; Record – Rec.; Symposium – Symp.; Technical Digest – Tech. Dig.

Базовая структура

Фамилия, инициалы (год издания), название, издатель, место издания, журнал и т.д., точные ссылки.

Пунктуация должна быть следующей: для двух авторов отделяются «and» и без запятой; для нескольких авторов разделяются запятыми, но последняя фамилия должна быть связана с предыдущей «and» без запятой.

Книги

Англоязычные книги

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Название курсив*, № издания, издательство, город, страна.

Русскоязычные книги

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Название in English курсив*, № издания, издательство, город, страна.

Примеры оформления в References

Книги с одним автором

Adair, J. (2018), *Effective management: How to save time and spend it wisely*, Pan Books, London, UK.

Книги с двумя и более авторами

Turchaninov, I.A., Joseph, M.A. and Kasparyan, E.V. (1989), *Fundamentals of Rock Mechanics*, Nedra, St. Petersburg, Russia.

Книги того же автора в том же году

Napier, A. (1993a), *Fatal storm*, Allen and Unwin, Sydney, NSW.

Napier, A. (1993b), *Survival at sea*, Allen and Unwin, Sydney, NSW.

Книги с анонимными или неизвестными авторами

The University Encyclopedia (1985), Roydon, London, UK.

Книги под редакцией

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Оригинальное название книги курсив*, № издания, in Фамилии, И.О. редакторов (ed.), издательство, город, страна.

Примеры оформления в References

Sjostrand, S. (1993), *Institutional change: theory and empirical findings*, M.E. Sharpe (ed.), Armonk, N.Y.

Статьи в журналах и периодических изданиях

Англоязычные статьи

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), Название статьи, *Название издания курсив*, vol. номер тома, no. номер выпуска (если он существует), pp. номера страниц статьи.

Русскоязычные статьи

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), Перевод названия статьи на английский язык, *Название издания транслитерация или английское зарегистрированное курсив*, vol. номер тома, no. номер выпуска (если он существует), pp. номера страниц статьи.

*Примеры оформления в References**журнальная статья*

Bessant, J. (2001), The question of public trust and the schooling system, *Australian Journal of Education*, vol. 45, August, pp. 207–226.

Khomenko, O.Ye, (2010), Control of the energy of rocks in underground ore mining, *Mining Journal. Ferrous metals*, Special Issue, pp. 41–43.

Huffman, L.M. (1996), Processing whey protein for use as a food ingredient, *Food Technology*, vol. 50, no. 2, pp. 49–52.

журнальная статья с номером тома и/или выпуском

Bessant, J. and Webber, R. (2001), Policy and the youth sector: youth peaks and why we need them, *Youth Studies Australia*, vol. 20, no. 1, pp. 43–47.

Guthrie, J. and Parker, L. (1997), Editorial: Celebration, reflection and a future: a decade of AAAJ, *Auditing & Accountability Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–8.

Daniel, T. (2009), Learning from simpler times, *Risk Management*, no. 1, pp. 40–44.

Karas T.H., Moore J.H. and Parrott L.K. (2008), Metaphors for cyber security, *SANDIA report*, vol. SAND 2008–5381, pp. 3–42, DOI: <http://doi.org/10.2172/947345>.

Электронные ресурсы

Необходимо следовать той же конвенции ссылок, как для печатных источников, но включать элементы, уникальные для Web:

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Название курсив*, available at: полный URL, (Accessed дата обращения).

Пример оформления в References

Young, C. (2001), English Heritage position statement on the Valletta Convention, [Online], available at: <http://www.archaeol.freeuk.com/EHPositionStatement.htm> (Accessed 4 Aug 2011).

Стандарт транслитерации

При транслитерации рекомендуется использовать стандарт BSI (British Standard Institute, UK). Для транслитерации текста в соответствии со стандартом BSI можно воспользоваться ссылкой <http://translit.ru/?account=bsi>

Рукопись может быть возвращена авторам, если она не соответствует вышеприведённым требованиям.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 330

Дата: поступления статьи:
после рецензирования:
принятия статьи:

П.С. Петров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Petrov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0000-0560-005x>

И.В. Иванов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Ivanov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0347-0900-084x>

Когнитивно-семиотические аспекты моделирования в гуманитарной сфере**Аннотация:****Ключевые слова:**

Цитирование: Петров П.С., Иванов И.В. Когнитивно-семиотические аспекты моделирования в гуманитарной сфере // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2021. Т. 1, № 1. С. 15–25. DOI ....

Благодарности: авторы выражают благодарность (...) за оказанную помощь в проведенном исследовании.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Петров П.С., 2021** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории журналистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© **Иванов И.В., 2021** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

P.S. Petrov

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation
E-mail: Petrov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0000-0560-005x>

I.V. Ivanov

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation
E-mail: Ivanov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0347-0900-084x>

Cognitive-semiotic aspects of modelling in the sphere of humanities**Abstract:****Key words:**

Citation: Petrov, P.S. and Ivanov, I.V. (2021), Cognitive-semiotic aspects of modelling in the sphere of humanities, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 1, pp. 15–25, DOI ....

Acknowledgments: the authors express their gratitude (...) for the assistance provided in the study.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Petrov P.C., 2021** – doctor of philology, assistant professor, professor of the Department of Theory and History of Journalism, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

© **Ivanov I.V., 2021** – doctor of philosophical science, professor, professor of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Ход исследования

Полученные результаты и выводы (Заключение)

Источники фактического материала

Чернышев А.С., Сарычев С.В., Гребеньков Н.Н. Методика преподавания психологии. Современные технологии: учеб. пособие для вузов. Москва: Юрайт, 2019. 222 с.

Библиографический список

Bessant, J. (2001), The question of public trust and the schooling system, *Australian Journal of Education*, vol. 45, August, pp. 207–226.

Guthrie, J. and Parker, L. (1997), Editorial: Celebration, reflection and a future: a decade of AAAJ, *Auditing & Accountability Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–8.

Епифанцев Т.Н., Крюков А.В. Трансформация культурных кодов // Вопросы лексикографии. 2017. № 1. С. 80–86.

Журавлёва И.В., Лакомова Н.В. Региональные особенности отношения подростков к здоровью и окружающей среде // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8 № 4. С. 88–104. DOI: <http://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.4.7658>.

References

Bessant, J. (2001), The question of public trust and the schooling system, *Australian Journal of Education*, vol. 45, August, pp. 207–226.

Guthrie, J. and Parker, L. (1997), Editorial: Celebration, reflection and a future: a decade of AAAJ, *Auditing & Accountability Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–8.

Epifancev, T.N. and Krjukov, A.V. (2017), Transformation of cultural codes, *Russian Journal of Lexicography*, no. 5, pp. 80–86.

Zhuravleva, I.V. and Lakomova, N.V. (2020), Regional Features of the Attitude of Adolescents to Health and the Environment, *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika = Sociological Science and Social Practice*, vol. 8, no 4, pp. 88–104, DOI: <http://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.4.7658>.

Submitted: _____

Revised: _____

Accepted: _____

